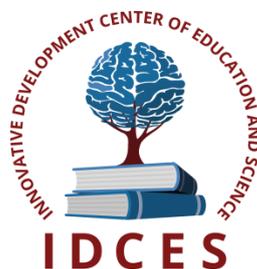

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Основные проблемы общественных наук

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 октября 2015г.)**

**г. Волгоград
2015 г.**

Основные проблемы общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. г. Волгоград, 2015. 80 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчебасова Надежда Анатольевна (г.Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (г.Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г.Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г.Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г.Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г.Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (г.Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (г.Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г.Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г.Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г.Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г.Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г.Пятигорск)

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции "Основные проблемы общественных наук" (г.Волгоград) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	
Мазурин С.Ф.	6
ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В 1921-1922 ГГ.	
Яблочкина И.В.	9
МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО ПРИХОДА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.)	
Воронова-Оренбургская С.О., Емельянова Т.В.	11
ОЦЕНКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	
Мельникова Н.Ф., Мезит Л.Э.	16
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	18
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕПУТАЦИИ В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ	
Ахиев С.Н., Поздникин А.А.	18
К ИСТОРИИ III АВГУСТОВА ЛЕГИОНА В I-III ВВ.	
Соловьянов Н.И.	19
О КУЛЬТАХ ЛЕГИОНА III AUGUSTI В АФРИКЕ В I-III ВВ.	
Соловьянов Н.И.	21
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В	
Шестакова А.Г.	23
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	26
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	26
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	26
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	26
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	26
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	26
ПОЛИТОЛОГИЯ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	26
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	26
ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ	
Григонис Ю.Э.	26
СЕКЦИЯ №9.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02) . 31	

СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)	31
СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04).....	31
СЕКЦИЯ №12.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	31
СЕКЦИЯ №13.	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06).....	31
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	31
СЕКЦИЯ №14.	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	31
СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03).....	32
ПРОЦЕСС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В МИРЕ НАСЛЕНИЯ И ВЛИЯЮЩИЕ НА НЕГО ФАКТОРЫ	
Дудко К.Ю.	32
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	35
АНАЛИЗ УСТАНОВОК ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА СТУДЕНТОВ ТУСУР 2013-2015 ГГ)	
Орлова Н.А.	35
БИОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ	
Орлова И.В.	37
ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ	
Моисеенко В.В.	39
ВОЛОНТЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА	
Гедугова Д.А.	41
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ	
Беликова Л.Ф.	43
СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА	
Ракутина Н.М.	46
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05).....	49
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06).....	49
МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	
Винник И.В., Корженко О.М.	49
ТЕХНОЛОГИЯ КАРТИРОВАНИЯ В КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЯХ	
Никифорова С.В.	51
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	55
РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПРИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	
Сидорова Д.С.	55

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00).....	57
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)	57
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	57
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД Б. ЛОНЕРГАНА И ГЕРМЕНЕВТИКА	
Ковревская В.Е.	57
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	59
МОЛЧАЛИВАЯ ЖЕСТОКОСТЬ ПОСТМОДЕРНА	
Афанасенко Я.А.	59
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	63
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)	63
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	64
РЕЛЯТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИНОМИЙ ПРИНЦИПА СИММЕТРИИ В КОНТЕКСТЕ	
ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ	
Бурлакова Л.Г.	64
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	68
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ	
Василовская Е.А., Вергалец Н.В.	68
РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КРИЗИСОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ	
АСПЕКТ	
Чуприна А.А.	70
СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13) 72	
КУЛЬТУРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	
Шубина М.М.	72
ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СВОБОДЫ В УЧЕНИИ	
ЭРИХА ФРОММА	
Волохова Е.В.	74
ЦЕЛЬ И ЦЕННОСТЬ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА	
Шестаков Ю.А.	76
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14).....	77
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	77
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	78

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Мазурин С.Ф.

Санкт-Петербургский университет управления и экономики, г.Санкт-Петербург

Ключевые слова: Общественные отношения, Новый Завет, светское образование, общественная наука, духовность, нравственность, национальная безопасность, социальная среда общества.

Аннотация. В представленной статье рассматриваются наиболее значимые проблемы, лежащие в основе совершенствования общественных отношений, общественной науки и образования в России.

Современная светская система общественного образования, исповедующая философское атеистическое мировоззрение по вопросам зарождения жизни, возникновении и развитии человека, семьи, общества, государства и права, признаваемая большинством ученых обществоведов за истину, наносит глубокий ущерб внутреннему самосознанию человека, рациональному развитию общественных отношений и национальной безопасности государства.

Секуляризация истинного мировоззрения, насаждаемая российскому народу политическими элитами государства на протяжении последних 100 лет, способствовала и продолжает способствовать разрушению духовности и нравственности в социальной среде общества. Следует иметь в виду, что нравственность без духовности, как и духовность без нравственности существовать не могут, не могут они существовать и без связи с троичной сущностью Бога - Творца. Если основными элементами духовности выступают вера, покаяние, воздержание, кротость и молитва, то обязательными, неотъемлемыми критериями нравственности являются: совесть, милосердие, сострадание, нестяжательство, скромность, жертвенность своими личными интересами во имя ближнего, во имя благополучия своего народа, своего государства. Все указанные добродетели основываются на постулатах христианского православного вероучения и не имеют иной альтернативы. Для того, кто желает действительно познать сакральную историческую истину развития общественных отношений, следует знать притчу Христа Спасителя «о семи духах»: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И пришед находит его незанятым, выметенным и убранным; Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мтф. 12:43-45). Для людей сведущих, понятно, что Господь говорит здесь об отказе Иудеев от Божиих Заповедей, которые были даны им чудесным образом на двух скрижалях, и которые, с утратой веры были подменены греховными пороками: эгоизмом, завистью, человеконенавистничеством враждой, прелюбодеянием, тщеславием и гордыней, явившимися причиной разрушения их государственности и рассеиванию их по всему миру. Не те ли самые человеческие пороки и отказ большинства населения России от Бога явились разрушительными и для российской государственности в 1917 году, а затем и советского государства в 1991 году, не они ли являются разрушительными и для многих государств современного мира, не желающего видеть и понимать единственную истину, заключенную в сакральном, апостольском православном вероучении?! Отмеченная притча имеет безраздельную связь и с системой светского общественного образования и общественной науки, очищенных от христианских заповедей и вобравших в себя вековую атеистическую ложь. Как нам известно, природа не терпит пустоты и всякое освободившееся в ней благодатное место, неизменно занимают паразитические элементы, несущие разрушение всего живого организма, будь то организм человека, отдельная государственная структура, или все государство в целом.

Система общественного образования, игнорирующая основы духовности и нравственности, базовой основой которых является Новый Завет, безраздельно заполняется ложными идеологиями, создающими благоприятные условия для развития человеческих пороков, разрушающих стабильную систему общественных отношений, подрывающих основы национальной безопасности государства. На смену человеческим добродетелям, которым учат нас святые апостолы и православная Церковь Христова, указывающая нам, как и

Сам Христос - Спаситель, путь к праведности и благочестию, враг человеческого рода насаждает, через своих пособников, ложные – временные, как и сама земная жизнь, материальные ценности, устоять перед которыми без защитного иммунитета, выраженного в православном вероисповедании, неверующим людям невозможно. В беседах со своими учениками Иисус Христос говорил, что мир не может обходиться без соблазнов, «но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17:1). В другом месте, обращаясь к еврейской знати - книжникам, законникам и фарисеям, Христос предупреждает их, говоря: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк. 11:52). Современная общественная наука отказывается принять ключ разумения и по своей слепоте, усердно продолжает служить врагам Божиим, тем, к кому были обращены эти слова Христа - Спасителя.

Светская система общественного образования, в основу которой был положен Декрет СНК РСФСР от 2 января (20 февраля) 1918 года «Об отделении церкви от государства»,¹ имеет секуляризованный характер (иначе говоря, является кастрированной), выхолостившей из своего содержания духовные и нравственные принципы Нового Завета. Последующие итоги исторической действительности нам хорошо известны. С отделением Церкви от государства и установлением запрета, на преподавание православного религиозного вероучения в системе общественного образования, были безраздельно отвергнуты и истинные исторические знания Ветхого и Нового Завета, а с Ними и духовно- нравственное воспитание человека, на смену которым, пришли псевдокультурные (дебилизирующие сознание человека) «революционные ценности» - явившиеся «семью худшими духами». Все происходящие после этой подмены катастрофические для нашей истории события и факты с убедительнейшей достоверностью свидетельствуют о том вреде, который был нанесен российскому государству за последние 100 лет его развития. Исследование истории развития общественных отношений в России, совокупно с исследованиями естественно научных знаний, позволяет привести веские доказательства в пользу тварного происхождения мира и Божиего промысла в жизни каждого человека, общества и государства.

Великая опасность подстерегает то государство, в котором духовным и нравственным ценностям противопоставляются ценности материальные. Приоритет материальных ценностей перед ценностями нравственными, служит росту различных человеческих и общественных пороков, разрушению общественного самосознания, расширению коррупции в системе государственной власти, распространению политической лжи, возникновению межличностных конфликтов в социальной среде общества, росту преступности, экстремизма и терроризма, ослаблению национальной безопасности государства и его разрушению.

Вера человека в Бога и страх перед Ним, подвигает людей к своему нравственному самосовершенствованию, отсутствие веры, или недостаточная убежденность в ней человека, разрушает и его нравственность. Единство духа и веры всегда способствовало любовному объединению людей, отсутствие веры порождало лишь взаимную неприязнь, зависть и ненависть, порождая тяжелые последствия для всего государства, порождая в нем многие скорби и беды.

Всякое общество устроено по тому же принципу, что и целостный организм человека. Являясь средством разрушения внутренней гармонии (внутреннего равновесия), на которой держатся все общественные отношения, всякое зло и всякая неправда ослабляют положительное энергетическое взаимодействие между всеми членами сообщества, все более и более усиливая внутренние противоречия, порождая внутренние конфликты, насилие и хаос, очевидным примером сегодня для всех нас является то положение, в котором оказались такие государства как Сирия, Ливия, а в ближайшее время может оказаться и Украина.

Как представляется, отверженность соблазнов материального мира и полное воссоединение с Христом - Спасителем, является абсолютным средством к духовному и нравственному самосовершенствованию человека, это путь к спасению не только отдельного человека, но и всего общества, однако, это осознает лишь малая часть населения России.

Главным оружием в борьбе с мировым злом является изучение основ православной культуры, прежде всего, Нового Завета. Лишь это может позволить отличать правду от лжи, добро от зла.

Все научные теории, существующие в обществе, выводятся на основании определённого знания и сформировавшегося устойчивого мировоззрения. В этом отношении справедливо замечание известного философа Ф Бэкона «Малое знание удаляет от Бога, большое знание приближает к Нему». Развивая тезис Ф. Бэкона, профессор С.А. Сошинский отмечает: «Для большинства ученых-естественников законы природы – не те, что мы знаем, но те, что «есть» в природе, - представляются полнотой, не допускающей исключений»². Указанный нами тезис Ф.Бэкона, комментарии профессора Сошинского С.А. можно было бы дополнить следующим образом: «Истинные знания человека к Богу приближают, ибо от Него и исходят, ложные от Бога

¹ "Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства" от 5 февраля (28 января) 1918 г. СУ РСФСР, 1918, М 18, ст.269

² См.: Сошинский С.А. Чудо в системе мироздания. Журнал «Вопросы философии». 2001. №9. С.82-97.

удаляют, ибо отцом лжи является враг Бога и рода человеческого – лукавый, который противостоит истине, и которому вольно, или невольно, по недомыслию, служат те, кто виртуальность выдает за действительность, а ложь за истину».

Все силы мирового зла, отвергающие Христа – Спасителя и Его учение о земной и Небесной жизни, всегда вынашивали агрессивные замыслы против российского государства и его истинных союзников – государств, с православным менталитетом. Сегодня не представляет сложности определить тех, кто стоит во главе сил мирового зла – это все те, кто совместными усилиями создавал агрессивную систему НАТО, устремленную к границам России, в которой видят единственное препятствие на пути к достижению своей глобальной цели – мирового господства, это те, в чьих руках находятся арсеналы военно-промышленного комплекса НАТО. Разбросанная по всему миру сионистская агентура, щедро финансируемая из своего идеологического центра – Вашингтона, озадачена единой целью – любыми методами ослабить духовно-нравственный иммунитет российского народа, внести разлад в систему общественных отношений, любыми средствами противодействовать объединению на основе принципов Нового Завета народов России и ее союзников. Пока Россия еще живет своею верой, ей не страшны ни какие ее враги и их злопыхательские козни, но вера эта, как уже было отмечено, охватывает лишь малую часть населения, другая же, большая его часть, продолжает находиться под влиянием атеистической идеологии мракобесия, являющейся основополагающей в системе светского общественного образования.

Правовые науки в послереволюционной России никогда не оперировали в своем обороте такими категориями как «общественные добродетели» и «греховные пороки». Не один закон в России никогда не опирался на такие нравственные критерии православной добродетели как: смирение, терпение, целомудрие, милосердие, сдержанность, кротость, стыд и справедливость. Не один закон таких критериев в себе и не содержит, относя их к нравственным категориям «свободы совести», которым не находится должного места не в государственной политике, не в системе общественного образования. Позитивная роль общественных наук и общественного образования, должна способствовать укреплению внутренних общественных связей, взаимоуважения, любви и милосердия среди людей, а не углублению общественных противоречий. В целях формирования правильного, лишённого всякой неправды мировоззрения у народонаселения государства и выработки эффективных рекомендаций по совершенствованию общественных отношений, общественные науки и общественное образование должны исходить из христианского православного мировоззрения, у которого нет иной альтернативы, ибо истина всегда абсолютна и безальтернативна. Если одно суждение в отношении одного и того же предмета истинно, то все остальные, противоположные ему будут ложны. Каждому человеку с раннего возраста должно быть предоставлено право иметь истинное представление о мире, о тех добродетелях, которые были принесены в человеческий мир Мессией – Христом Спасителем, чтобы уметь отличать истину от лжи, добро от зла, а так же иметь представление о тех последствиях, которые могут наступить за нераскаянные грехи.

Никакая секуляризованная наука не в состоянии выработать эффективных рецептов исцеления социальных болезней общества, потому как не содержит в себе внутренней гармонии. Этому могут способствовать лишь истинная наука и образование, опирающиеся на Новый Завет, на Божие законы развития природы, общества и государства.

Однобокость общественных наук и общественного образования, ориентированных, главным образом, на развитие материальных отношений и пренебрежительное отношение к формированию духовности и нравственности в социальной среде общества, способствует деструктивному развитию общественных отношений и ослаблению национальной безопасности государства. Научное сообщество современной России можно сравнить с народом, который «своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, да не обратятся, и прощены будут им грехи.» (Мк. 4:12) Только какая польза от такого ученого сообщества государству и людям, если и притчи Христа – Спасителя не знают, а должны были бы знать, называя себя «учителями» и «учеными». Для народа содержание такого ученого сообщества – это лишние, бессмысленные материальные траты, не приносящие доброго плода.

Для приведения в соответствие с истинными знаниями всей системы общественного образования и науки, сегодня крайне необходимо ввести в систему общеобязательного образования такие учебные дисциплины как: «Богословие», «История мировых религий», «Основы Православной культуры», «Православное обществознание», «Основы аналитического сравнения традиционных вероучений», «История православного отечества». Введение и изучение указанных учебных дисциплин в систему государственного образования, а так же соответствующие им научные исследования, позволят выявить ту единственную и неопровержимую мировую истину, которую игнорирует светская система образования и секуляризованное сообщество корифеев от общественной науки на протяжении последних 100 лет. Изучение всех названных учебных дисциплин в системе общественного образования, позволило бы многим из тех, кто сегодня придерживается атеистических, или иных

ложных взглядов, постичь единственно верную истину, изменить свое мировоззрение, прийти к Богу и следовать тем путем, который нам указан Христом Спасителем сказавшим нам: – «Я хлеб живой, шедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6:51). Общественная наука без Бога – мертвая наука, наука мертвецов же. Не внявшие словам Господа уподобятся тем, кто предал Его, обращаясь к которым Христос сказал: - «...будете искать Меня, и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти» (Ин. 7:34). В нашем грешном мире может быть только одно истинное мировоззрение, одна истина, заключенная во Святой Троице, ложных же суждений может быть сколько угодно.

Важным шагом на пути развития общественных наук в России и переосмысления общественного самосознания, должна стать разработка основных тематик научных исследований различных религиозных течений, проведения глубокого научного анализа содержащихся в них духовно-нравственных ценностей, или разрушительных идей, влияющих на самосознание человека. Все общественно-научные исследования должны иметь доказательственную платформу, базирующуюся на исторически проверенных и исследованных фактах, а не на гипотетических предположениях. Общественные науки должны способствовать развитию эффективной правовой системы государства, нравственному воспитанию человека, укреплению основ государственности и национального самосознания народов России. Научный подход к глубокому исследованию исторических корней религиозно-нравственных учений различных верований и народов, позволит отделить ложь от истины. Плевелы лжи, засоряющие посевы Божией правды на благодатной почве Святой Руси, как нам повествует Иисус Христос, в своей притче о плевелах (Мф. 13:24-30), должны быть от истины отделены и сожжены.

В подведение итога отметим, что в мире даже кажущийся нам хаос, имеет определенную закономерность, представляя собою гармоничную, организованную форму движения (жизни), созданную и упорядочиваемую Промыслом Божиим. Всякое же общество, не имеющее глубокой веры в Бога, будет поработено материальными страстями, которые способствуют утрате духовности и нравственности, без которых не может быть цивилизованного развития общественных отношений, ибо, как сказано в Евангелие: «Не можете служить Богу и мамоне» (Матф.6:24).

Список литературы

1. Новый Завет.
2. Сошинский С.А. Чудо в системе мироздания. Журнал «Вопросы философии». 2001. №9. С.82-97.

ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В 1921-1922 ГГ.

Яблочкина И.В.

Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

В декабре 1920 г. советские газеты опубликовали последнее сообщение с фронтов гражданской войны: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах полевой штаб Реввоенсовета приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». Военный вопрос перестал быть главным для страны, но боевые действия на окраинах продолжались еще не один год. Начавшая свой исторический отсчет с 1921 г. новая экономическая политика проводилась Советской властью в условиях, которые нельзя назвать мирными и стабильными.

Юг России стал центром наиболее мощных вооруженных выступлений против Советской власти. После разгрома Врангеля здесь сложилось совершенно новое соотношение политических сил. Теперь большевикам противостояли не регулярные вооруженные силы, а различные по целям, политической окраске, социальной базе движения - от монархистов до анархистов. Среди огромного количества вооруженных отрядов, наводивших со времен гражданской войны казацки станицы, можно выделить 4 основных вида формирований, имевших политическую направленность, отличающихся по целям, социальному составу, идеологии и отношению к ним местного населения.

Во-первых, это белогвардейские формирования, действия которых стали логическим продолжением той борьбы, которую белая армия вела с Советской властью с 1917 года. И после поражения Врангеля гражданская война для бывших кадровых офицеров Деникинской, Врангелевской армий не окончилась. Напротив, после Крымской катастрофы в конце 1920 г. началась консолидация белогвардейских сил для нанесения нового удара, развертывание агентурной сети, использование районов, охваченных антисоветизмом и антибольшевизмом для содействия войсковым частям и как источник их пополнения. Для реставрации белой армии были созданы и подпольные контрреволюционные центры, такие, как, например, «Спасение единой Руси на Юге России» со

штабом в городе Краснодаре и сетью периферийных групп в Краснодарском и Майкопском отделах, организаций полковника Даутакова-Серебрякова, есаула Рябоконя и др.³

Во-вторых, так называемое, самостийное движение, особенно ярко проявившееся в казачьей среде. Это движение также носило антисоветский, антикоммунистический характер, но ставило своей задачей прежде всего освобождение своей территории – Дона, Кубани и Терека от Советской власти вплоть до отделения и образования самостоятельного казачьего государства.

О размахе повстанческого движения весной 1921 г. свидетельствуют кратковременные захваты достаточно крупных населенных пунктов: 10 марта пал Кизляр, в мае полковник Даутаков-Серебряков занял ст. Невинномысскую. Предпринимались нападения на Кисловодск, Армавир, железнодорожную линию Ростов – Баку⁴. Регулярные части Северо-Кавказского Военного Округа наносили ответные успешные удары по повстанцам, но не могли в маневренной партизанской войне искоренить сопротивление. Под руководством бывших белых офицеров и казачьих атаманов начался процесс объединения мелких вооруженных групп в формирования с политической окраской. Причем сформировавшиеся соединения, руководимые опытными офицерами, получившими широкую известность в казачьей среде, в основном старались воспроизвести структуру дореволюционных армейских частей.

Интересным является вопрос о социальном составе этих военно-политических формирований на Юге России. Именно на юг устремились многие недовольные Советской властью представители военных кругов и интеллигенции. Часть из них покинула в 1920 г. Россию, оставшиеся же не теряли надежду на успех в новой борьбе. Но, несомненно, что основную массу составляло местное население Дона и Кубани, вступавшее в отряды, исходя прежде всего из своих собственных интересов. Здесь следует уточнить, что в отношении к военно-политическим формированиям белогвардейской ориентации позиции местного крестьянства и казачества были различны. Для крестьян белое движение означало возврат к царским временам и глубоко чуждые лозунги «единой, неделимой России» крестьянского сознания не затронули. Казачество же охотно вступало в такие формирования, возглавлявшиеся известными офицерами белой армии.

В третью группу можно выделить те формирования, которые создавались за пределами территории Дона, Кубани и Терека, но присутствовали на Юге России в результате передвижений и реформирований крупных анархических групп, двигавшихся с Украины (сторонников Махно, а также мелких отрядов из центральных областей России, отступавших на юг под натиском Красной Армии из Харьковской, Воронежской, Саратовской и других губерний). Эти группы не имели здесь прочных социальных корней и поддержки населения.

И, наконец, четвертое, наиболее сложное и противоречивое по своей политической окраске и социальному составу антибольшевистское движение, развернувшееся на Юге России под лозунгом «Советы без коммунистов». Движение получило известность как «маслаковщина» по имени одного из самых его известных организаторов Г.С.Маслакова, бывшего командира Красной Армии. Сочувствие крестьянского населения, беднейших и средних слоев казачества можно объяснить недовольством продразверсткой, а также сменившим ее натуральным налогом, который оказался не менее тяжелым бременем. О недовольстве продналогом крестьянства в Советской России в первый год НЭПа сообщалось во всех секретных информационных сводках ВЧК и штабов Красной Армии⁵.

В условиях послевоенного времени на Юге России существовало еще и большое количество местных банд уголовного характера, периодически принимавших ту или иную политическую окраску, либо вообще прикрывавшихся политическими лозунгами для оправдания грабежа, разбоя, убийств местных жителей и представителей Советской власти. Картина вооруженного антисоветизма в 1921 г., охватившего всю территорию Дона, Кубани и Терека была бы не полной без упоминания особого вида групп, ставших соединением совершенно случайных элементов, вышедших из различных слоев населения, людей с особенной, авантюрной психологией. В составе таких групп было немало уголовников, но, в основном, сюда вступали «поработать на время»⁶ казаки и чеченцы, причем причиной этого вступления была любовь к налетам и вольной партизанской жизни⁷. Такие люди легко прикрывали свой авантюризм политической окраской, но в случаях серьезных военных столкновений с регулярными частями Красной Армии покидали отряды и рассеивались по своим селам и хуторам.

К началу 1921 г. на основной территории России в связи с окончанием гражданской войны были ликвидированы фронты. Но политическая ситуация на Юге России оказалась настолько опасной, а угроза

³ РГВА Ф.109, оп. 4, ед. хр. 43, л. 23.

⁴ РГВА. Ф. 4, оп. 2, ед. хр. 477, л. 607.

⁵ РГАСПИ. Ф. 65, оп. 1, ед. хр. 131, л. 80.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 84, ед. хр. 226, л. 30.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 84, ед. хр. 226, л. 30.

свержения Советской власти настолько реальной, что по приказу Реввоенсовета Республики № 924/163 от 30 апреля 1921 г. был образован Северо-Кавказский Военный Округ, расформированный годом ранее по приказу Реввоенсовета № 499/83 от 31 марта 1920 г. после разгрома армии Деникина⁸. Округ охватывал территории Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний и Дагестана.

В течение всего 1921 г. партийные, советские и военные органы сочетали агитационно-пропагандистские, экономические, предупредительные, а также военные методы борьбы, но сломить силы повстанческого сопротивления им не удавалось, поэтому к концу года на первый план выдвинулись военные методы. Серьезные успехи в борьбе с военно-политическими формированиями были достигнуты частями 1-ой Конной Армии, ЧОН Донской области и войсками ДонЧК. Особенно ощутимый урон понесли отряды маслаковцев, сильные потери несли отряды Попова, Фомина, Назарова. В то же время действенным средством считалось проведение широкомасштабных амнистий для всех отказавшихся от борьбы с Советской властью. Кроме того, ВЧК активно внедряла в отряды белогвардейцев и «самостийников» своих агентов для пропаганды и убийств руководителей⁹.

Сочетание военных и карательных мероприятий Советской власти привело к определенному перелому в соотношении сил противников. В 1922г. становится заметной тенденция к отступлению многих групп под натиском Красной Армии, сдаче в плен, дроблению на мелкие отряды, все более напоминающие по образу действий обычных уголовников. С переходом отрядов и групп к системе налетов, когда они стали грабить все население, изменяется и отношение к ним местных жителей, а значит, резко сужается социальная база. Нельзя не отметить и такой психологический момент – повстанцы утомились физически и нравственно, вера в свое дело стала уже не такая яркая и неистовая. Мелкие и раздробленные отряды «бело-зеленых» все более превращались в уголовников, все чаще использовали террор не только против коммунистов. К 1 августа 1922 г. на участке 1-й Конной армии в 16 отрядах количество штыков и сабель не превышало 600, повстанцы потеряли убитыми и ранеными 1237 человек, из 500 пленных 195 человек сдалось добровольно¹⁰.

Контрреволюционные, антисоветские выступления на Юге России представляли и в 1922 году серьезную военную и политическую угрозу для Советской власти, но уже с каждым месяцем все труднее было им набирать прежнюю силу. Движение неустанно шло на спад. Счет людей во многих отрядах уже шел не на сотни, а на десятки. Мелкие же группировки не могли противостоять регулярным частям Красной Армии, выступавшим в тесном единстве с органами ГПУ, милиции, ЧОНов. Ликвидация крупных очагов политического вооруженного движения на Юге России произошла, в основном, к концу 1922 г. В последующие годы на Дону и Кубани существовал только мелкоуголовный бандитизм.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО ПРИХОДА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.)

Канд. ист. наук Воронова-Оренбургская С.О., канд. ист. наук Емельянова Т.В.

Санкт-Петербургский Государственный аграрный университет, г.Санкт-Петербург

Религиозная политика Российской империи общеизвестна: государственной религией было православие. Всеми преимуществами пользовалось православное население, и в паспорте указывалась не национальность, что считалось не таким важным фактором для определения социального статуса человека, а его социальное происхождение и вероисповедание. Рассматривая некоторые аспекты миссионерской деятельности Русской Православной церкви на территории Южного Урала в указанный период времени, важно помнить, что, несмотря на значительное число русского населения, коренной национальностью на этих землях были башкиры. Весьма красноречива русская пословица, приводимая В.И. Далем в его «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст!».

Как известно, территория Южного Урала простирается южнее течения р. Уфа и до р. Урал ниже г. Орска на востоке. Она включает такие города как Катав-Ивановск, Юрюзань, Усть-Катав, Белорецк, Сим и др.

По просьбе и с благословения протоиерея Петра (Назарова), настоятеля Введенской церкви села Тюлюк Златоустовской епархии, мы обратились к просмотру метрических книг, хранящихся в Государственном архиве Челябинской области. Предполагалось, что по сохранившимся метрическим записям удастся установить

⁸ РГВА. Путеводитель, 1991, с. 191.

⁹ РГАСПИ. Ф. 85, оп. 24, ед. хр. 202, л. 2; Ф. 17, оп. 4, ед. хр. 453, л. 27.

¹⁰ РГВА. Ф. 33988, оп. 1, ед. хр. 431, л. 5.

неизвестные имена священников и псаломщиков, совершавших в селе Тюлюк святые таинства в конце XIX – начале XX веков [7: 41-45].

Итак, местом нашего исследования стало село Тюлюк с непривычным для русского слуха названием, расположенное примерно в 60 км. от города Юрюзань и от ж/д станции Вязовая, в предгорьях Большого Иремеля, – по другую сторону этой горной вершины находится Башкирия. В частности, изучая топонимику Южного Урала, краевед В.В. Поздеев приводит следующие данные: река Тюлюк, общей длиной 25 км, является правым притоком более мощной реки Юрюзань на 340 км от устья. «В источниках река и село именуются: Тилюк, Тюлек, Тюльнек. Просматривается североиранское слово тал, таль — гора; в ок-юк сохранился сакский вариант суффикса относительного прилагательного -ок, -ек, -ик; а название принадлежит сакам, последним обитателям на Урале иранского происхождения...» [5: 158]. Таким образом, В.В. Поздеев переводит название Тюлюк - как горное или гористое место, что соответствует действительности, так как вокруг села, кроме Иремеля, располагаются более низкие хребты: Бехты или Бехта, Зигальга, Березяк и Пильная гора.

Сохранились статистические данные, относящиеся еще к XVIII столетию, по всем поселениям, расположенным по сторонам почтового и этапного Сибирского тракта из города Златоуста в Уфу. Там описаны и деревни, находящиеся между городом Юрюзань и селом Тюлюк, включая последний.

Так, в 1738 году проходила перепись населения в ближайшей к городу Юрюзань деревне Первухе, и в ней отмечено, что деревня была основана при ключе, состояла из 30 дворов (125 мужчин и столько же женщин), основными видами деятельности были заготовка и продажа дров, жжение угля и добывание руды. В 1739 году прошла ревизия в следующей по тракту деревне: Месяды (или Иеседа), расположенной на берегах реки Большая Месяда. Было насчитано 32 двора (85 мужчин и 97 женщин), которые обслуживали водяную мельницу, заготавливали дрова, руду и уголь. В 1740 году описана деревня Петропавловская при реке Калагазе (кстати, из всех перечисленных населенных пунктов она единственная «ушла» с лица земли к началу 90-х гг. XX века — прим. авт.), на тот момент там насчитывалось 38 дворов (129 мужчин и 114 женщин). Жители, подобно месядинцам, работали на водяной мельнице, заготавливали дрова, уголь и руду. И, наконец, в самой глубине тракта размещалась деревня Тюлюк, ревизию которой чиновники провели в 1742 году. В соответствии с рассматриваемыми данными это было самое крупное поселение на тракте, — всего 81 двор: 240 мужчин и 258 женщин. На тот период времени в Тюлюке мололи зерно на двух водяных мельницах, заготавливали дрова и жгли уголь [9: 275].

Надо отметить, что численность деревни мало изменилась за последующие сто лет. Возможно, в конце XVIII века сказался приход Емельяна Пугачева в эти места, а затем русских войск, уничтоживших и казнивших его сторонников; сказались и войны XIX столетия: Отечественная и Кавказская. Как бы то ни было, но по ревизии 1850 года в Тюлюке проживало 268 мужчин и 271 женщина [9: 275], то есть за столетие прирост составил чуть более 8%, — 41 человек. Знаменательно, что несмотря на башкирское окружение, во всех указанных поселениях преобладало русское население. Учитывая то, что в паспортах Российской империи указывалась не национальность, а вероисповедание, можно сделать вывод о том, что большинство населения было православным.

Наиболее ранние метрические записи, обнаруженные в Государственном архиве Челябинской области, относятся, к сожалению, только к 1882 году. Известно, что метрики обычно велись в двух экземплярах. Один экземпляр, прошнурованный, скрепленный печатью и надлежащей подписью, выдавался из Консистории на один год, по истечении которого отсылался в нее обратно для хранения. Другой экземпляр хранился при церкви. Записи производились священником, или, по его поручению, кем-либо из причта, немедленно после совершения обязательной требы, с надлежащей тщательностью и безошибочно, под страхом взыскания за погрешность в записи. Всякие подчистки в метриках строго запрещались под страхом наказания; погрешности следовало выделять со всех сторон чертами и обязательно оговаривать в конце записи с засвидетельствованием оговорки подписями членов причта.

Как известно, в императорской России таинства крещения (а также присоединения к Православной Церкви), венчания и погребения умерших записывались в установленные книги, которые назывались метрическими. Ведение подобных записей было обязательным для всех приходских храмов еще со времени церковных реформ Петра Великого. Так, в 1702 году вышел Указ Петра I «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». С 1722 года на священников возлагалось ведение приходских книг: «Должны же отселе священники иметь всяк у себя книги, которые обычне нарицаются метрики, то есть книги записные...», «с занесением в оные: исповедывающихся, раскольников, прибылых и убылых» [6: ст. 29]. В 1779 году Указ Синода «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» обязывал приходы и Духовные консистории иметь и вести метрические книги, которые стали называть приходскими.

Впоследствии, в 1837 году, в царствование императора Николая I, для них была установлена единообразная форма. Приходские метрические книги велись вплоть до 1918-го, а в некоторых районах России и до 1921 года. Затем ведение метрических книг стало обязанностью отделов ЗАГС. В настоящее время приходские книги хранятся в основном в региональных государственных архивах, а в некоторых административных единицах — до сих пор ещё в органах ЗАГС.

Несомненно, что метрические записи имели весьма важное значение в церковной жизни, и еще большее — в гражданском быту дореволюционной России. Они являлись главным доказательством происхождения, возраста, событий крещения, брака и смерти внесенных в метрики лиц. Каждое лицо могло получить свидетельство о касающихся его и членов его семьи случаях рождения, брака или погребения или выписку из метрических книг от приходского архива или от Консистории. Метрические книги имели еще и важное значение для статистики. На их основании причтами составлялись для Консистории и для губернского статистического комитета ведомости о ежемесячном количестве рождающихся, присоединяющихся к православию, умерших (по всем возрастам) и о сочетавшихся браком. Эти статистические данные через Консисторию собирались в Святейшем Синоде.

Именно на священников была возложена обязанность составлять выписки из метрик о рождении лиц того возраста, который состоял на очереди для исполнения воинской повинности; эти выписки должны были ежегодно представляться непосредственно в надлежащие управления. Исполнение прихожанами христианского долга исповеди и причащения или пренебрежение этими таинствами вносилось священниками в особые ведомости, называемые «исповедальными росписями». Эти ведомости должны были представлять полный именной список всех православных семейств в приходе, со всеми именами, адресами и возрастом каждого лица [8: 260, 265]. В селах, где прихожане проживали постоянно, эти списки так и велись. Но в больших городах ситуация была совершенно иной, так как состав прихожан там постоянно менялся. На основании исповедных росписей составлялись статистические указания на число бывших и не бывших у исповеди и причащения, и, стало быть, — а религиозное состояние православного населения в данной местности в определенном году. Причты каждой церкви должны были вести клировые ведомости, то есть свои послужные списки, по установленной законом форме [4].

Никакого архива при деревенской тюлюкской церкви, где могли бы храниться метрические записи, естественно, не осталось. В начале 1930 года деревянный храм был разграблен и закрыт, затем использовался под различные нужды (например, как склад или диско-клуб). В областном архиве удалось обнаружить второй экземпляр церковных записей — это так называемая «Метрическая книга Уфимской Духовной консистории при Введенской церкви села Тюлюк Златоустовского уезда на 1882-1897 годы» [1]. Однако, некоторые части, посвященные первым 10 годам, утрачены. Учитывая то, что в селе долгое время не было своей церкви и требы совершались в часовне, все метрические записи хранились поэтому в соборной церкви города Юрюзань, откуда и присылались священники для необходимых треб в село Тюлюк и деревню Александровскую. В составе того же архивного дела хранятся «Метрические книги Христорожественской церкви Юрюзанского завода, Златоустовского уезда, Уфимской епархии за 1882, 1883-1892 годы родившимся крестьянам с. Тюлюка и дер. Александровки Златоустовского уезда». В соответствии с указанным документом, деревенских жителей в 1882 году «окормлял» священник Петр Соколов с помощью псаломщика Петра Боголюбовского.

Следующая запись указанного документа рассказывает о том, что в декабре 1892 таинства в селе Тюлюк стал совершать священник Яков Колокольцев, вместе с исполняющим должность псаломщика Николаем Быльским. Записи мая-июля 1893 года показывают, что в некоторых требах принимал так же участие псаломщик Петр Жилвицкий. В июле-августе того же лета таинства совершает другой священник — Максим Покровский, а с сентября вновь упоминается имя Якова Колокольцева. Судя по тому, что Максим Покровский бывал в селе Тюлюк только изредка, как например, в уже указанные два летних месяца и в феврале 1894 года (с 6 по 29 февраля), несомненно, напрашивается вывод о том, что духовником и священником упомянутого села и деревни Александровская (18 км от главного села), был на тот период Яков Колокольцев.

С конца ноября 1894 года и вплоть до августа 1897 года новым назначенным священником становится Аристарх Виноградов [11: 428], совместно с исполняющим должность псаломщика Борисом Герасимовым. Любопытно, что 23 апреля 1893 года епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий написал представление Святейшему Правительствующему Синоду за № 1818 об открытии «из деревень Тюлюка и Александровки, Юрюзанского прихода, Златоустовского уезда особого прихода с причтом из Священника и псаломщика и с назначением сему причту жалования от казны...» [10: 419]. Поэтому, если до этого прошения в селе Тюлюк и деревне Александровке не было собственного духовного наставника, а только по возможности приезжали по очереди священники церкви Рождества Христова Юрюзанского завода (кроме сезона распутицы: осень-весна, когда тракт становился непроезжим), то с 1893 года ситуация кардинально изменилась. Во-первых; стали начислять казенное жалование причту, а во-вторых; было принято решение расширить тюлюкскую часовню,

чтобы затем перестроить ее в церковь. Освящение нового храма произошло 15 декабря 1896 года [7: 44-45]. После указанных событий место священнослужителя при Введенской церкви стало доходным и желанным.

О значительной конкуренции говорит тот факт, что после открытия Введенской церкви, уже через полгода смещен священник Аристарх Виноградов, отслуживший почти три года и много сделавший для быстрого и успешного строительства нового храма. Вместо него временно назначен отец Иоанн Воецкий, о трудах которого сохранились записи на август 1897 года. В конце сентября его сменяет священник Симеон Репин (он же составляет итоговые записи за октябрь месяц, — прим. авт.), который служит вместе с упоминавшимся исполняющим должность псаломщика Борисом Герасимовым. Что касается Б. Герасимова, то надо отметить последнюю запись в «Метрической книге Уфимской Духовной консистории...»: «Копия заверена уездным Благочинным (подпись). Священником Симеоном Репиным Введенской церкви (подпись). Дьякон Борис Герасимов (подпись)». Итак, по прошествии примерно трех лет Герасимов был посвящен в дьяконы.

Продолжаются указанные записи в «Метрической книге Уфимской Духовной консистории при Введенской церкви с. Тюлюка Златоустовского уезда 1898-1902 гг.» [2]. Очень странно, что рядом с именем священника С. Репина вновь упоминается «и.д. псаломщика Борис Герасимов», начиная с июля 1900 года, он — псаломщик, и только с 1 марта 1901 года — дьякон. Записи метрической книги за 1899-1900 годы проверил член консистории протоиерей Николай Соколов, скорее всего родственник священника Петра Соколова, служившего в Тюлюке в 1882 году.

По записям книг очевидно, что именно Симеон Репин наиболее длительно наставляет тюлюкский приход и совершает требы: с осени 1897 по май 1903 года — «Метрическая книга...1903-1905 гг.» [3]. Последняя запись приходится на 15 мая о крещении С. Репиным младенца Александра. Родители: «записной рядовой Петр Иларионов Трусов и законная жена его Параскева Павлова» (интересно, что потомки Трусовых, как и Назаровых, до сих пор проживают в деревне Тюлюк).

Тот же источник указывает временно заведующего Тюлюкским приходом священника Всеволода Лебедева, который упоминается первый раз под записью о крещении 26 мая 1903 года, вместе с дьяконом Б. Герасимовым. А в июне месяце он становится временно заведующим приходом Успенской церкви села Меседа. Итак, начиная с июля 1903 года и до конца 1905 года, метрические записи свидетельствуют только назначенный священник — Конон Добрынин.

Известно, что с начала XIX века на один приход должна была вестись одна общая большая метрическая книга. Однако, с 1840-х — 1850-х годов каждый вид регистрации: рождение, брак, смерть, велся в отдельной книге. Судя по просмотренным актам, в Тюлюке сохранялась традиция, в соответствии с которой записи велись хронологически в единой книге, а не в отдельных трех. Метрическая книга делилась на три части: первая — о родившихся, вторая, — о бракосочетавшихся и третья, — об умерших. В них вписывались, в отдельных графах, - в первой части: имена крещенных, время их рождения и крещения, родители и воспитатели. Примером подобной записи может служить запись, сделанная 27 июня 1893 года: крестили младенца «Давита», родившегося 18 июня, родители: «дер. Тюлюка крестьянин Михаил Павлович Назаров законная жена Акилина Гордеевна православные. Священник Яков Колокольцев, псаломщик Петр Жилвицкий. Восприемники в заводе Юрюзани крестьянин Ульян Осипов и крестьянка жена дер. Александровка Устинья Павловна Назарова» [1]. В каждой части в особой графе обязательно указывались имена священника и дьякона, совершивших таинства. В конце каждого месяца, а тем более года священник же и подводил определенные итоги по всем графам. Так например, в примечании к Ведомости за 1903 год, Конон Добрынин записал: «Из общего числа родившихся (92 младенца: 51 к 41): 4 младенца мужского пола и 4 женского — незаконнорожденные». В процентном соотношении число незаконнорожденных составляет чуть больше 7% к общему количеству, что необычно для глухой консервативной уральской деревни и является определенным показателем «терпимости нравов».

Во второй части указывалось время совершения брака, вступившие в брак, их возраст, семейное положение (бобыль или вдовец; девица или вдова), а также поручители жениха и невесты. В качестве примера процитируем запись от 3 октября 1904 года: таинство венчания совершал один священник Конон Добрынин, «Жених — 30 лет 1-й брак дер. Александровки крестьянин Захарий Ефремов Колушов православного вероисповедания. Невеста — 22 года села Верх-Катавского Уфимского уезда крестьянка Параскева Евфимиева Киселева православного вероисповедания» [3].

В третьей части: назывались умершие, их возраст, время смерти и погребения, причина смерти, место погребения. В качестве последнего указывалось деревенское кладбище села Тюлюк, существующее до сих пор, где совершались все панихиды. Причинами смертей среди деревенских жителей называются: «младенческая горячка (на 1903 — 6 детей), слабость (на 1903 — 20 детей) оспа (на 1903 — 1 чел.), скарлатина (на 1903 — 1 чел.), воспаление мозга, дряхлость, слабость, коклюш, брюшной тиф, скоропостижно и т.д.». В конце каждого месяца цифры суммировались: так, в мае 1905 года священник К. Добрынин записал, что в селе родились 3

мальчика и 3 девочки, всего 6 человек; скончались 2 мужчин и 1 женщина, всего 3 человека. Обязательно подводился и годовой итог по количеству смертей. В метрической ведомости за 1903 год, тот же Конон Добрынин отметил цифру 49 человек (20 муж. и 29 жен.) умерших, в основном, это младенцы до года всего 28 душ (22 к 6) и дети до 5 лет всего 11 душ (3 к 8). Таким образом, всего за год на селе скончалось 39 детей, что составляет почти 80% детской смертности (!).

В целом, можно сказать, что погрешности и неточности в рассматриваемых документах, несомненно, существовали. Например, при вышеописанном учете смертей, статистика не получала сведений о выкидышах, мертворожденных младенцах, – словом, тех, кого не могли окрестить, не учитывали и тех детей, которых до их скоропостижной смерти не успели крестить родители, и, наконец, не было записей о самоубийцах, которых по закону не отпевали и хоронили только за оградой кладбища. Однако, все перечисленное не умаляет значения метрических записей в жизни как отдельного человека, так и его семьи и всего российского общества.

Насколько важным документом являлись метрические книги, говорит факт регулярных проверок правильности записей. Так, 15 января 1904 года зафиксирован итог работы очередной комиссии: «проверяли жалоб нет свидетельствуем временно исполняющий должность Благодящего Священник Алексей Соколов и Член Благодящего Совета Священник Михаил Петропавловский. Духовный Следователь Священник Дмитрий Виноградов (орфография сохранена — прим. авт)» [3]. Как свидетельство сословного устройства российского общества того времени, следует отметить несомненное существование священнических династий: Петр Соколов — Николай Соколов — Алексей Соколов; Аристарх Виноградов — Дмитрий Виноградов.

Конечно, создание подобных православных приходов, как Южноуральские упомянутые приходы дальних деревень (Тюлюка, Месяды, Александровки, Петропавловки), строительство новых храмов, совершение таинств и ведение метрических записей было составной частью программы миссионерской деятельности Русской Православной церкви и на территории Южного Урала, и на всех землях Российской империи. Несомненно, что метрические книги являются ценнейшим историческим источником, с помощью которого можно прикоснуться к прошлому, узнать имена ушедших православных священников и дьяконов, имена и фамилии некоторых местных жителей, вспомнить маленькие события маленькой провинциальной деревни великой Российской империи. Возможно в них, как в капле воды, сосредоточился и отразился весь размеренный крестьянский быт других бесчисленных российских сел и деревень, составлявших основу русского государства конца XIX – начала XX века.

Список литературы

1. Государственный архив Челябинской области. Фонд № И-226. Опись № 7. Дело № 24.
2. Гос. архив Чел. обл. Фонд № И-226. Опись № 7. Дело № 50.
3. Гос. архив Чел. обл. Фонд № И-226. Опись № 7. Дело № 62.
4. Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. Отдел III. Общее богослужение и священнодействия. СПб. Типо-литография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы. 1914. «Православие и современность. Электронная библиотека» //www.lib.eparhia-saratov.ru. Дата просмотра сайта — 2 мая 2014 г.
5. Поздеев В.В. Южноуральская топонимика. Историко-краеведческий словарь. Челябинск: ЧГАКИ. 2008. — 192 с.
6. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского (прибавление к Духовному регламенту) по изд.: Полное собр. законов Российской империи. Собр. I. СПб. 1830. Т. VI. № 4022. О пресвитерах, диаконах и прочих причетниках.
7. См. о селе Тюлюк: Воронова-Оренбургская С.О. Некоторые аспекты культурного взаимодействия столицы и провинции в курсе «История Отечества» //Гуманистические основы высшего аграрного образования: история и современные тенденции. Сб. науч. ст., под общей ред. проф. М.А. Арефьева. Санкт-Петербург. 2009. - 151 с.
8. Устав Духовных Консistorий с дополнениями и изъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената/Сост. М.И. Палибин. СПб. 1912.
9. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Санкт-Петербург. 1877. Изд-е Центрального Статистического комитета МВД. Обр. ред. В. Зверинским.
10. Уфимские Епархиальные Ведомости. 1894. № 11.
11. Уфим. Епарх. Вед. 1897. №10.

ОЦЕНКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Мельникова Н.Ф., Мезит Л.Э.

Лесосибирский кадетский корпус, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева

А.Ф.Керенский – автор письма в редакцию «Социалистического вестника», находясь в эмиграции в годы Второй мировой войны, заявил о поддержке борьбы советских людей с фашизмом. Когда началась советско-германская война в эмиграции существовали две основные точки зрения, исходившие из необходимости ликвидации советского коммунистического режима, но расходившиеся в оценке его свержения «изнутри», так и германской политики в отношении России. Керенский А.Ф. относился к сторонникам первой точки зрения, не доверявшим германскому правительству, но возлагавшие надежды на то, что советский режим, вынужденный защищать себя, будет защищать территорию исторической России.

Ниже публикуемый документ был написан в 1947 г. в разгар «холодной войны». Автор активно сотрудничал с созданным за рубежом американскими антисоветскими радиостанциями, печатными изданиями. Сам А.Ф.Керенский возглавил «Лигу борьбы за народную свободу», где с присущей ему убедительностью продолжил борьбу с советским режимом. Керенский А.Ф. до конца своей жизни верил в возрождение свободы на родине и крушение коммунизма в России. Публикуемый документ дает полное представление о тех взглядах, которые были присущи представителям социалистического крыла русской эмиграции накануне и в годы войны и недооценка возможностей авторитарного советского режима.

Данный документ публикуется с сокращениями по печатному оригиналу журнала «Часовой», издававшийся в Париже с 1929 по 1980-егг. Сохранен стиль, орфография и пунктуация источника. Необходимые пояснения сделаны в тексте.

Керенский А.Ф. «После победы»(из письма в редакцию «Социалистического Вестника»)

«Я долго молчал после победы. Страх повредить России сковывал мою волю. Я давно знал к какой последней цели Сталин вслед за Лениным стремится. Я ясно видел, что победа в его руках принесет России и миру. Осенью 1944 года, после освобождения Парижа, я послал туда моим политическим друзьям записку, где между прочим писал: - «все уступки последних лет национальному сознанию народа являются следствием не отказа Сталина от коммунизма, а его решением поставить национальные силы России на службу социальной революции вне России!.. Тот факт, что партийные коммунистические интересы все чаще врываются в область официальной дипломатии в победоносный период войны, указывает, что и во внутренней политике Кремль отнюдь не готовится встать на путь политической эволюции.

...Я, вопреки всякой логике, все надеялся, что я ошибусь, что невыразимые страдания, самоотверженность и героизм армии и народа во время этой самой страшной войны смягчит даже сталинское беспощадное сердце или что в окружении найдутся люди, которые во имя блага родины положат скорый и решительный предел его мировым планам!..

Ни того, ни другого не случилось. Сталин, по сговору с его единомышленниками самых разнообразных национальностей во всех странах мира, действительно отдал всю мощь, весь авторитет, все будущее победоносной СССР на службу международному сообществу, стремящемуся ввести повсюду диктатуру единой и единственной коммунистической партии, т.е. ввести строй политического и социального рабства.

...И эта политика создает вокруг России, которая сделала бесконечно много для общей победы, создает в Европе - и здесь в Америке – кольцо раздражения, озлобления и даже ненависти. Весь огромный капитал умиления, восторга и любви, который заработал для своей родины своей кровью и муками великий народ, теперь растрочен до копейки!..

Я вижу здесь, в Соединенных Штатах, как изо дня в день кольцо это стягивается все туже. Когда я вернулся сюда после почти годового отсутствия, я был потрясен, как круто переломилось общественное мнение по отношению в СССР. В этом повинен только Кремль. Вот почему я больше молчать не могу. Ибо молчать сейчас значит соучаствовать в преступлении против России!..

Ибо быть может, не так далек день, когда русскому народу придется расплачиваться – тяжело расплачиваться – по чужому счету. ..

По своему личному опыту во время войны он(русский народ) знает, что ни русский – никакой другой народ в СССР – упорно не хотел идти в бой под звуки «Интернационала», не хотел жертвовать своей жизнью за

«мировую революцию» - Сталин знает отлично, что ставка на коммунизм бита в России так, как нигде и навсегда¹¹.

К счастью, сам Гитлер уничтожил возможность пораженчества в опасных для государства размерах своим неслыханным и невиданным зверским обращением с населением СССР.

Так, на время «второй отечественной войны» создался крепкий союз между народом и властью.

А жизнь вне армии, в тылу, во всей стране шла такая же страшная, как и до вторжения Гитлера, как иногда и страшнее. Но все население поголовно не сомневалось, что весть этот ужас скоро кончится, что после войны будет иначе. Об этом страстном ожидании «перемен» после войны говорили все приезжающие во время войны за границу советские инженеры, офицеры, матросы, студенты. Одни из них хотели – требовать, другие – возлагали все свои надежды на Сталина.

Вместе с партийными и классовыми лозунгами Кремль прятал от народа во время войны свои истинные интернациональные цели победы¹². Официально, открыто поставленные советским правительством цели войны целиком соответствовали государственным интересам России. «Защита Родины», восстановление утерянных по Брест-Литовскому миру границ, конечно без Польши и Финляндии; ограждение этих границ от новых вторжений с чьей бы то ни было стороны; обеспечение СССР места среди прочих великих держав, соответствующих прошлому России ее жизненным интересам и нынешнему удельному в мире весу.»

После победы совершенного уничтожения держав «Оси», три оставшихся в живых мировые державы, Англия, СССР, США стали по словам бывшего государственного секретаря президента Рузвельта Холла «Опекунами мира». В их руках оказалось все огромное наследство погибших империй. Цели войны, превратившись в цели победы, не могли у каждого из победителей не измениться в переродившемся мире. Да и сами «опекуны» стали другими... Англия, как сказал Винстон Черчилль, отошла на третье место, СССР стал самым сильным государством на всем европейском материке. А Соединенные Штаты, заняв иерархически в мире место британской империи, стали владыкой морей и всего воздушного безбрежного океана...

...Небывалый размах хозяйственной, геополитической и стратегической экспансии Соединенных Штатов самоочевиден. Самоочевидно, что Россия, восстановившая свою мощь, снова стихийно тянется к выходу в теплые моря и океаны. Исчезли Германия и Япония. Которые делали Соединенные Штаты и Россию друг для друга возможными союзниками в тылу возможно общих врагов. От Кореи через Дарданеллы до Берлина и Балтики новые жизненные интересы Америки сталкиваются со старыми исконными интересами России... Нигде сейчас в мире более важного и неотложного вопроса чем вопрос об советско-американских отношениях. Без согласования коренных интересов России и англо-саксонских стран не может быть прочного мира. Это так ясно, что неудобно писать об этом.

...Когда после победы агенты НКВД стали хозяйничать в Европе; когда здесь пронесся вихрь насилия, как в России в воемя коллективизации; когда члены бывшего Коминтерна, став правителями, взялись на Западе за искоренение демократии и свободы сталинскими и ленинскими средствами – когда все это отвратительное и страшное стало происходить не в «дикой России», а в культурной Европе, не капиталисты и империалисты, а крестьяне и фермеры, рабочие и трудовой народ возненавидел не коммунизм, а Россию...

И эта ненависть докатилась сюда в Соединенные Штаты.

...этот средний человек, который в свободных еще странах поворачивается, в конце концов, политику правительства в ту или иную сторону,- он твердо хочет защищать свой свободный путь жизни, хочет положить предел тоталитарному натиску «с Востока» любой ценой «пока еще не поздно»...

Об этом нужно помнить и об этом нужно думать всем нам – советским и зарубежным российским людям.» Публикуется по тексту журнала «Часовой, За Родину, честь и свободу!» №263(1), май 1947г., Париж, С.4-7.

¹¹ Массовые сдачи в плен на начальном этапе войны, встречи немцев с хлебом-солью, цветами (а территориях, присоединенных к СССР в 1940г.) для эмигрантов свидетельствовали, что население не питает большой любви к коммунистическому режиму, да и фашистская политика в отношении этого населения не успела себя проявить

¹² Керенский А.Ф. и его единомышленники приветствовали воссоединение территорий, утраченных после советско-польской войны. В 1943 г., когда были восстановлены погоны в армии, церкви были возвращены святые реликвии, эмигранты надеялись на то, что советский режим эволюционирует в сторону либерализации.

СЕКЦИЯ №2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ РЕПУТАЦИИ В ПОЗДНЕРЕПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

Ахиев С.Н.¹, Поздникин А.А.²

¹Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

²Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, г.Саратов

В годы гражданской войны в Риме законы, существующие для упорядочения общественной жизни, превращались в инструмент завоевания симпатий масс и тем самым способствовали захвату и удержанию власти тем или иным политическим деятелем. В историографии уже давно вскрыта социальная и экономическая подоплека многих законов периода гражданских войн, особенно аграрных. Но идеологическая сторона законодательства часто остается вне поля зрения исследователей, хотя некоторым политикам, каким, например, был Гай Юлий Цезарь, законы позволяли манипулировать массами. Особая роль законодательства для Гая Юлия Цезаря объясняется тем, что он единственный из всех политиков Рима периода поздней Республики имел власть, силы и возможности для проведения нужных ему законов, хотя делал это часто чужими руками. Примером одного из законов, способствующих формированию положительного имиджа, может служить постановление, проведенное через народное собрание трибуном М. Антонием в конце 49 г. до н. э. – *Lex Antonia de proscriptorum liberis* (Dio Cass. XLI. 18. 2; 17. 3. Suet. Caes. 41. 2; Vell. Pat. II. 43. 4; Plut. Caes. 37; Cic. Ad Att. VII. 11. 1). В нем говорится о возвращении в Рим всех проскрибированных, а также всех изгнанников от времен Суллы до осужденных по закону Помпея 52 г. до н. э. С. Л. Утченко подчеркнул, что закон издан от имени Антония по той причине, что Цезарь, будучи проконсулом, не имел на это право по римской конституции [6, С. 94]. Известно, что Цезарь постановлением сената был досрочно лишен проконсульской власти, но отказался сложить полномочия, мотивируя это тем, что они предоставлены ему решением народного собрания. (Caes. В. С. I. 9). Античные авторы единодушны в том, что инициатива издания закона исходила от Юлия Цезаря. Закон носил политический характер, преследуя несколько целей:

1. Показать народу, что Цезарь не намерен узурпировать прерогативы народного собрания (вот почему он был проведен через комиции).

2. Привлечь на свою сторону как можно больше сторонников.

3. Продемонстрировать умеренность Цезаря, показав, что он не будет действовать как тиран Сулла, не допустит проскрипций и других несправедливостей.

Изданный в самом начале гражданской войны, когда римляне могли ждать каких угодно репрессий, этот закон был призван подтвердить лозунги пропаганды Цезаря о стремлении восстановить порядок в стране (App. В.С. II. 32.128, II. 41.163; Plut. Caes. 34). [3, Р. 163]. Единственное исключение было сделано для Милона – убийцы популярного народного трибуна Клодия (App. В.С. II. 48. 198; Dio Cass. XLI. 36. 2, XLII. 24. 2). Можно с уверенностью предположить, что дело здесь, конечно, не личных симпатиях Цезаря. Очевидно, что в своих действиях он ориентировался общественное мнение, поскольку, по сообщению античных авторов, народ глубоко уважал память мятежного трибуна (App. В.С. II. 21–22. 77–80) [5, С. 386]. Цезарь это прекрасно понимал и потому, по справедливому замечанию Ц. Явца, поостерегся "свергать их идола" [4, Р. 65]. Анализ обстановки в Риме на начальном этапе гражданской войны приводит подавляющее большинство исследователей к выводу, что проведя этот закон в самом начале междоусобиц, своим пропагандистским шагом Цезарь сумел завоевать симпатии как римского плебса, так и многих аристократических семей [7, С. 218, 317].

Примером другого направления законодательства, призванного формированию положительной репутации политического деятеля, служат аграрные законы Антония, принятые народным собранием в 44 г. до н. э., когда он любыми мерами старался расширить свою клиентелу, увеличить число своих сторонников – *Lex Antonia de coloniis in agros deducendis* и *Lex Antonia de actis Caesaris confirmandis* (Cic. Ad Att. XVI. 16. 1, Phil. II. 100, V. 9; Dio Cass. XLV. 9.1) [2, S. 208]. Благодаря этим и другим законам (например, еще один законопроект Антония о наделении его солдат землей, после чего он был готов сложить свои полномочия – *si legionibus meis sex, si equitibus, si cohorti praetoriae praedam agrumque dederitis* (Cic. Phil. VIII. 8. 25)) популярность Антония в солдатских кругах очень сильно возросла, укрепился его авторитет и, кроме того, были созданы условия, способствовавшие росту его влияния.

Противодействие сената такому законодательству (этот законопроект был отвергнут сенатом) только играло на руку Антонию, который искусно использовал это в своей пропаганде для оправдания своих действий, что, безусловно, оказывало определенное психологическое влияние на солдат. Так, несмотря на провозглашение Антония и его сторонников врагами отечества в постановлении сената от 26 апреля 43 г. до н. э. (Cic. Ad Brut. I. 3. 4; Eutrop. VII. 1), солдаты остались верными своему полководцу. Более того, это сенатское постановление было искусно использовано Антонием: с этого времени в его агитации появился новый лозунг: спасение римских граждан. Этим же лозунгом М.Эмилий Лепид оправдывался перед сенатом после объединения его армии с армией Антония в 43 г. до н. э.: "...все войско, подняв восстание, оказалось верным своему обычаю сохранять жизнь гражданам" (Cic. Ad Fam. X. 35. 1). Или в другом письме: "...заставило меня взять на себя дело спасения... столь многочисленных римских граждан" (Cic. Ad Fam. XII. 10. 1). Согласно Светонию, приказ сохранять жизнь гражданам был отдан Цезарем перед Фарсальской битвой (Suet. Caes. 75. 2). Таким образом, налицо заимствование лозунгов политической пропаганды. Впрочем, возможно, следует говорить об апелляции к традиционным ценностям римского общественного сознания.

С помощью законодательства Антоний пытался получить популярность не только в Риме, но и в провинциях. Именно эту цель преследовал законопроект Антония, якобы найденный в бумагах Цезаря о предоставлении гражданских прав сицилийцам – Lex Iulia de civitate Siculis danda (Cic. Ad Att. XIV. 12. 1). О раздаче прав гражданства "целым провинциям", правда, без указания каким именно, Цицерон говорил и во 2-й Филиппике (Cic. Phil. II. 36. 92). [1, S. 21]. То же самое можно сказать о заявлении Антония относительно планов Цезаря по Криту и о возвращении имущества Дейотара (Cic. Phil. II. 93, Ad Att. XIV. 19. 2)[4, P. 99].

Современники часто признавали агитационный характер законодательства. Это четко зафиксировано в "Гражданских войнах" Цезаря. Так, характеризуя законопроект претора М. Целия Руфа об уплате долгов без процентов в течении шестилетнего срока, автор отметил, что поскольку успех его агитации был ниже его ожиданий, он "для возбуждения страсти, опубликовал два других законопроекта" – о сложении с квартиронанимателей годовой платы и об отмене долговых обязательств (Caes. В. С. III. 20–21). Таким образом, видно, что законодательное творчество Целия Руфа основывалось на социальной демагогии и преследовало цель получить популярность.

В период гражданских войн законодательство приобрело ярко выраженный политический смысл. В руках политических лидеров Рима оно стало важным средством привлечения симпатий граждан на свою сторону и широко применялось соперниками в борьбе за власть. Часто смыслом законодательства являлось увеличение числа своих сторонников. Законы выступали в качестве одного из важнейших инструментов по управлению общественным поведением, то есть в руках видных политических деятелей становились важным средством политической пропаганды.

Список литературы

1. Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992.
2. Schneider H. C. Das problem der Veteranversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977.
3. Taylor L. R. Party politics in the Age of Caesar. Berkeley: University of California Press, 1949.
4. Yavetz Z. Julius Caesar and his public image. L., 1983.
5. Моммзен Т. История Рима. М., 1941, 1949. Т. 3.
6. Утченко С.Л. Идеино–политическая борьба накануне падения Республики. (Из истории политических идей I в. до н.э.) М., 1952.
7. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

К ИСТОРИИ III АВГУСТОВА ЛЕГИОНА В I-III ВВ.

Соловьянов Н.И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Северо-африканское побережье Средиземного моря прошло длительный путь историко-культурного освоения цивилизованными народами задолго до римского завоевания. Исторически эта территория делилась на Мавретанию, Ливию, внутреннюю Африку, плохо знакомую античным географам, находившуюся на Средиземноморском побережье от залива Большой Сирт до египетской границы, включавшую в себя третью область – Киренаику.

С древнейших времен эти области были заселены берберскими кочевыми племенами: маврусиев, бакатов, мазиков, зимизов, масуламиев, кинитиев, намазонов и др.

Накануне интересующей нас эпохи Империи африканские владения Рима разделялись на несколько провинций: Мавретанию Тигитанскую, Мавретанию Цезарейскую, Нумидию, Африку, Африку Проконсульскую и Киренаику с Критом.

Август, проводя военно-административную реформу, разделив все европейские провинции на внешние (императорские) и внутренние (сенатские), объявил все африканские владения, в том числе и Египет, личной собственностью императорской фамилии. С этих пор и до вторжения вандалов это была самая «замыренная» область из всех владений Рима. Прекрасные природные условия, отсутствие военной угрозы превратили этот регион фактически в курортную область. Здесь лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны подходов к проливам Сицилийского моря на всякий случай в крепости Ламбези был размещен III Августов легион.

Легион III Augusta – легион Августа. Моммзен считает его учрежденным Цезарем во время гражданских войн. Во время реорганизации имперской армии Октавиан сохранил три легиона с номером III, имевшихся к моменту его прихода к власти (III Augusta, III Cyrenaica, III Gallica), и различал их по разным прозвищам.

III Augusta обосновался на западной оконечности Ореса (совр. вост. Алжир), в Ламбезе, где остались развалины монументального лагеря, чрезвычайно богатые всякого рода древностями. Легион около 300 лет не покидал в полном составе своей стоянки, и лишь посылал отдельные подразделения во все места, где были нужны легионеры либо для служебных надобностей, либо для обороны страны.

Он стал любимым местом службы для начала военно-политической карьеры «золотой римской молодежи» и, как отмечал еще Гастон Буасье, был кузницей высших офицерских кадров для армии императорского Рима.

Его воспитанники офицеры служили во всех легионах императорского Рима.

При Веспасиане его отряды сражались против гарамантов. При Домициане его вексолляции совершили поход против насамонов. В 128 году, в консулат Торквата и Либона, что доказывает обнаруженная надпись, в Ламбезе ему нанёс визит император Адриан, приказавший провести маневры в своём присутствии. И 1 июля состоялся почётный смотр, на котором император обратился к нему с приветственной речью, знаменитой по сегодняшнему дню. В течение II века он посылал отдельные отряды в различные части римского мира. Так, они приняли участие в войне Луция Вера против Вологеза и в походе Марка Аврелия против квадов и маркоманнов. Когда африканец Септимий Север пришёл к власти, легион из Африки не мог не поддержать своего земляка. Очень вероятно, что его легионеры активно сражались в рядах его армии против Песценния Нигера; по случаю этих событий он получил титул *Pia Vindex*, который он носит на памятниках с 194 или 195 года. В правление Септимия Севера, одновременно с постройкой в Ламбезе и остальной Африке огромных сооружений общественного назначения, развалины которых существуют и сегодня, он послал отдельное подразделение в месопотамский поход. В 216 г. другое его подразделение приняло участие в войне Каракаллы против парфян. Легион имел прозвища, которые можно найти на надписях: *Legio III Aug. iterum Pia, iterum Vindex* (“дважды заступник”). К ним добавились, неизвестно в какую эпоху, *Constans* и *Perpetua*. Находят и прозвище *Pia Fidelis* начиная с Диоклетиана. Последний след его присутствия у подножия Ореса находят на двух каменных памятниках, воздвигнутых в честь императора Максимиана и цезаря Констанция. Однако и в последующем он все еще оставался в Африке, что подтверждается упоминанием в “Росписи чинов” *Tertioaugustani* среди легионов *comitatenses* под командованием комеса Африки. [Ritterling E. Coll. 13262 etc.]

Остальную же территорию императорского домена, как и всех внутренних провинций, контролировали вспомогательные части. Это показывают памятники, поставленные действующими воинами.

Обилие же надгробий создает впечатление, что здесь побывали части всей императорской армии.

Однако внимательный анализ этих посмертных изваяний позволяет утверждать, что здесь находили последний приют лишь высшие офицерские чины большинства легионов, вспомогательных частей, флота и императорской гвардии, хотя подчиненные им подразделения никогда в Африке не дислоцировались. Скорее всего, это были отставники, так или иначе связанные с III Августовым легионом.

Для подтверждения данного гипотетического положения приведем одну из эпитафий, поставленную во времена правления Элагабала (пер. пол. III в.) родственниками некоему Гаю Сульгию.

ILS. 2764. Африка. II в. С. *Sulgio L. f. Pap. Caeciliano praef. leg. III Cyrenai|cae, p. p. leg. XX Valeriae Victricis, praeposito reli|quationi classis praetoriae Misenatium piae | vindicis et thensauris domini[cis e]t bastagis copiarum devehendar., 7 leg. III Aug. et septimae Geminae | et primae Parthicae et XVI Fl. f. et XIII G. in provincia Daci|a, navarch. classis praetoriae Mise[n]atium piae | vindicis, opt[i]oni peregrinorum et ex[erci]tatori mil[i]tum frumentarior., et Sulgiae..... ae et Sulgio | Apro.....cii, [S]uIgio.....io irsi | picí fratri et coi[u]gi.*

«Гаю Сульгию, сыну Луция (?) из Папириевой трибы, префекту легиона III Киренайского, примипилу легиона XX Валериева Победоносного, препозиту преторианского Мизенского флота, военному жрецу, центуриону III Августова, VII Сдвоенного, I Парфянского, XVI Флавиева Стойкого, XIII Сдвоенного в

провинции Дакия, наварху преторианской Мизенской эскадры, опцию ополчения и поставщику продовольствия военным ...».

Учитывая, что должности в эпитафиях указывались не в хронологическом порядке, а по служебной иерархии, то есть от высших к низшим, можно следующим образом представить этапы его карьеры. Стартовав с должности центуриона III Августова, он принял участие в ряде военных походов как центурион других легионов, в том числе и в качестве жреца. Дослужился до примипила, а затем и префекта (командующего) легиона. Затем, сменив род войск, - от наварха до препозита флота. Вероятно, получив почетную отставку, вернулся доживать в Африку, где был заместителем командира местного ополчения и как землевладелец поставлял продовольствие воинским частям.

И таких эпитафий можно привести ни один десяток:

ILS. 2653. Ламбези. III в. d. m. | T. Fl. Virilis 7 leg. II Aug., | 7 leg. XX V. v., 7 leg. VI Vic, | 7 leg. XX V. v., | 7 leg. III Aug., | 7 leg. III Parth. Sever. | VIII hast. poster., | vixit annis LXX, | stip. XXXXV, Lollia | Bodicca coniux | et Flavi Victor et | Victorinus fili | heredes ex HS | ICC n. faciendum curaver.

ILS. 2655. Африка. II в. C. Octavio | Q. fil. Cornel. | Honorato 7 | adlecto ex eq. | R. a divo Pio in | leg. II Aug., 7 leg. | VII Cl. piae fideL, | 7 leg. XVI Flavi|ae fir., 7 ieg. X | Gem. p. f. V princ | postriori, | Q. Octavius Celsus pater d. d. | s. p. f. itemque dedicavit.

ILS. 2658. Африка. II в. | militavit L annis, IV in leg. III A[ug.] | librar., tesser., optio, signifer; | factus ex suffragio leg. [A]u[g. pr. pr. r] | militavit 7 leg. II Ital, [7] leg. VII.. . ., | 7 leg. I Min., 7 leg. X Gem., 7 leg. II, | 7 leg. III Aug., 7 leg. II[I] Gall., 7 leg. XXX U[I]p., | 7 leg. VI Vic, 7 leg. III Cyr., 7 leg. XV Apol., | 7 leg. II Par., 7 leg. I Adiutricis, | consecutus ob virtutem in | expeditionem Parthicam | coronam muralem vallarem | torques et phaleras, agit in | diem operis perfecti annos LXXX, | sibi et I Claudiae Marciae Capitolinae | koniugi karissimae, quae agit (in diem operis perfecti | annos LXV, et | M. Petronio Fortunato filio | militavit ann. VI 7 leg. X[X]II Primig., | 7 leg. II Aug., vixit ann. XXXV, | cui Fortunatus et Marcia parentes | karissimo memoriam fecerunt.

ILS. 2659. Ламбези. II в. d. m. | P. Aelio P. f. Rojmano ex My|sia, 7 leg. III Au. | et VII Cl., XX | V. v. et I Ital., | donis do|nato, de|bellatori | hostium | prov. His. | et Mazicum | reg. Mon|tens., Vale|ria Inge|nua con|iunx cum | Turbone | et Roma|na filis | fec.

Et cetera ...

В этом специфика римского военного присутствия в африканских владениях императорского дома.

Список литературы

1. Desau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini.(ILS) Vol. I–IV. Ed. 2. 1954-1955.
2. Ritterling E. Legio // Pauly-Wissowa-Kroll. Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. Bd. XII (1925). Coll. 13262 etc.

О КУЛЬТАХ ЛЕГИОНА III AUGUSTI В АФРИКЕ В I-III ВВ.

Соловьянов Н.И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Август, проводя военно-административную реформу, разделил все европейские провинции на внешние (императорские) и внутренние (сенатские), и объявил все африканские владения, в том числе и Египет, личной собственностью императорской фамилии. С этих пор и до вторжения вандалов это была самая «замыренная» область из всех владений Рима. Прекрасные природные условия, отсутствие военной угрозы превратили этот регион фактически в курортную область. Здесь лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны подходов к проливам Сицилийского моря на всякий случай в крепости Ламбези был размещен III Августов легион.

Легион III Augusti – легион Августа. Моммзен считает его учрежденным Цезарем во время гражданских войн. Во время реорганизации имперской армии Октавиан сохранил три легиона с номером III. Одному из них он дал своё имя и отправил в свой личный домен.

III Augusti обосновался на западной оконечности Ореса (совр. вост. Алжир), в Ламбезе, где остались развалины монументального лагеря, чрезвычайно богатые всякого рода древностями. Легион около 300 лет не покидал в полном составе своей стоянки, и лишь посылал отдельные подразделения во все места, где были нужны легионеры либо для служебных надобностей, либо для обороны страны.

Он стал любимым местом службы для начала военно-политической карьеры «золотой римской молодежи» и, как отмечал еще Гастон Буассье, был кузницей высших офицерских кадров для армии императорского Рима.

Его воспитанники офицеры служили во всех легионах императорского Рима.

При Веспасиане его отряды сражались против гарамантов. При Домициане его вексиляции совершили поход против насамонов. В 128 году, в консулат Торквата и Либона, что доказывает обнаруженная в Ламбезе надпись, ему нанёс визит император Адриан, приказавший провести маневры в своём присутствии. И 1 июля состоялся почётный смотр, на котором император обратился к нему с приветственной речью, знаменитой по сегодняшний день. В течение II века он посылал отдельные отряды в различные части римского мира. Так, они приняли участие в войне Луция Вера против Вологеза и в походе Марка Аврелия против квадов и маркоманнов. Когда африканец Септимий Север пришёл к власти, легион из Африки не мог не поддержать своего земляка. Очень вероятно, что его легионеры активно сражались в рядах его армии против Песценния Нигера. По случаю этих событий он получил титул *Pia Vindex*, который он носит на памятниках с 194 или 195 года. В правление Септимия Севера, одновременно с постройкой в Ламбезе и остальной Африке огромных сооружений общественного назначения, развалины которых существуют и сегодня, он послал отдельное подразделение в месопотамский поход. В 216 г. другое его подразделение приняло участие в войне Каракаллы против парфян. Легион имел прозвища, которые можно найти на надписях: *Legio III Aug. iterum Pia, iterum Vindex* ("дважды заступник"). К ним добавились, неизвестно в какую эпоху, *Constans* и *Perpetua*. Находят и прозвище *Pia Fidelis* начиная с Диоклетиана. Последний след его присутствия у подножия Ореса находят на двух каменных памятниках, воздвигнутых в честь императора Максимиана и цезаря Констанция. Однако и в последующем он все еще оставался в Африке, что подтверждается упоминанием в "Росписи чинов" *Tertioaugustani* среди легионов *comitatenses* под командованием комеса Африки. [Ritterling E. Coll. 13262 etc.]

Северо-африканское побережье Средиземного моря прошло длительный путь историко-культурного освоения цивилизованными народами задолго до римского завоевания. Исторически эта территория делилась на Мавретанию, Ливию, внутреннюю Африку, плохо знакомую античным географам, находившуюся на Средиземноморском побережье от залива Большой Сирт до египетской границы, включавшую в себя третью область – Киренаику.

С древнейших времен эти области были заселены берберскими кочевыми племенами: маврусиев, бакатов, мазиков, зимизов, масуламиев, кинитиев, намазонов и др.

Накануне интересующей нас эпохи Империи африканские владения Рима разделялись на несколько провинций: Мавретанию Тигитанскую, Мавретанию Цезарейскую, Нумидию, Африку, Африку Проконсульскую и Киренаику с Критом.

За более чем трёхсотлетнее пребывание в Африке легион оставил большое число эпитафических памятников, в том числе сакрального характера.

Из votivных изваяний до нас дошли следующие:

Группа посвящений императорам династии Антонинов-Северов - Адриану [ILS. 2479], Марку Аврелию [ILS. 2303.], Септимию Северу [ILS. 2493], Септимию Северу и Каракалле [ILS. 2354], Септимию Северу, Каракалле и Гете [ILS. 2438], Каракалле [ILS. 2636], Каракалле и Гете [ILS. 2445], Александру Северу [ILS. 2446], божественному дому трех Августов [ILS. 2437], а также посвящения за здоровье и благополучие божественного дома Марсу, Минерве, Фортуне, Виктории, Диане [ILS. 2449] и Гению лагерей III Августова легиона [ILS. 2291], Меркурию за здоровье Каракаллы [ILS. 2625].

Далее идут обращения к богам римского пантеона по различным поводам. Статуя Марсу воинственному в честь III Августова легиона [ILS. 2296], стела Аполлону отцу Августейшему [ILS. 2747], Сильвану Августейшему [ILS. 2451], Фортуне Предводительнице Августейшей [ILS. 2116], Марсу Августейшему и Гению священному корпорации бенефициариев [ILS. 2400], (Марсу) *Gradivo* отцу, Гению стационариев Вазаиви и богам хранителям [ILS. 2399], Гению табулариев и Минерве Августе [ILS. 2447], Гению центурии [ILS. 2443] и Гению своей корпорации [ILS. 2376] и, наконец, Памяти [ILS. 2419],

Далее идут посвящения иноземным божествам Юпитеру Долихенскому [ILS. 2415] и, возможно, Исиде [ILS. 2608], а также двум неизвестным, вероятно, местным божествам: богу священному *Aulisvae* [ILS. 2634] и богам *Maugis* здравствующим [ILS. 2607].

Упоминаются и священные военные должности аквилифера [ILS. 2344], носящего священного легионного Орла, имагифера [ILS. 2519], носящего изображение Императора и сигнифера [ILS. 2518] – знаменщика, носящего Священный знак воинской части (*signum*).

И, наконец, многочисленные посвящения Богам подземного царства Манам на надгробных плитах. [ILS. 2122, 2127, 2214, 2314, 2316, 2317, 2323, 2331, 2344, 2358, 2387, 2396, 2419, 2422, 2428, 2432, 2437, 2440, 2448, 2450, 2450^a, 2518, 2589, 2628, 2653, 2659, 2761, 2762, 2763, 2794 et cetera]

Таким образом, в африканских владениях Рима войны почитали не только официальные римские божества, но также восточные и местные.

Список литературы

1. Desau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini.(ILS) Vol. I–IV. Ed. 2. 1954-1955.
2. Ritterling E. Legio // Pauly-Wissowa-Kroll. Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. Bd. XII (1925). Coll. 13262 etc.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Шестакова А.Г.

Саратовский государственный университет, г.Саратов

Вплоть до начала XIX века Святой Престол воспринимался как сила, способная воздействовать на общественное мнение и играющая значительную роль в дипломатических баталиях. Уничтожением ордена иезуитов была нивелирована кулуарная власть Ватикана. После 1798 года Ватикан был вынужден приспосабливаться к обстоятельствам, контроль ситуации перешел к светской власти. Данная статья посвящена краткому обзору трансформации отношения к Римско-католической церкви в традиционных оплотах веры в предшествующий промежуток времени – Франции, Испании и Австрии. Целью статьи является проанализировать изменения, произошедшие в отношении к Римско-католической церкви в этих странах.

Необходимо отметить, что уже как минимум к середине XVIII века гвельфская идеология о мессианской роли Италии во главе с духовным владыкой универсума, папой, перешла в область предания. Международные проблемы, писал Дж. Канделоро, все чаще решались исходя из торговых интересов¹³. Вместо универсальной духовной власти папства на первый план выходила власть капитала под знамёнами «свободы совести, печати и слова». Очевидно, что европейский социум переживал масштабные трансформации, которые отразились в борьбе либеральных идей против авторитета церкви.

За столетия нахождения у руля или близко к нему представители католицизма привыкли участвовать во всех более или менее значительных общественных и политических событиях Европы. Это не могло не оказать влияния, в свою очередь, на сам папский престол и его иерархов. Католичеству как организации присущи, в том числе, некоторые признаки властной машины: иерархичность и бюрократия. Поэтому Святой Престол весьма болезненно воспринимал попытки оспорить свои прерогативы, как на духовном поприще, так и в сфере светской власти. Это подкреплялось убежденностью в священности власти папы римского, наместника Христа на земле. Настоятель Вестминстерского кафедрального собора и будущий кардинал Г.Э. Мэннинг в 1861 году писал: «Нет никакой другой Церкви [за исключением Римской], никакого другого сообщества, которое [так же, как РКЦ] утверждало бы свое право на то, чтобы называться Церковью, которая не подчиняется, не повинует, но владеет этим миром, когда гражданские правители им располагают»¹⁴. Примечательно, что осознание превосходства РКЦ над всеми остальными конфессиями и государственными объединениями отразилось в данной цитате даже на уровне лексики: Г.Э. Мэннинг, говоря о власти РКЦ над миром, употребляет английский глагол «hold», который также имеет значение «держат, содержать в себе, обладать (полностью)», в то время как близкий ему по смыслу глагол «command» («командовать, располагать»), употребляемый Г.Э. Мэннингом по отношению к гражданским властям, не содержит в себе такого глубокого философского смысла, как «hold» и не обладает столь всеобъемлющим значением. Это сращение в доктрине католицизма светской и духовной власти и стало одним из определяющих факторов политики пап на протяжении всего XIX столетия.

В первой половине XIX века Святой престол находился в весьма сложном международном положении. Французское правительство поставило наиболее знаковых фигур из числа иерархов РКЦ под постоянное наблюдение агентов полиции¹⁵. Одновременно оно, находясь между молотом и наковальней и стремясь консолидировать общество (ведь немало было и недовольных дискриминационными мерами по отношению к РКЦ), сделало попытку возвращения к «старым добрым временам», но лишь усугубило негативное отношение к

¹³ Канделоро Дж. История современной Италии: в 7 т. Т. 1: Истоки Рисорджименто. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 89.

¹⁴ Цит. по: Gladstone W.E. The Vatican decrees in their bearing on civil allegiance: political expostulation. London: John Murray, Albemarle street, 1874. P. 5.

¹⁵ Булгаков А.И. Римский католицизм во Франции в последнее время // Христианское чтение. 1905. №1. С. 43.

католицизму. Луи Наполеон, придя к власти, предложил пост министра культов и народного просвещения католику Альфреду де Фаллу. Именно его именем будет позже назван закон о реформе народного образования (1850 г.), согласно которому надзор за всеми учебными заведениями был поручен духовным лицам. Это вызвало отрицательные отклики в прессе и той (немаленькой) части общества, что придерживалась либеральных идей.

В то же время даже в католической французской прессе не было единства. Издания, лояльные Ватикану, обвиняли друг друга в «смутьянстве» и ангажированности отдельными епископами, жаждущими мирской славы¹⁶. Кроме этого, к этому добавлялся и кризис внутри-церковный кризис. Внутри французского духовенства все еще сильна была галликанская инерция, хотя само галликанство к тому времени как оформленное движение уже не существовало. Неистраченная энергия нашла свой выход. Утрата влияния РКЦ во Франции привела к расцвету всякого рода квази-религиозных организаций, таких, например, как масоны и розенкрейцеры. Никаких достоверных статистических данных по этому вопросу, вполне понятно, нет, однако, судя по реакции Святого престола, деятельность тайных обществ достигла большого размаха. Пий IX вынужден был даже обратиться к епископу Парижа в 1865 году со строгим внушением: «...мы не можем скрыть от Вас, почтенного брата, что наше горе и удивление были очень большими, когда мы услышали, что Вы председательствовали на похоронах маршала Маньяна, гроссмейстера Ордена Вольных каменщиков, и дали священное отпущение грехов, в то время как масонские знаки отличия были помещены в катафалке; и что члены этой порицаемой секты с флагами и теми же самыми знаками отличия стояли в этот момент вокруг катафалка»¹⁷. Из контекста письма становится понятно, что высшие церковные иерархи не только не препятствовали распространению учения масонов и других подобных организаций, но и сами, скорее всего, входили в эти тайные общества, чем и объясняется внезапное своеволие, в частности, парижского епископа, которое он не стеснялся выражать вслух. Например, именно епископ Парижа произнес речь перед Сенатом, в которой требовал урезания прерогатив Ватикана, а именно: исполнения апостольских наказов только после одобрения их гражданской властью¹⁸. В этой связи неудивительно крайнее раздражение Пия IX, с которым он обращался к перешедшему границы дозволенного прелату: «Вы не смущаетесь утверждать, что власть римского папы в епархиях не есть всеобъемлющая, не есть непосредственная. Это – лишь Ваше мнение, что римский папа не может распространить свою власть на любую епархию, за исключением тех случаев, когда дела этой епархии находятся в таком расстройстве, что это вмешательство стало бы единственным средством для спасения душ...»¹⁹ В том же 1865 году Пий IX произнес анафему масонству и отлучил от церкви всех его приверженцев и покровителей, что вызвало в прессе недоумение. Отдельные французские газеты высказывали удивление по поводу того, что папа проклял общество, «не пользующееся в наше время никаким значением и не имеющее никакой определенной деятельности»²⁰. Можно поспорить с тем, насколько это недоумение было оправданным и действительно ли масонство «не имело никакой деятельности», но сама реакция говорит о том, что слова наместника Святого Петра больше не воспринимались как непреложный закон.

Примечательно, что исследователь данной проблемы А.Р. Мэй приходит к выводу, что «определение французской Церкви как реакционного учреждения, которое отклонило модерн и подавило либералов, может быть верным только на уровне идеологии и теории. На практическом уровне, однако, учреждение [Римско-католическая церковь] изменялось, принимая текущие методы и процедуры модерна по необходимости или случайно (курсив автора статьи)...»²¹ Иными словами, по мнению А.Р. Мэй, Римско-католическая церковь, оглушенная обстоятельствами, из ведущей превратилась в ведомую и потеряла контроль над ситуацией.

Испания, еще один оплот Ватикана, с 1820-го года была потрясена революциями, междоусобными войнами и династическими конфликтами. В 1834-35 гг. произошло небывалое для «страны Игнатия Лойолы» событие: некогда ревностные католики в процессе холерных бунтов начали грабить монастыри. 17 июля 1834 года было совершено нападение на мадридский монастырь, затем были разграблены монастыри в Сарагосе, Барселоне, Валенсии и Кадиксе. Это было чрезвычайно симптоматичное явление. 1835-37 года принесли еще большее потрясение: правительственным законом большое количество монастырей было закрыто, их имущество было отобрано и десятина отменена. Казна, испытывая крайнюю нужду в деньгах, больше не выбирала средств. В 1842 году дипломатические отношения Испанского королевства и Ватикана были прерваны, священникам, открыто или тайно поддерживавшим папу, угрожали изгнанием из страны, признание аллокуции объявили

¹⁶ May A.R. The Falloux Law, the Catholic Press, and the Bishops: Crisis of Authority in the French Church // French Historical Studies. 1973. Vol. 8. №1. P. 87.

¹⁷ The Letter from the Pope to the Archbishop of Paris. London: William Macintosh, 24, Paternoster Row., 1869. P. 13.

¹⁸ Ibid. P. 4.

¹⁹ Ibid. P. 3.

²⁰ Цит. по: О проклятии масонов римским папою Пием IX. СПб.: Типография М. Эттингера в б. Мещанской д. №14-37, 1866. С. 4.

²¹ May A.R. Op. cit. P. 94.

государственным преступлением²². Хотя в 1851 году между странами был вновь заключен конкордат, это было не «сердечное согласие», а дипломатический шаг – этого требовали тактические интересы Испании и Ватикана на тот момент. Восстание 1855 года, вернувшее к власти либеральное правительство Эспартеро-О’Доннеля, в один миг, словно карточный домик, уничтожило систему отношений, предусматриваемую конкордатом, и вновь поставило на повестку дня вопрос о продаже церковного имущества.

В 1868 году в Испании в результате Славной революции была провозглашена свобода вероисповедания и одновременно с этим началось изгнание католических монашеских орденов. Однако и очередная реставрация монархии, произошедшая вскоре, не принесла покоя – как писал современник, новому королю Альфонсу предстояло решить «квадратуру круга: в одно и то же время защищать притязания римской церкви на всевластие и основной принцип новейшего государства – свободу религии»²³. Вследствие чуть ли не ежегодно происходящих революций и реставраций, со всеми вытекающими отсюда последствиями (например, периодическая отмена старых законов, а затем их восстановление), Испания превратилась в измученную страну с пустой казной и доведенным до крайней степени недовольства населением, готовым взорваться в любой момент.

В Австрии также нарастала волна анти-католицизма. Наступление на права Ватикана началось еще в правление Марии Терезии (1765-80 гг.) и Иосифа II (1765-90 гг.). Тогда народные школы были изъяты из полного подчинения Церкви, священникам оставалось право преподавать только религию, надзор же за школами был поручен светским лицам. В *Haupt-Schulen* преподавание даже религиозных предметов было отдано светским «катехетам». Более того, введенный метод обучения, названный «сократовским», при котором ученики должны были сами выводить религиозные истины в процессе дискуссий и бесед, а не получить их в готовом виде из сочинений Отцов Церкви, впоследствии, по наблюдениям современников, способствовал развитию рационализма²⁴. Была основательно пересмотрена программа обучения в университетах. Ряд последующих императорских законов обязал монастыри платить налоги в казну, запрещал завещать имущество Церкви на сумму более 1500 гульденов (а затем и меньшую), предписывал спрашивать разрешения правительства на дисциплинарные наказания белого и черного духовенства. Было положено начало уничтожению католических монастырей. Не изменил положения и личный приезд в Вену папы в 1782 году. По описаниям современников, при дворе его приняли холодно «и даже непочтительно»²⁵ (несмотря на восторженную встречу со стороны народа). Учитывая, что до Великой Французской революции оставалось на тот момент еще 7 лет, сам факт приезда папы «на поклон» к императору и полная неудача его миссии явилось грозным предзнаменованием и одним из зримых выражений падения авторитета Святого престола вне зависимости от революционных событий.

Одновременно, анти-католические меры австрийского правительства обусловили нестабильность государства: Римско-католическая церковь имела многих сторонников в правящем аппарате и элите, спаянных с нею идеологически, экономически и благодаря родственным связям. Поэтому нарушение прерогатив РКЦ фактически раскололо элиту на два противоборствующих лагеря, создав мощный фланг оппозиции, готовый в любой момент выступить против правящего дома. В конце XVIII века недовольство политикой правительства в империи было настолько сильным, что некоторые законы, дискриминирующие католиков, были отменены. Напуганное французской революцией, австрийское правительство вернулось к протекционизму по отношению к Церкви. К. Меттерних, идеолог реакции, писал: «...государи ныне находятся на осадном положении»²⁶, а, следовательно, они должны соблюдать принцип непоколебимости своих убеждений, в том числе и в особенности религиозных²⁷. Реакцией К. Меттерних заложил мину замедленного действия под все здание империи, не добившись желанной цели: общей тенденции секуляризации это не изменило. Многонациональная и многоконфессиональная империя больше не желала исключительного примата Рима.

Таким образом, на пространстве всей Западной Европы Святой престол получал чувствительные удары, подрывающие его могущество на законодательном и государственном уровне. Однако политические перипетии событий – не суть проблемы, а лишь зримое выражение подспудных духовных бурь, охвативших Европу в XIX веке. Великая Французская революция закончилась, но оставила смуту в умах. Даже те, кто горячо отрицал ее методы, были очарованы идеями Свободы, Равенства и Братства: «Эти идеи, - писал Ш. Дюмурье, - обладают

²² Римско-католическая Испания в церковно-общественном отношении: очерк новейшей церковной истории с характеристикой внешней и внутренней жизни этой страны // Христианское чтение. 1898. №8. С. 252-256.

²³ Там же. С. 256.

²⁴ Кудрявцев А.Я. Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. №4. С. 721.

²⁵ Кудрявцев А.Я. Церковный вопрос в Австрии // Христианское чтение. 1870. №11. С. 862-863.

²⁶ Записка князя Меттерниха: о состоянии в Европе и об обязанностях правительств. 1848 // Русская старина. 1873. Т. VIII. Вып. 7-12. С. 797.

²⁷ Там же. С. 794.

чрезвычайной гибкостью, которая позволяет их сжать; но они разогреваются сокращением, они разбивают и потрясают все...»²⁸

**СЕКЦИЯ №3.
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)**

**СЕКЦИЯ №4.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)**

**СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)**

**СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

**СЕКЦИЯ №7.
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)**

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

**СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)**

ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Григонис Ю.Э.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.Санкт-Петербург

Исследования политической коммуникации в современный период развития российской политологии, в целом, обусловлены традициями политической мысли и политической культуры нашей страны. Российская политическая наука, с одной стороны, скорее тяготеет к философско-политическому анализу исследуемого явления, с другой стороны, после принятия западной методологии, ориентированной на прикладные аспекты политической коммуникации, выделяется обширный пласт работ, посвященный эмпирическим исследованиям [5].

Таким образом, обостряется проблема соотношения двух контекстов рассмотрения феномена политической коммуникации: философско-теоретического и инструментально-технологического. Акцент на

²⁸ Memoires et correspondance inedits du general Dumouriez. Paris: Eugene Renduel. T. I. 1834.P. 67.

прикладных исследованиях не дает возможности выстроить полноценную теоретико-методологическую базу, а углубление в теоретическое моделирование не позволяет проводить должную эмпирическую верификацию.

На данный момент преждевременно говорить о сформировавшихся национальных школах по изучению политической коммуникации, но можно выделить основные направления изучения это феномена в отечественной политической науке.

С точки зрения индивидуальных и коллективных акторов-коммуникаторов, целью политической коммуникации, как правило, является формирование у аудитории определенных взглядов на политическую ситуацию с помощью информирования и убеждения. Интерес исследователей этой области обращен в сторону способов политической коммуникации. А.И. Соловьев предлагает выделять маркетинговые (реклама и PR) и немаркетинговые (пропаганда и агитация) способы политической коммуникации. Маркетинговые способы ориентируются на аудиторию как на потребителя информации, организуются в зависимости от его потребностей и предпочтений. Они не затрагивают глубинных основ сознания и направлены на завоевание симпатий аудитории. Немаркетинговые способы функционируют на основе интересов коммуникатора и в зависимости от его потребностей, тяготеют к монополизации информационного пространства [10].

Особенности изучения маркетинговых способов политической коммуникации заключаются в том, что литература по этой тематике посвящена, в основном, практически вопросам по организации электоральных и рекламных кампаний, созданию имиджа политика и политических партий, разработкам PR-стратегий. Среди отечественных авторов необходимо выделить работы Т.Э.Гринберг, С.Ф. Лисовского, Д.В. Ольшанского [3;6;7]. Исследователи предлагают различные взгляды на технологические аспекты проведения кампаний, как правило, на базе политической психологии, которая предлагает интерпретацию индивидуальных особенностей восприятия.

Обилие эмпирического материала дает возможность исследователям предлагать решение тех или иных задач, давать практические советы, при этом систематизированная четкая теоретическая база практически отсутствует, таким образом, мы можем говорить о том, что это направление изучения является практикоориентированным.

Достаточно широко в отечественной науке представлены работы по политической лингвистике [1;4;12], которые, впрочем, тоже скорее представляют собой эмпирические исследования и проработку методологии исследования политического языка. Различные способы введения аудитории в заблуждение стали стимулом изучения реальных смыслов, сокрытых в политических сообщениях, потому что содержание сообщения гораздо глубже, чем содержание его фраз. Так, приверженцы лингвистического подхода изучают политические тексты в связи с их влиянием на политическое поведение, на политическое мышление, а также с целью освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным мнением [8].

Исследователи, использующие контент-анализ, ставят перед собой цель объективной оценки феноменов. Методика реализуется в двух основных видах - в качественном (выявление общих закономерностей без количественного описания) и количественном (предполагает большой объем выборки и статистический анализ). Применение контент-анализа способствует выявлению связи между политической жизнью общества и использованием политического языка. Важно отметить, что практически все дискурсивные методики, направленные на изучение коммуникативных стратегий, практик и ролей часто используются совместно с методиками других наук - психологии, культурологии, а также с когнитивной методологией [2].

Разнообразие методов, применяемых в политической лингвистике, гарантирует внимание к различным аспектам политического текста, в зависимости от интереса исследователя. Однако для того, чтобы исследование было лишено субъективных оценок и было валидным, необходима проверка его результатов с помощью других методов, что накладывает определенные ограничения в области признаваемости итогов разработок [2].

Следующее ограничение данного подхода связано с его достаточно специфичной сферой изучения. Лингвистические исследования направлены на изучения вербальной коммуникации, однако, существует также пласт коммуникации невербальной, к которой относятся не только жесты и телодвижения, но и особенности передвижения, выражение лица и глаз, вокально-интонационные особенности речи. В целом, невербальная коммуникация не поддается однозначному толкованию, однако, представляет интерес при разработке вопроса об истинном, но скрытом содержании того или иного сообщения. Контролируемые невербальные сигналы являются частью сконструированного имиджа, поэтому несут определенный заранее сформированный посыл адресату, но анализ неконтролируемых реакций способен выявить эмоции и чувства актора коммуникации. Однако интересно то, что приверженцы лингвистического подхода, как правило, не придерживаются ценностно-нейтральных взглядов на предмет своего изучения - их работы направлены на распознавание сокрытого в политических текстах, что предполагает активную гражданскую позицию и, в целом, вызывает интерес к их разработкам.

Если обращаться к работам, более ориентированным на теоретические аспекты изучаемого феномена, то необходимо отметить интересный взгляд С.П. Поцелуева на политическую коммуникацию в виде современной

демократической коммуникации. В работе «Диалог и квазидialog в коммуникативных теориях демократии» автор исследует теории демократии, делая акцент на коммуникативную составляющую, и доказывает возникновение «диалогического поворота» в гуманитарном знании. Выбрав для обозначения особенности современного общества термин «коммуникативное общество», С.П.Поцелуев подчеркивает, что основным коммуникативным средством в рамках политической коммуникации становятся не деньги, но язык, влияние и власть, что означает выход за рамки т.н. «медийного общества». Также автор обращает внимание на состояние исследований политической коммуникации в российской политической науке: «можно сказать, что в понимании политической коммуникации в российской политологической науке наметилось два подхода, отражающих (с некоторым запозданием) общемировые тенденции: системно-функциональный (восходит к работам Н. Винера, Д. Истона, К. Дойча) и процессуально-интеракционистский (восходит к традициям символического интеракционизма Дж. Г. Мида, И. Гофмана, М. Эдельмана, Ж. Бодрияра)» [9]. Второй подход акцентирует внимание на субъектах, игроках и лица, а первый – на системах, уровнях и подсистемах.

В рамках системного подхода (М.Н.Грачев, М.Ю.Гончаров, В.И.Кравченко, А.И.Соловьев) политическая коммуникация сводится к обмену информации между политическими субъектами, ключевыми терминами становятся информация, функция, система. При этом, по мнению, С.П. Поцелуева, в таком понимании политической коммуникации отсутствует специфика политического. Собственное определение политической коммуникации он называет (нео)классическим, восходящим к пониманию политики у Платона и Аристотеля. Он определяет политическую коммуникацию как опыт символического обмена, осуществляемого носителями властных интересов, что предполагает рефлексивность и принятие на себя роли другого. Таким образом, на первый план выходит не передача информации, а общение, направленное на превращение индивида в гражданина, и, что является определяющим, осуществляющееся публично. Для понимаемой таким образом политической коммуникации важным становится феномен политического диалога и квазидialogа как его противоположности. Специфика политического диалога заключается в том, что поле политического не предполагает равенства сил и ресурсов. Это делает практически невозможным диалог между равными, и равенство становится не условием начала диалога, а его целью, при чем в относительном измерении, в смысле симметричного укрепления или ослабления позиций субъектов.

Несмотря на то, что данная работа представляет собой, прежде всего, анализ различных моделей демократии, она интересна своим нормативным характером, определяющим на теоретическом уровне место политической коммуникации в современных обществах.

Обилие эмпирических исследований самой различной тематики и направленности остро ставит вопрос о систематизации опыта изучения политической коммуникации. Эту задачу предлагается решить в рамках новой субдисциплины, развивающейся в российской политологии - политической коммуникативистики.

Российская школа политической коммуникативистики находится на стадии становления. В рамках Российской ассоциации политической науки был создан исследовательский комитет по политической коммуникативистике (в составе Л.Н. Тимофеевой, А.И. Соловьева, Ю.В. Ирхина, М.Н. Грачева и др.), целью которого является инициирование становления новой субдисциплины, продиктованное разнообразием практики политических коммуникаций при ее слабом теоретическом освещении. Концептуальные основы субдисциплины изложены в сборнике «Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика».

Отечественную политическую коммуникативистику предлагается развивать в поле общей коммуникативистики - совокупности научных дисциплин, изучающих коммуникацию. Несмотря на то, что различные аспекты коммуникаций активно изучаются специалистами в различных профессиональных областях, для изучения специфики политической коммуникации на данный момент было сделано недостаточно. Политическая коммуникативистика призвана решить две задачи: «во-первых, раскрыть сущность и механизмы формирования политической коммуникации, показать, как она участвует в конструировании политической реальности, какова ее роль в политических и социально-экономических, духовно-культурных преобразованиях современного мира; во-вторых, исследовать правовые, этические, политические ограничения в воздействии политических коммуникаций на общественное сознание, часто замещающих, подменяющих собой реальные действия политиков, виртуализирующих их практику, симулирующих ее и образующих опасный разрыв между словами и делами, когда общество не в состоянии проконтролировать правду и обман в политике» [11]. Таким образом, перед формирующейся субдисциплиной поставлены вполне конкретные задачи: изучение сущности феномена и развитие более безопасных для общественного сознания коммуникаций, т.е. гуманистической функции субдисциплины отведено далеко не последнее место.

Однако прежде чем политическая коммуникативистика будет институционализована, необходимо построить метатеорию коммуникации, затем общую коммуникативистику, и лишь потом на основе политологии обратиться к теории политической коммуникации, а через нее к политической коммуникативистике. При этом

признается, что метатеория коммуникаций будет не классической теорией, а системой допущений, постоянно оспариваемых, своеобразным дискурсом о дискурсе. Если в основе планируемой субдисциплины лежит система допущений, то, очевидно, что она сама сможет быть не более чем системой допущений, тогда возникает вопрос о ее научности. Этот вопрос поднимается авторами сборника «Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика», однако, в тексте утверждается, что основными признаками научности являются стремление к истине и возможность рационализации жизни, т.е. теоретическая основа и ее прикладная реализация [8].

Для представления упорядоченной структуры политической коммуникативистики предлагается разделить ее на общую и прикладную. Общая может быть направлена на изучение закономерностей функционирования политической коммуникации, прикладная - на практические области политической коммуникации, например, на маркетинговые и PR коммуникации, избирательные политические коммуникации и т.д. Такой вариант предлагается для примирения теории и практики, однако, на наш взгляд, изучение сущностных характеристик политической коммуникации невозможно в отрыве от ее практических форм, так как именно их разнообразие предполагает выделение как общего, так и особенного в политических коммуникациях. Однако недостатка в эмпирических данных - основе прикладных исследований - не существует, что в некотором роде замыкает круг: для систематизированного изучения прикладных аспектов необходимы единые теоретические основания, а для выработки таких оснований - изучение прикладных аспектов. Именно большое количество практических форм существования политических коммуникаций вызывает подобные сложности. По мнению Л.Н. Тимофеевой, политические коммуникации включают в себя «управленческие политические коммуникации, избирательные политические коммуникации, политические маркетинговые коммуникации, конфликтные политические коммуникации и др.» [8]. Создается впечатление, что выделение единого логического основания, которое может быть положено в основу классификации видов политической коммуникации представляется сложной задачей. Однако это важная задача - от ее решения зависит возможность разработки практических советов и рекомендаций, которые должны способствовать повышению эффективности коммуникации [8]. Так как эффективность напрямую связана с достижением цели, то можно было бы обратиться к классификации политических коммуникаций по способам ее достижения. В самом общем виде, целью политической коммуникации является убеждение, но для ее достижения применяются различные методы. В таком случае можно использовать классификацию, предложенную А.И. Соловьевым, который выделяет маркетинговые и немаркетинговые коммуникации, различающие по «способу организации дискурса», т.е. по отношению к потребностям адресата. Несмотря на то, что такое разделение некоторым образом отсылает нас к экономике (в т.ч. и терминологически), оно позволяет выделить сущность политических коммуникаций как стремления достичь цели, т.е. убедить. В случае, когда применяются практикоориентированные подходы изучения феномена, это можно считать уместным, но, на наш взгляд, классификация видов такого многообразного феномена не должна быть одномерной, необходимо учитывать также формы взаимодействия – вертикальные и горизонтальные, способы передачи информации – устные, печатные, визуальные и т.д., и характер взаимодействия – межличностный, групповой или массовый.

При рассмотрении микро- и макроуровневых теорий политической коммуникации, авторы приходят к выводу о преобладании позитивистских микроуровневых теорий, многообразие которых только обостряет вопросы о характере исследований и о их предмете. Макроуровневые теории, которые развиваются в рамках системного-кибернетического и структурно-функционального подходов, стремятся к универсальности, что затрудняет их приложение к реалиям конкретного общества. В этом случае развитие отдельной научной отрасли о политической коммуникации в нашей стране, позволит обратиться к объяснению отечественного опыта политических коммуникаций с их спецификой. Именно с этим связано обращение, прежде всего к изучению практики коммуникации, т.е. прикладной коммуникативистики. Ее предмет определяется как «разнообразные регуляторы, определяющие коммуникативное поведение и взаимные коммуникативные ожидания субъектов коммуникации» [8]. Регуляторы, как систему знаний, ценностей и норм, задающих специфику коммуникации, предлагается именовать коммуникационной матрицей (однако, возникает вопрос о некотором усложнении терминов в области, которая уже ими насыщена, возможно, в данном случае применимы термины «модель коммуникации», либо «система фреймов»). Используя это понятие, можно говорить о том, что только национальная научная школа способна изучить специфику коммуникационной матрицы своего государства, так как она на прямую связана с политической культурой общества, системой ценностей и норм, политическим сознанием граждан и т.д. Однако новая научная отрасль должна развиваться в рамках единой теории, из чего следует, что единая теория тоже должна быть применима к реалиям конкретного общества. В таком случае встает вопрос о возможности и даже необходимости единой для всех обществ метатеории политической коммуникации. Если специфика политической коммуникации зависит от системы ценностей, т.е. коммуникативной матрицы, то

она будет уникальна для каждого общества, а попытка типологизации (в основе которой, очевидно, будут лежать типы политической культуры) приведет к известным упрощениям. При такой постановке вопроса развитие национальных школ без обращения к единой метатеории видится выходом, но только на первом этапе, так как без единой теории есть вероятность ограничиться лишь описательными исследованиями без непосредственного обращения к теории, что на данный момент и является основной проблемой. Большое количество эмпирических данных требует обработки, но без единой теории они остаются несистематизированными.

Важным является вопрос об особенностях политической коммуникации по отношению к другим видам коммуникаций. По мнению исследователей, ее сущность заключается в передаче политически значимой информации, т.е. не любой информации о политике, а только той, которая в определенной ситуации приобретает значимость для системы властных отношений, и воздействует на реципиента. К такой информации, таким образом, могут относиться и сообщения из других сфер жизни общества. При этом политическая коммуникация является частью коммуникации социальной, которая подчинена коммуникации вообще [8]. Не оспаривая факт, что политическая коммуникация является коммуникацией социальной, хотелось бы обратить внимание на то, что приведенная аргументация в недостаточной степени проясняет специфику именно политической коммуникации. Если это всего лишь передача сообщений, которые важны для политических отношений, то этот феномен вполне может быть исследован в рамках изучения социальной коммуникации. Тем не менее, очевидно, что исследование политических коммуникаций требует собственных теорий, что уже говорит о том, что они нечто большее, чем передача информации на политическую тему. Сущность политической коммуникации, в соответствии с сущностью коммуникации вообще, на наш взгляд, состоит в производстве общих смыслов, политической памяти, политического сознания, что требует гораздо более тонких механизмов, чем при перемещении информации в пространстве. Возможно, такие характеристики политической коммуникации также имелись в виду, но важно подчеркнуть, что только в таком понимании политическая коммуникация является «кровеносной системой» общества.

Несмотря на то, что отечественная политическая коммуникативистика претендует на роль объединяющей дисциплины, как теоретической, так и практической, основные шаги, на настоящий момент, сделаны в сторону становления прикладной политической коммуникативистики. Обозначены проблемные области исследований, определены ценностные ориентации исследователей, характер исследований и намечена их методология. Возможно, это станет основой становления новой отрасли знаний, однако, хотелось бы упомянуть, что исследование политической коммуникации не должно ограничиваться областью СМИ. Подобное ограничение ведет к дальнейшему умножению теорий коммуникации, применимых на микроуровне. Это, безусловно, позволяет охватить все большее количество аспектов феномена, но уводит от основной цели - создания метатеории. На наш взгляд, в настоящее время, речь идет не столько о единой теории, сколько об оформлении отечественной школы изучения политической коммуникации, позволяющей исследователям работать в рамках национальной традиции, вектор которой уже задан. Для создания же метатеории необходим выход на новый уровень изучения политической коммуникации, основой которого могут стать уже проведенные прикладные исследования.

Таким образом, работа по созданию теорий политической коммуникации в российской политологии находится на начальной стадии. Существуют наработки по концептуализации феномена, изучению отдельных аспектов политической коммуникации в т. ч. в ее российской специфике, эмпирические исследования на самые разнообразные темы в этой сфере. Такое количество исследований трудной поддается систематизации, однако, это необходимый шаг для конструирования теоретического фундамента национальных школ.

В каждом направлении изучения политической коммуникации представлены разнообразные научные традиции, что способствует не только многостороннему исследованию феномена, но и функциональной фрагментации, которая затрудняет диалог между учеными. Однако политическая коммуникация представляет собой процесс, то есть взаимодействие элементов, сущность которых проявляется лишь в связи друг с другом. Таким образом, акцент на одном из аспектов процесса уводит нас от научной истины. Преодолением этой сложности должна стать систематизация наработок в области политической коммуникации, поиск единых оснований существования феномена.

Список литературы

1. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. - 330 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Флинта Наука, 2008. - 351 с.
3. Гринберг Т.Э. Политические технологии: ПР и реклама. М.: Аспект Пресс, 2005. - 317 с.
4. Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса: дис.... к. филол. н. Волгоград, 2008. - 192 с.

5. Лебедев С.В. Теоретико-методологические проблемы политической коммуникации в трудах российских ученых // Государственное управление. Электронный вестник. - 2012. - №32.
6. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2010. - 365 с.
7. Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб: Питер, 2005. - 540 с.
8. Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - 161 с.
9. Поцелуев С.П. Диалог и квазидиалог в коммуникативных теориях демократии. Ростов н/Д: СКАГС, 2010. - 496 с.
10. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. - 2002.- № 3. - С. 5-18.
11. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. - №5. - С. 42-45.
12. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта Наука, 2006. - 254 с.

СЕКЦИЯ №9.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)

СЕКЦИЯ №10.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)

СЕКЦИЯ №11.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)

СЕКЦИЯ №12.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)

СЕКЦИЯ №13.

КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

СЕКЦИЯ №14.

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)

СЕКЦИЯ №15.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)

ПРОЦЕСС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В МИРЕ НАСЛЕНИЯ И ВЛИЯЮЩИЕ НА НЕГО ФАКТОРЫ

Дудко К.Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г.Москва

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные факторы, воздействующие на процесс демографического старения в мире. Рассматривается современное и будущее состояние рождаемости, смертности и продолжительности жизни в мире, а так же в группах стран, разделенных в соответствии с уровнем их экономического развития.

Ключевые слова: старение населения, продолжительность жизни, смертность, рождаемость, миграция.

В современном обществе одним из наиболее значимых демографических процессов, который затрагивает все страны независимо от уровня их развития, является процесс демографического старения населения. Демографическое старение общества представляет собой увеличение доли пожилого населения в целом в обществе.

В качестве основных причин развития демографического старения, выступают изменения, произошедшие процессах рождаемости, смертности, а так же миграция населения. Кроме того, еще одним фактором, влияющим на данный процесс, является война.

Вследствие прогресса в области медицины, социального и экономического развития государств, происходит постепенное снижение уровня смертности и как следствие увеличение средней продолжительности жизни человека. Так по данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, средняя продолжительность жизни населения в мире в период 1950-1955 гг. составляла 47 лет, а к 2010-2015 достигла отметки в 70 лет.

В середине XX века разница в величине средней продолжительности жизни между более и менее развитыми регионами составляла 22,4 года. К 2015 разница в величине рассматриваемого показателя сократилась до 8,1 года, а к 2050, по прогнозам специалистов ООН, разрыв уменьшится до 6,4 лет.

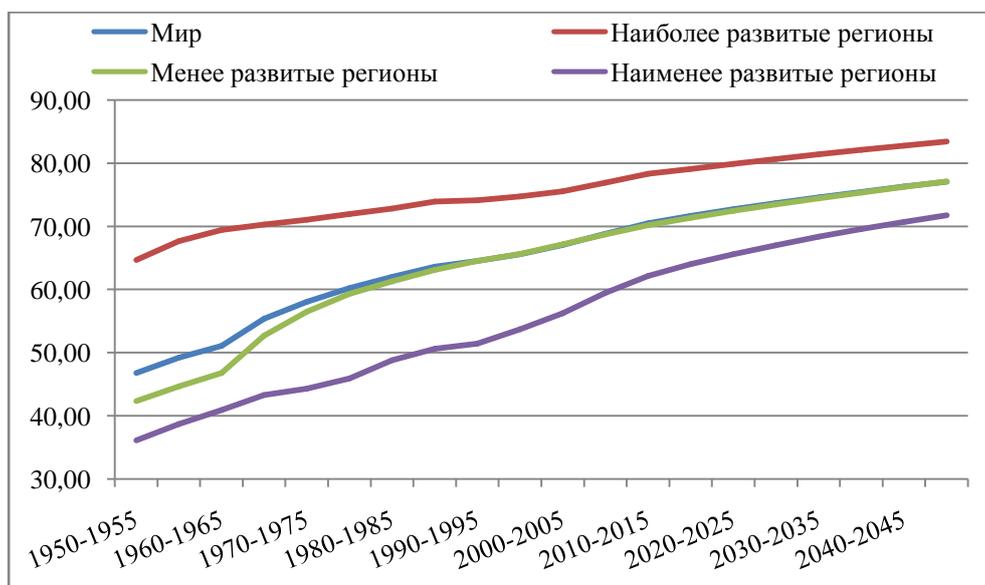

Рис. 1. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни: мира и регионов развития, 1950-2050 годы.

Как видно из Рисунка 1, увеличение продолжительности жизни характерно для всех представленных групп стран, однако, существуют различия в темпах этого роста. Наибольшие темпы прироста данного показателя наблюдаются в странах, относящихся к группе наименее развитых стран. В период 1950-2015 годы, средняя продолжительность жизни населения увеличилась на 26 лет, к 2050 году ожидается, что увеличение достигнет

отметки в 34 года (в качестве базового года был взят 1950 год). Таким образом, разница между наименее развитой группой стран и более развитыми странами по величине ОПЖ в середине прошлого века составляла 28,5 года, в период 2010-2015 гг. – 16 лет, а к 2050 году, по прогнозам специалистов ООН, сократится до 11,7 года [3].

Рассматривая показатель продолжительности жизни с точки зрения старения общества, необходимо отметить, что ее рост не приводит к немедленному старению общества. Изначально увеличение продолжительности жизни происходит в основном из-за снижения детской смертности, т.е. происходит увеличение численности детей. Таким образом, данный факт свидетельствует о том, что изначально происходит снижение доли пожилых людей в общей численности населения. В свою очередь дальнейшее увеличение рассматриваемого показателя уже способствует увеличению доли старого населения в обществе, т.к. все больше людей доживают до пожилого возраста.

Рассматривая смертность как фактор способствующий нарастанию процесса демографического старения, необходимо определить, какое воздействие смертность оказывает на население. Это зависит от того, в какой возрастной когорте, происходит уменьшение уровня смертности. Если данный показатель сокращается в детском или трудоспособном возрасте, то население – «омолаживается», если сокращается смертность пожилого население, то происходит «постарение» населения.

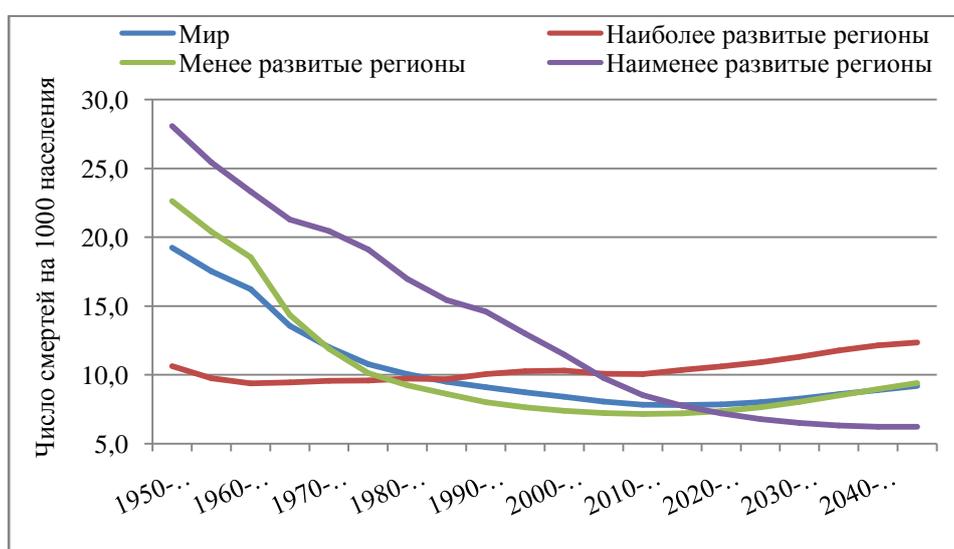

Рис.2. Прогноз величины общего коэффициента смертности: мира и регионов, 1950-2050 годы.

Рассматривая общий коэффициент смертности (далее – ОКС) на общемировом уровне, необходимо отметить, что его снижение происходит с начала рассматриваемого периода (1950 год) и достигает своего минимального значения в 2015 году. В дальнейшем, в соответствии с прогнозами ООН, приблизительно с 2020 года, ОКС начнет возрастать. Причиной данного процесса является тот факт, что старение способствует увеличению доли пожилого населения в обществе, которое в свою очередь подвержено более высокому риску смертности. Так ОКС в мире в период 2010-2015 году равняется приблизительно 8 случаям смерти на 1000 человек, к 2050 году данный показатель увеличится до 9,2 смертей.

Рассматривая ситуацию, складывающуюся в наиболее развитых странах, отмечу, что до начала 90-х годов, значение показателя оставалось в целом стабильным. В дальнейшем в странах данного региона развития наблюдается увеличение смертности населения, данный процесс продолжится и в обозримом будущем вплоть до конца рассматриваемого периода.

В середине прошлого века величина ОКС в наиболее развитых странах составлял 10,6 смерти на 1000 человек; в период с 1985 по 1990 снизился до 9,7; в 2010-2015 гг. данный показатель возрос и составляет 10 смертей на 1000 человек; к 2050 году по прогнозам специалистов достигнет 12,4 умерших на 1000 человек.

В менее развитых регионах ОКС будет снижаться вплоть до 2020 года. Рассматривая уровень смертности в данном регионе можно увидеть, что с 22,6 смертей на 1000 человек (в период 1950-1955 гг.) она уменьшилась до 7,2 смертей (2005-2010 гг.). В дальнейшем, специалистами ООН, прогнозируется к 2050 году увеличение рассматриваемого показателя до 9,4 случаев на 1000 человек.

Группа наименее развитых стран является единственной из рассматриваемых групп, в которой показатель смертности продолжит непрерывно снижаться на всем рассматриваемом временном отрезке. Так в период с 2045-2050 гг. ОКС снизится до 6,2 случаев смерти на 1000 человек [4].

Однако необходимо отметить, что, не отрицая значительного влияния показателя смертности на демографическое старение населения, главным определяющим фактором процесса демографического старения общества является уровень рождаемости [1, с. 372].

Снижение показателей рождаемости наблюдается во всех рассматриваемых регионах. В мире суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), с 1950-1955 гг. к 2015 году уменьшился практически в 2 раза. С величины 4,96 детей приходящихся на одну женщину до 2,51 детей в 2010-2015 гг., в дальнейшем снижение данного показателя продолжится. Так по «среднему» варианту прогноза ООН, коэффициент рождаемости снизится до 2,25 детей в 2045-2050 гг.

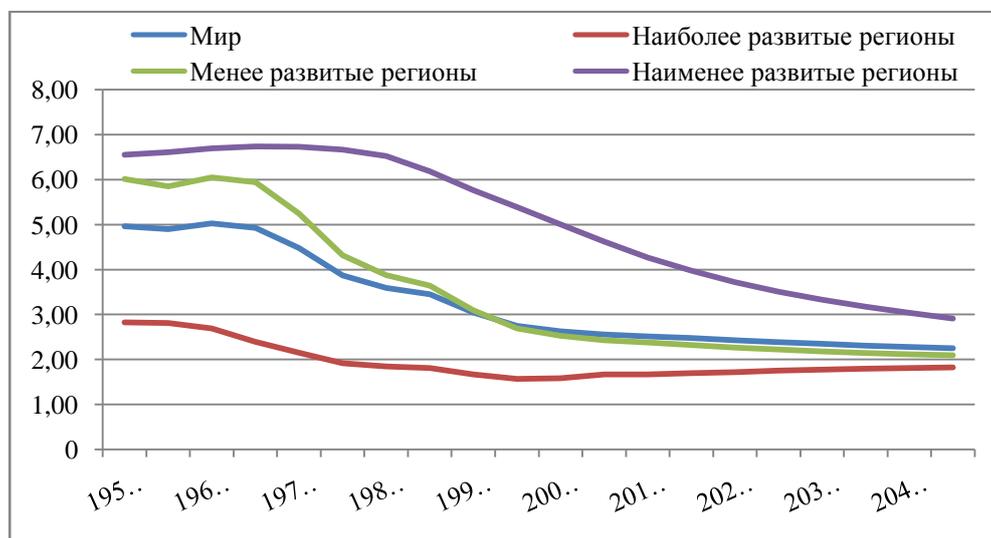

Рис.3. Прогноз величины суммарного коэффициента рождаемости: мир и регионы развития, 1950-2050.

В более развитых регионах суммарный коэффициент рождаемости начал снижаться с начала рассматриваемого периода и вплоть до 2000 года (с 2,82 ребенка на одну женщину в 1950-1955 гг. до 1,57 ребенка на женщину в 1995-2000 гг.). В дальнейшем прогнозируется рост рассматриваемого показателя, и к 2050 его величина должна возрасти до 1,82 ребенка на 1 женщину.

В менее развитых регионах в период с 1950-1955 гг. величина СКР составляла 6 рождений, к 2015 году данный показатель снизился в 2,5 раза и продолжит снижаться вплоть до 2050 года (2,1 рождения).

В наименее развитых странах рассматриваемый показатель начал снижаться в отличие от других групп стран лишь в 70-х годах. К 2015 году он снизился в 1,6 раза (по сравнению с 1950 годом) и составляет приблизительно 4,27 рождений на 1 женщину. В дальнейшем снижение показателя рождаемости продолжится.

Таким образом, на Рисунке 3. мы можем наблюдать повсеместное сокращение рождаемости. Так же сокращается разрыв в числе рождений, приходящихся на одну женщину, между наиболее развитыми странами и другими группами государств. Так, если в середине прошлого века разница между наиболее развитыми странами и менее развитыми составляла 3,25 рождений, а между наиболее и наименее развитыми странами 3,75, то к 2015 году разница сократилась до 0,98 рождений и 2,6 соответственно [5].

Помимо изменений, протекающих в процессах рождаемости и смертности, еще одним фактором, влияющим на демографическое старение населения, является миграция населения.

Миграция приводит к изменению возрастной структуры населения в рассматриваемом регионе. Основной причиной этого является то, что обычно молодежь и люди среднего возраста меняют место своего жительства, а пожилые люди обладают меньшей мобильностью.

Демографическое старение и последующее сокращение трудовых ресурсов является одной из важнейших причин стимулирующих миграции населения, т.к. недостаток рабочих мест, а также необходимость внешних заработков для поддержания домохозяйств являются мощным стимулом для распространения этого явления. В большей своей массе население перемещается из экономически неблагополучных регионов на более развитые территории. Необходимо отметить, что такие иммигранты, как правило, находятся в трудоспособном возрасте [2].

Следовательно, в регионах притока мигрантов происходит «омоложение» населения. В то же время в местах «оттока» населения, складывается обратная ситуация: происходит ускорение старения и возможна даже депопуляция.

Еще одним фактором, влияющим на процесс старения населения, является война. Особенно актуально это утверждение для России, которая в течение XX века пережила гражданскую и две мировых войны. Войны усиливают воздействие процесса старения населения на общество, т.к. в качестве основных потерь в ходе боевых действий выступает молодое население, а так же сокращают численность детей, которые не появились на свет вследствие войны.

Таким образом, на процесс старения населения оказывают одновременное влияние рождаемость, смертность, миграция населения, а так же война.

Соотношение уровней рождаемости и смертности в первую очередь влияет на состав населения: преобладание молодых, зрелых или старших возрастов. При этом необходимо учитывать тот факт, что чем выше продолжительность жизни населения, тем больше накапливается живущих поколений и, следовательно, лиц, живущих в этих поколениях. Поэтому в случае, если соотношения рождаемости и смертности сохранится на одном и том же уровне, численность населения будет изменяться с изменением средней продолжительности жизни.

Наиболее важным фактором, оказывающим влияние на процесс демографического старения, является снижение рождаемости и, соответственно, уменьшение доли детей в обществе.

Изменение уровня смертности населения оказывает двойственное влияние на общество. Данный факт находится в зависимости от того, в какой возрастной когорте населения смертность достигла наибольшего размера. В случае сокращения детской смертности происходит «омоложение» населения, в случае сокращения смертности пожилого населения, общество – «стареет».

Последствия миграции в качестве одного из факторов старения населения так же имеют двойственный характер. Ввиду того, что большей механической мобильностью обладает именно молодое население, то в основном перемещается именно эта часть общества. Таким образом, в месте прибытия населения «молодеет», в месте убытия – «стареет».

Список литературы

1. Россет Э. Процесс старения населения // Демографическое исследование. – М.: Изд-во «Статистика», 1968. – 509 с.
2. Сурков С.В., Захаров С.В. Миграция и рождаемость в России // Международные мигранты вносят значимый вклад в рождаемость в западных странах // Демоскоп Weekly №399-400, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php#2>.
3. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2015). [Электронный ресурс]. URL: [http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/3_Mortality/WPP2015_MORT_F07_1_LIFE_EXPECTANCY_0_BOTH_SEXES.XLS](http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20(Standard)/EXCEL_FILES/3_Mortality/WPP2015_MORT_F07_1_LIFE_EXPECTANCY_0_BOTH_SEXES.XLS)
4. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2015). [Электронный ресурс]. URL: [http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/3_Mortality/WPP2015_MORT_F02_CRUDE_DEATH_RATE.XLS](http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20(Standard)/EXCEL_FILES/3_Mortality/WPP2015_MORT_F02_CRUDE_DEATH_RATE.XLS)
5. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2015). [Электронный ресурс]. URL: [http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2015_FERT_F04_TOTAL_FERTILITY.XLS](http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/Files/1_Excel%20(Standard)/EXCEL_FILES/2_Fertility/WPP2015_FERT_F04_TOTAL_FERTILITY.XLS)

СЕКЦИЯ №16.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)

АНАЛИЗ УСТАНОВОК ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА СТУДЕНТОВ ТУСУР 2013-2015 ГГ)

Орлова Н.А.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

В сфере здорового образа жизни в студенческой среде сегодня актуальны противоположные тенденции: с одной стороны, немалая часть молодежи активно занимается спортом, отказывается от употребления алкоголя и

курения, следит за питанием, с другой стороны – увеличивается количество заболеваний, показатели физического здоровья молодежи признаются медицинскими работниками неудовлетворительными. Возросшая в последнее время актуальность проблемы формирования установок здорового образа жизни (ЗОЖ) детерминирована тем, что несбалансированное питание, вредные привычки, высокий уровень стресса, отсутствие достаточного количества физических нагрузок негативно сказываются на самочувствии, количестве заболеваний, продолжительности жизни.

Студенты, обучающиеся в высших учебных заведениях, выглядят относительно благополучно по сравнению с другими группами молодежи. Употребление наркотиков, алкоголя и курение распространены меньше, чем в группах неучащейся молодежи и среди студентов техникумов и профессиональных училищ. Тем не менее, и для этой группы актуальны общие для всех индустриальных стран тенденции, снижающие показатели здоровья: гиподинамия, нарушение режима сна и отдыха, отсутствие своевременной профилактики заболеваний и игнорирование лечебных учреждений при симптомах болезни.

С целью получения представления о динамике установок ЗОЖ в среде студентов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники с 2013 по 2015 год проводится мониторинг основных аспектов здорового образа жизни:

- 1) Физическая активность, занятия спортом;
- 2) Режим сна и отдыха;
- 3) Питание;
- 4) Медицинская профилактика;
- 5) Отношение к курению и алкоголю.

Также были выявлены зависимости вышеперечисленных аспектов от пола и возраста респондентов.

В течение трех лет в ТУСУРе проводилось анкетирование студентов по вопросам, раскрывающим вышеперечисленные аспекты ЗОЖ. За 3 года всего было опрошено 1327 человек.

Первый блок вопросов анкеты касался физической активности и занятий спортом. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, отсутствие физической активности является четвертым по значимости фактором риска всех случаев смерти в мире, ежегодно приводя к 1,9 миллиона случаев²⁹. Технический прогресс, благодаря которому мы обязаны увеличением продолжительности жизни, который в XX веке избавил людей от необходимости тяжелой физической работы, в конце XX века привел к формированию малоподвижного образа жизни. Жизнь современного студента требует все меньше энергетических затрат благодаря мобильным устройствам и электронным сервисам. В процессе исследования мы оценивали уровень физической активности респондентов. Выяснилось, что более 30% студентов занимается спортом только в рамках занятий по физической культуре, а 25% не занимается спортом вообще. При этом динамика выглядит следующим образом:

Таблица 1

«Занимаетесь ли Вы спортом?»

Варианты ответов	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1. Да, профессионально (участвую в соревнованиях, сдаю на разряды)	7%	8%	8%
2. Да, не профессионально, но регулярно (не реже 3 раз в неделю)	10%	15%	17%
3. Да, реже 3 раз в неделю	29%	25%	22%
4. Да, только пары по физкультуре	31%	34%	37%
5. Нет	23%	18%	16%

Также были выявлены наиболее популярные виды спорта среди студентов и их отношение к двигательной активности.

Следующая группа вопросов касалась режима сна и отдыха. Недостаточное время для сна является одним из мощнейших стресс-факторов, отрицательно воздействующих на функционирование организма.

Сколько часов в сутки Вы спите (в среднем в неделю)?

Таблица 2

Варианты ответов	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1. Менее 5 часов	2%	5%	11%
2. 5-6 часов	27%	35%	37%

²⁹ Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. - <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1>

3.	7-8 часов	60%	50%	43%
4.	9-10 часов	10%	7%	8%
5.	Более 10 часов	1%	3%	2%

Как можно увидеть из полученных процентных соотношений в 2013 году 60% студентов ТУСУРа преимущественно спали по 7-8 часов, что, по мнению врачей, считается нормой, а в 2015 этот показатель уменьшился до 43%.

Что касается питания, то мы исследовали целый ряд вопросов: продуктовый набор студента, частота приемов пищи, употребление питьевой воды, отношение к диетам и системам питания и т.п. Исследование показало, что практически половина студентов ТУСУРа не придерживается каких-либо принципов питания. Одна треть девушек придерживаются каких-либо принципов питания время от времени, а чуть больше половины парней не придерживаются никаких принципов питания вообще. В большинстве случаев питание у студентов ТУСУРа соответствует современным представлениям диетологов о правильном питании. Но за 3 года показатель употребления фруктов и овощей снизился с 3-6 раз в неделю, до 1-2 раза в неделю. Подобная тенденция является негативной, это может быть связано с ростом цен на продукты. Употребление продуктов быстрого приготовления за последние годы увеличилось на 20%, что тоже может быть связано с увеличением цен на продукты питания. Всего лишь чуть больше половины студентов ТУСУРа пьют простую питьевую воду ежедневно.

Что касается курения, то количество некурящих студентов за 2 года уменьшилось на 17%, что. Курящих юношей в ТУСУРе в два раза больше, чем девушек. 70% девушек не курят вообще. Количество некурящих студентов на 1 курсе на 25% больше, чем на 4 курсе.

Следующие вопросы были связаны с отношением к алкоголю. Поскольку задавать прямой вопрос «Сколько вы выпиваете» или «нет ли у вас проблем с алкоголем» бессмысленно (респонденты, склонные к злоупотреблению всегда отвечают неправду), мы пытались выяснить те установки, которые сформировались у студентов. Выяснилось, что студенты недооценивают риски употребления алкоголя, а также не знают основные индикаторы формирования алкогольной зависимости. Тем не менее, увеличился процент студентов, которые согласились с утверждением «Алкоголь нельзя употреблять ни при каких обстоятельствах».

Также нами были заданы вопросы, связанные с медицинской профилактикой. Выяснилось, что большинство студентов не обращаются к врачам при возникновении симптомов болезни, а также пренебрегают своевременной профилактикой заболеваний. Девушки чаще обращаются к врачам при возникновении симптомов заболеваний, а также чаще посещают медицинские учреждения в профилактических целях.

В целом полученные данные позволяют сделать вывод о том, что установки здорового образа жизни распространены в студенческой среде следующим образом:

- Девушки в среднем ведут более здоровый образ жизни, чем юноши;
- Выявлена тенденция к уменьшению двигательной активности;
- Уменьшается количество курильщиков среди студентов 1 курса по отношению к студентам более старших курсов;
- Питание большинства студентов, вопреки распространенным стереотипам, соответствует рекомендациям современных диетологов;
- Серьезной проблемой нам представляется тенденция уменьшения часов сна.

БИОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

Орлова И.В.

Иркутский государственный медицинский университет

Для эффективного функционирования личности в обществе, ей необходимо успешно социализировать. Говоря о социализации в общем, мы имеем в виду сложный процесс усвоения норм и ценностей общества, который длится всю жизнь. Как любой процесс социализация подвержена влиянию разных факторов, которые не только являются движущей силой, но и определяют характер протекающего процесса. Попытки найти универсальные факторы подтолкнули одних исследователей на подвидовое объединение факторов в группы, других – на декомпозицию их по функциям, природе возникновения, по включению механизмов и пр. В

настоящее время существует несколько классификаций факторов, влияющих на процесс социализации: внешние и внутренние; субъективные и объективные; ведущие и временные; индивидуальные и групповые; глобальные и региональные; личностные, производственные и пр. Так, к внутренним факторам принято относить социально-демографические характеристики участников исследования, ментально-ценностные ориентации, ряд психологических свойств; в качестве внешних факторов выступают параметры, которые связаны с видом деятельности исследуемой социальной группы, т.е. специфические характеристики деятельности и особенности социальной организации исследуемой общности.

В социологической литературе в число биосоциальных факторов социализации принято включать: биологическую наследственность; физическое окружение; культуру; групповой и индивидуальный опыт [1]. Сложно определить приоритетную роль какого-либо из них. Индивидуальные особенности каждого конкретного индивида «подключают» в процессе социализации разные факторы. Если биологическое наследие выступает в качестве данности, то физическое окружение является осознанным выбором личности (за исключением периода детства или маргинальных периодов). Культура каждого общества также оказывает огромное влияние на процесс социализации. С социологической точки зрения данный фактор рассматривается как способность использовать суммированный опыт поколений. Именно приобщение личности к культурному наследию, обладание высоким уровнем индивидуальных способностей, наличие модальных характеристик определяет степень социализации индивида. Современные российские исследователи рассматривают феномен с позиции культурной социализации – процесса постоянной передачи обществом и освоение индивидом социализационных институтов (языка как средства коммуникации, образования, СМИ) культурных ценностей, реалий и идеалов культуры, выработки культурных потребностей и интересов, установок, жизненных ориентаций, этнокультурной самоидентификации, организации досуга, художественных предпочтений, позволяющий индивиду функционировать в пространстве культуры данного общества [2].

Групповой и личный опыт также включены в процесс социализации, при этом индивидуальный опыт формируется не просто путем накопления, а в результате интеграции.

Рассматривая процесс социализации иностранного студента, необходимо учитывать то, что факторы социализации имеют иную, «деформированную» природу. Нахождение иностранного гражданина в инонациональной среде создает ему маргинальный статус, который зачастую является перманентным в ходе всего «жизненного цикла» личности, т.е. в течение всего периода студенчества. Особенность социализации иностранного гражданина заключается в том, что она протекает как ресоциализация.

Биологическая среда обладает особенностью «готовить почву» для успешной социализации. Многие качества, унаследованные от биологических предков, могут способствовать или препятствовать успешной социализации. Наследственные характеристики содействуют не только восприятию/отрицанию ценностей общества, но и закладывают коммуникативные особенности и культуру, способность эффективного общения, направленное на реализацию возможностей и способностей. В рамках исследования социализации иностранных учащихся также необходимо учитывать влияние наследственности на умение добывать и получать знания в инонациональной среде, работать как самостоятельно, так и в иноязычной группе.

Неоднозначную позицию занимает такой фактор как физическое окружение. Это объясняется тем, что попадая в иноязычную среду, иностранный учащийся в качестве агентов социализации выбирает в первую очередь соотечественников-земляков, а во вторую – преподавателей. Опрос иностранных студентов 1-2 курса (153 человека) Иркутского медицинского университета и Иркутского аграрного университета показал, что в случаях затруднений бытового, учебно-познавательного, коммуникативного и даже правового аспектов 60% опрошенных предпочитают обращаться за помощью к землякам, которые учатся на старших курсах; в 39% – к преподавателям, сотрудникам отдела международных связей университета или деканата. Только 1% опрошенных иностранных студентов 1-2 курса указал на то, что в случае затруднений по указанным вопросам обращается за помощью к российским студентам. Таким образом, соотечественники выступают в роли доминирующего агента социализации, «ретранслятора» норм и ценностей инонациональной среды; преподавательский состав – в качестве аутентичных носителей профессиональных ценностей, представителей культуры, в том числе языковой. При этом даже для иностранных студентов 3-4 курсов российские сверстники выполняют роль агентов социализации на 20%, т.е. значительно уступают преподавательскому составу, что обусловлено устойчивой этнической замкнутостью [1, с.28]. Оценка такому виду физического окружения как «российское студенчество» была проведена по принципу социометрии. Учитывая то, что 37% опрошенных были представителями стран Средней Азии (58% представители Монголии, 5% – Китая), это снизило оценку до 2,1 балла (по 5 балльной шкале), главным акцентом данной оценки стало различие ценностных и поведенческих установок. Для иностранных учащихся соотечественники являются приоритетным предпочтением. При этом в качестве

«посредника» социализации они могут создавать искаженный эффект по причинам плохого знания русского языка, недостатка компетенции в обсуждаемой проблеме, ментальные и эмоциональные фильтры.

В процессе социализации иностранца большую роль играет культура. Иностранец студент, прибывающий на учебу в другую страну, представляет собой устойчивую культурную модель со сформированными стереотипами поведенческих реакций. В конкретной культурной среде иностранец включается в процесс отношений взаимообмена с носителями культуры. По сути, этот фактор протекает как инкультурация в числом виде, т.е. обучение иностранца традициям и нормам поведения в конкретной культуре [2, с.22]. Это происходит в процессе отношений взаимообмена между человеком и его культурой, при которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой, — человек сам влияет на свою культуру. По своему характеру процесс инкультурации более сложен, чем процесс социализации. Дело в том, что усвоение социальных законов жизни происходит гораздо быстрее, чем усвоение культурных норм, ценностей, традиций и обычаев. Инкультурация, или обучение культуре, происходит несколькими путями, однако наиболее распространенным из них является опосредованный. Не вызывает сомнений, что без инкультурации и социализации иностранец учащийся не может существовать как член нового общества, поэтому миновать эти процессы невозможно.

Список литературы

1. Орлова И.В., Крупская Т.С. Социокультурная адаптация иностранных учащихся в Иркутском государственном медицинском университете // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2015. Вып. 4. – С. 28.
2. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2003. Т. 1. – С. 22.
3. Луков А. В. Культурная социализация // Знание. Понимание. Умение, 2008, №3 Электронный ресурс: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/
4. Электронный ресурс <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/osnovy-sociologii/>

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Моисеенко В.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

Социальная мобильность человека является классической темой исследования социологии. Существующие теории данного процесса связывают возможность социального перемещения личности с целым рядом факторов. П. Сорокин, описывая социальную мобильность личности, определяет наличие образования к одному из своего рода «лифтов», среди которых находятся также армия, церковь, искусство, церковь, СМИ, семья, бизнес [1]. Кроме того, П. Сорокин выделяет три основные формы мобильности, имеющие универсальный характер: политическая, экономическая, профессиональная. В ходе прикладного исследования нас интересовало, влияет ли получение высшего образования на профессиональную мобильность, то есть – способствует ли получение знаний в стенах ВУЗов современной России профессиональному росту выпускников по полученной специальности (направлению подготовки).

Модернизация системы высшего образования современной России, стремление государства приблизить ее к европейским и мировым стандартам по качественным показателям коренным образом повлияло на структуру и перечень образовательных программ. Дифференциация специальностей привела к появлению большого числа «узких» программ обучения в российской вузовской системе. Поступление в высшее учебное заведение перестало быть реальным испытанием в связи с появлением негосударственной системы образования и возможности получить образование на коммерческой основе в государственных ВУЗах. Возникли перекосы в количественном соотношении студентов различных направлений подготовки.

Статистическая информация по числу студентов ВУЗов России (с учетом Крымского федерального округа) за 2014 год дает следующую картину по количественному составу организаций, осуществляющих подготовку в системе высшего образования. Всего учебных заведений – 950 из них государственных – 548, частных – 402. В них проходят обучение 4405,5 тысячи студентов – в государственных, и 803,5 тысячи – в частных, итого - 5209 тысячи студентов. Надо отметить, что в 2014 году отмечается снижение как общего числа ВУЗов, так и общей численности учащихся. Общий выпуск дипломированных кадров в 2014 году составил 1226,1 тысячу человек.

Для сравнения – в 1995 году в 569 ВУЗах страны проходили обучение 2655,2 тысячи студентов, а выпуск составил 328376 человек. Население страны снизилось за это время со 148,3 миллионов человек в 1996 до 143,7 в 2014 году [2].

Статистика показывает значительное увеличение числа студентов, что, в целом, должно привести к снижению субъективной оценки получения высшего образования. Как показывают результаты проведенного нами опроса, большинство - 87,3% родителей выпускников школ ставят получение высшего образования в качестве цели для своего ребенка на период после окончания школы и не видят иных альтернатив. [3] При этом достаточно интересным является факт того, что целью является не определенное высшее образование в виде получения конкретной профессии, а получение высшего образования «вообще», для того, чтобы быть «как все» 75,1% опрошенных родителей. Можно сделать вывод о том, что высшее образование не представляется родителям выпускников школ как способ социального продвижения, а приобретает черты атрибута, необходимого для нормальной жизни в рамках своей социальной группы и своего социального слоя.

Опрос студентов-первокурсников показывает, что значительная часть из них (68,9%) не вполне четко представляет цели собственного обучения в ВУЗе, однако 14,4% имеет достаточно уверенное понимание роли высшего образования в последующей жизни, и только 3,1% первокурсников высказали уверенность, что после окончания ВУЗа смогут существенно улучшить свое социальное положение [4].

Представления первокурсников и родителей показывают в целом отсутствие убеждения в том, что с помощью полученного образования можно совершить быстрое социальное перемещение. Даже сам факт устройства на работу после окончания ВУЗа не рассматривается как зависящий от наличия высшего образования, в качестве наиболее распространенного ответа на блок вопросов, связанных с возможностью трудоустройства, доминируют ответы «по знакомству» (57%), за деньги (18%).

Вместе с тем, с получением высшего образования связывают надежды на улучшение жизни детей 93% родителей, однако эти надежды носят абстрактный характер и не выходят за рамки социального слоя, только 1,4% родителей выразили уверенность, что их дети пробьются в верхние эшелоны социальной структуры общества. Студенты-первокурсники более оптимистичны, нежели их родители: 12,7% настроены на значительное социальное продвижение за рамки своего социального слоя.

Действительно, любой социальный лифт способен быть таковым только при массовом характере практики пользования им, что, в целом характерно для системы высшего образования в России, однако для эффективной работы социальные лифты должны быть открытыми, а общество – быть уверенным, что они работают вообще. Кроме того, должен существовать некий набор правил социальной мобильности и четкое понимание критериев отбора. Однако такая ситуация будет являться характерной для высокоразвитых обществ с доминированием высокотехнологичной экономики, где критериями отбора будут являться компетентность претендента, его знания и умения, а не, например, родственные связи. Чем проще экономические отношения – тем больший вес приобретают как раз последние факторы мобильности, а отнюдь не профессиональные качества личности.

Однако главная причина неработающего социального лифта – негибкость экономики, которая не может вовремя сформировать набор требований к профессиональным знаниям и умениям работника, в результате образование зачастую попросту не понимает, какие компетенции должны формироваться у студентов.

Осознание этой проблемы привело к появлению в образовательных стандартах такого элемента, как «работодатель» - то есть представитель руководства или звена управления организацией-базой возможного профессионального приложения усилий студента, ведущий преподавание в стенах ВУЗа или по месту собственной работы. Замысел разработчиков стандартов видимо, заключался в приближении образования к практике. Хорошая с первого взгляда идея тут же натолкнулась на ряд трудностей: руководители и специалисты предприятий не заинтересованы преподавать в связи с невысокой заработной платой относительно доходов в собственной организации, а преподавательский состав институтов и университетов вынужден при приеме на работу работодателя отдавать часть своей учебной нагрузки, сокращая собственные штаты. Возникает и ряд вопросов с включением представителей работодателей в структуру научного коллектива российских ВУЗов [5].

В ходе эмпирических исследований было выявлено инерционное связывание социального лифта с определенным типом образования. Отдельные группы подготовки – юридического и экономического профиля, вызывает у многих родителей интерес только в силу стереотипа относительно получения хорошей профессии.

Ситуация, когда совпадают интересы работодателя в работнике имеющим как высшее образование, так и обладающим уже сформированными навыками профессиональной работы является идеальным условием при приеме на работу. Поскольку именно институт высшего образования закладывает фундамент знаний и умений, социальное продвижение зависит от желания самого человека освоить образовательную программу и через приобретенные знания добиться успеха. В этом смысле, для отдельных индивидов, социальный лифт предоставляет возможности своего использования. Однако массового перемещения, когда в результате

потребности экономики усиливается необходимость в определенном виде профессии, ожидать, видимо не стоит. Данная ситуация особенно тяжело воспринимается молодежью, недавно закончившей ВУЗы. [6]

Высшее образование, выполняя роль активизации творческих способностей и возможностей личности, раскрывая потенциал человека, способствует формированию и развитию деятельного начала индивида. Именно в данном социальном институте посредством действия механизмов отбора и селекции происходит становление той части общества, которая вполне самостоятельно способна добиваться своих целей и не боится трудностей, в том числе – конкуренции на рынке труда.

Список литературы

1. Сорокин, П.А. Социальная стратификация и мобильность / П.А. Сорокин. - М.: Директ-Медиа, 2007. - 346 с.
2. Использовались данные, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/>
3. Территория опроса – Ставропольский край, число респондентов – 500, пропорциональное распределение респондентов по критерию проживания в сельской/городской местности, целевая группа – родители выпускников школ, метод опроса – формализованное интервью, 2014 год.
4. Опрос проведен среди студентов первого курса «Северо-Кавказского федерального университета», пропорционально по признакам: пол, специальность, место проживания родителей – село/город, 2014 год.
5. Сергодеева, Е.А. Социально-коммуникативный характер научной деятельности //Сергодеева Е.А. /Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 314-317.
6. Лежебоков, А.А. Наиболее значимые проблемы работающей молодежи г.Ставрополя //Лежебоков А.А. Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 58-61.

ВОЛОНТЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Гедугова Д.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, г.Ставрополь

В настоящее время феномен волонтерства является притягательным объектом внимания для российских специалистов различных дисциплинарных отраслей. Добровольчество активно исследуется в рамках социологических, психологических, юридических и иных изысканий. Связано это с самим фактом активного развития добровольчества в современной России и институционализацией его в системе социальных структур общества. Актуальность исследований волонтерства значительно усиливается в связи с тем, что оно является необходимым условием для формирования гражданского общества и занимает в его структуре весьма значительное место.

Надо отметить, что характерной чертой российских волонтерских организаций является их построение, в большинстве случаев, на основе молодежных и студенческих организаций. Сам факт включения молодежи в волонтерскую деятельность является в настоящее время как условием успешной социализации для ряда профессиональных направлений подготовки специалистов (например, студентов по специальности «Социальная работа»), так и характеризует изменение вектора социальных интересов участников добровольческой деятельности. Действительно, неоплачиваемая работа на общественные нужды является свидетельством формирования гражданского типа личности, что характерно для развитых в нравственном плане социумов.

Исследования волонтерства в рамках социологии можно классифицировать на несколько типовых направлений. Во-первых, рассмотрение волонтерства как некоторого проявления благотворительности, меценатства. Действительно, работая в добровольческих организациях, личность затрачивает собственное время, энергию, иногда – вкладывает материальные ресурсы (приобретая, например, спецодежду). Это вполне можно отнести как стремление к реализации бескорыстных действий на благо социума.

Во-вторых, волонтерство изучается с точки зрения его как элемента социальной поддержки, свойственной обществу с определенного этапа развития. В основе такого подхода находится понимание помогающей деятельности как формы социальной работы с людьми, нуждающихся в постоянной поддержке со стороны общества (инвалиды, лица третьего возраста) или находящихся во временном трудном положении (бездомные, наркоманы, заблудившиеся). Данное направление социологических исследований, на наш взгляд, учитывает

далеко не все формы приложения сил волонтеров, поскольку спектр добровольческой активности может выходить далеко за рамки оказания помощи людям.

В-третьих, волонтерство рассматривается сквозь призму практик межкультурной коммуникации и партнерства. Действительно, в процессе волонтерской деятельности реализуется целый набор уникальных коммуникативных отношений как между участниками подобной деятельности, так и с внешними социальными акторами, что в целом отличает процессы взаимодействия от привычных.

В-четвертых, волонтерство является элементом профессиональной и личностной социализацией и данный факт также активно исследуется в рамках социологической науки. Данное направление актуально при изучении институциональных характеристик волонтерства и волонтерских организаций. Действительно, многие волонтерские организации представляют собой мощные структурные объединения, в которых помимо сугубо добровольческой деятельности осуществляются управленческие, организационные, финансовые процессы, требующие привлечения профессионалов.

Если же рассматривать волонтерство как некий социальный процесс, мы можем выделить некоторые признаки, характеризующие его как составную часть социальных процессов в целом.

1) волонтерское движение находится в русле более широких и масштабных взаимодействий различного рода: культурных, социальных, экономических, политических и иных;

2) нормативными регуляторами волонтерской деятельности являются общечеловеческие ценности и гуманистические императивы;

3) волонтерство реализуется в виде специфической формы социального, культурного и коммуникативного взаимодействия;

4) волонтерство предполагает наличие в качестве ресурсов своей активности культурные, социальные, материальные, политические, средства, выступающие в качестве поддержки добровольческих движений;

5) в основе социально-культурной идентичности волонтерства является существование неких общих норм, ценностей, установок, стандартов;

6) основными мотивами участия в волонтерской деятельности являются альтруистические мотивы бескорыстного служения на благо внешних по отношению к личности субъектов.

Надо отметить, что государство, признавая за добровольчеством право на существование, трактует подобную работу как «добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [1]. В данном определении добровольческая деятельность предстает как чрезвычайно многоплановое и многоаспектное явление. Действительно, можно выделить различные как традиционные, так и инновационные формы добровольческой активности. К первым можно отнести проявление милосердия, подаяние, пожертвование, волонтерство. Вторая группа – активности появляется сравнительно недавно и связана с развитием общества, экономики и культуры в целом: эндаумент, фандрайзинг, спонсоринг, венчурная благотворительность и социальное служение [2].

Относительно новым явлением является также интернет-благотворительность. Конечно, данное явление связано с развитием виртуальной среды как сферы коммуникативных практик и реализуется, в основном через социальные площадки. Это связано с тем, что «социальная платформа предоставляет возможности коммуникации, поиска нового социального окружения» [3, С.311]. Практически в каждом крупном городе страны существуют группы в социальных сетях, например, «ВКонтакте», размещающие информацию о волонтерских акциях, просьбах о помощи на территории города. Примером может служить страничка <https://vk.com/volonterrulit>, создатели которой организуют подобную деятельность на территории города Ставрополя. Социальные сети являются более динамичными площадками для организации подобной деятельности, по сравнению с подобными, но созданными на базе официальных структур сайтов. Так, сайт <http://vol.kdm26.ru/> созданный при Министерстве образования и социальной политики Ставропольского края и посвященный волонтерскому движению, обновлялся в последний раз 14.02.2014 года, что свидетельствует о негибкости официальных структур в данном направлении. Представляется, что с развитием интернет-технологий именно социальные площадки добровольчества станут все более распространёнными. Кроме того, сами электронные площадки зачастую являются способами организации волонтерских и иных подобных действий.

Законодательство Российской Федерации вводит всего три категории участников благотворительной деятельности: благотворители, добровольцы и благополучатели. При этом добровольцы никак не разделяются, хотя на практике именно данная группа является самой эклектичной и распространённой. Нам представляется, что наиболее полной будет классификация волонтеров по видам осуществляемой деятельности. Поэтому, проанализировав направления волонтерской активности, создадим следующую классификацию, в основании

которой лежит сфера приложения сил волонтеров. Во-первых, работа, связанная с восстановлением объектов материальной культуры, строительством, благоустройством территории населенных пунктов, охраной окружающей среды. Во-вторых, работа в сфере образования и культуры, с детьми, инвалидами и престарелым. В-третьих, работа с животными, как дикими, так и одомашненными. В-четвертых, разнообразная помощь в период проведения массовых мероприятий – спортивных, культурно-развлекательных и других.

Данные направления достаточно объемные, и каждое из них может быть типологизировано, что только подчеркивает разнообразие волонтерской деятельности. Это же вызывает исследовательский интерес, поскольку исследование любого сложного социального явления, появившегося относительно недавно в практике общественных взаимоотношений, является актуальным и своевременным. Особенно актуальна эта задача в условиях, когда социальные системы вступают «в период коренной трансформации, которая затрагивает не только институциональные формы социума, но в не меньшей степени повседневную жизнь» [4, С. 149]. Как нам представляется, исследование волонтерских структур и волонтерской деятельности в качестве элемента современного гражданского общества должно осуществляться в совокупности приемов и методов социологии, с применением междисциплинарных подходов современной социально-гуманитарной науки в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».
2. Пешкова. Н.Н. Традиционные и инновационные формы благотворительности в России // Омский научный вестник, 2011, № 101. С. 43-46.
3. Лежебоков А.А. Игровые коммуникации в социальных медиа //Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 311-314.
4. Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Теории общества потребления в современной философии //Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 149-153.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ

Беликова Л.Ф.

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г.Екатеринбург

Начавшийся в условиях развития института частного предпринимательства устойчивый рост малых производственно-ремесленных форм вызвал потребность в адекватной системе подготовки кадров, что повлекло за собой возрождение ремесленного образования в России.

Сегодня ремесленными предприятиями называют малые предприятия (в том числе индивидуальных предпринимателей), которые обеспечивают население товарами или услугами индивидуального спроса; характеризующиеся небольшими размерами, территориальной близостью к потребителю, малосерийным выпуском продукции, большой долей ручных операций, высоким качеством выполняемой работы. Такие предприятия имеются в различных отраслях: строительстве, металлообработке, деревообработке, кожгалантерейном, текстильном производстве, бытовом обслуживании, народных промыслах и т.д. Особенностью деятельности ремесленника-предпринимателя является то, что он объединяет в одном лице собственника, менеджера и работника, выполняя таким образом, производственные а также организационные и управленческие функции. С учетом прогнозов специалистов на основе возрастания спроса на труд данных специалистов в последние десятилетия, следует ожидать ренессанса ремесленничества и формирования новой, "ремесленной" экономики, в которой малые предприятия будут более гибкими и динамичными, научатся сотрудничать и конкурировать с крупными производствами. Ввиду таких весьма существенных особенностей профессиональной деятельности, ремесленнику требуется и особое образование, отличающееся по структуре, содержанию и методам обучения от существующего профессионального образования рабочих.

В этих условиях становление ремесленного образования, формирование его теоретической и методологической базы является весьма актуальной проблемой и приоритетной практической задачей, решение которой имеет важное социально-экономическое и хозяйственное значение. С целью разработки и апробации программ подготовки специалистов по ремесленным профессиям более пятнадцати лет назад в Свердловской области была реализована экспериментальная работа в рамках двух международных германо-российских

проектов, конечная цель которых заключалась в создании модели образовательной системы профессиональной подготовки специалистов ремесленного профиля для малого и среднего предпринимательства строительной отрасли и мультипликации этой модели в другие образовательные учреждения Свердловской области³⁰.

Сложившаяся в настоящее время ситуация в сфере ремесленничества, ремесленного образования порождает следующие проблемы, требующие научного осмысления и решения: сложность научного описания; наличие препятствий для создания современной нормативно-правовой базы, регулирующей ремесленный сектор экономики; неопределенность социального

статуса ремесленников, непреодоленные пока в обществе стереотипы непристижности статуса ремесленника, восприятия ремесленников как непрофессионалов; отсутствие в Общероссийском классификаторе профессий рабочих должностей служащих и специалистов группы ремесленных профессий, разработанных и утвержденных профессиональных стандартов на ремесленные профессии; отсутствие утвержденных государством образовательных программ подготовки ремесленников-предпринимателей; недостаточной пока востребованности на рынке труда современного специалиста ремесленного труда, владеющего к тому же знаниями, навыками организации предпринимательской деятельности.

Все это требует поиска новых исследовательских междисциплинарных подходов. Особый социологический интерес вызывают вопросы социально – профессиональной адаптации (производственной, социально– психологической, организационной и психофизиологической) выпускников ремесленных специальностей, как составляющей более широкого процесса их социализации.

Современная практика производственных и образовательных отношений показывает не только неспособность выпускников эффективно приспосабливаться к высоким темпам изменчивости труда в условиях трансформации общества, но и осознать сущность и глубину указанных преобразований. Отсутствие природных механизмов приспособления к очень высоким темпам изменчивости в труде усугубляется недостаточным развитием таковых в образовательном процессе; а также отсутствием механизмов, обеспечивающих взаимосвязь рынка труда и рынка образовательных услуг.

Социологический подход к подобным исследованиям предполагает реализацию экономико-социологического, институционального, деятельностного, социоструктурного, социокультурного видов анализа. Причем наряду с традиционными подходами в социологии образования, социологии профессии, социологии управления важны новые идеи, формирующиеся на стыках различных отраслей знания. При этом востребован не только анализ, но и социологическая диагностика, а также взаимосвязанное прогностическое проектирование развития и решения этих проблем на социетальном, региональном уровнях, на уровне образовательного учреждения.

Ряд предпринятых в последние годы кафедрой социологии Российского государственного профессионально-педагогического университета исследовательских проектов (проанализированных в предыдущих публикациях автора) можно рассматривать как апробацию востребованных подходов к изучению институционализованного канала подготовки ремесленников через систему профессионального образования. В рамках комплексного подхода определены основы теоретико - методологического обоснования особенностей, ценностных оснований и культурных предпосылок возрождения ремесленничества; основы социологического изучения потребностей учащейся молодежи в ремесленном образовании, а также апробирована технология социологической диагностики и проектирования проблем адаптации первых групп выпускников; проблем диссонанса ожиданий выпускников ремесленных специальностей и работодателей.

Так, с целью анализа тенденций, конкретизации существующих многоуровневых проблем профессиональной адаптации выпускников-ремесленников Уральского колледжа технологий и предпринимательства было предпринято сравнительное исследование двух разновременных массивов данных (очного и онлайн - опросов выпускников, проведенных в 2010 г. и в 2015 г.)³¹. С учетом ограниченной доступности объекта исследования - выпускников учебного заведения разных лет обучения, находящихся вне сферы институционального контроля - была выбрана неслучайная выборка респондентов методом доступного

³⁰ Основными участниками данных проектов стали Фонд Эберхарда Шёка, Министерство общего профессионального образования Свердловской области и Российский государственный профессионально-педагогический университет. Главной федеральной образовательной площадкой по реализации проектов стал Уральский колледж технологий и предпринимательства, выпустивший за это время более 800 специалистов ремесленного профиля. В ходе экспериментальной работы были выработаны положения, отражающие наиболее важные особенности процесса обучения по ремесленным профессиям, базирующегося на качественно иных образовательных технологиях, педагогических принципах дуального обучения: максимальная интеграция образовательных программ начального и среднего профессионального ремесленного образования через преемственность целей, задач, содержания, методов и организационных форм обучения; качественное практическое обучение на учебных моделях и реальных производственных объектах; обучение управленческой, предпринимательской деятельности и предпринимательскому мышлению в ходе получения среднего профессионального образования; органичное соединение европейского и отечественного опыта профессионального обучения.

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, проект № 15-16-66005.

случая. Несмотря на то, что данное исследование – зондажное, а анализ полученных результатов носит описательный характер, материалы его имеют определенную научную и прикладную значимость. Вместе с тем, в рамках продолжения изучения данной проблематики этот опыт подтверждает необходимость преимущественного использования качественных методов, а также технологии диагностико- проективного исследования.

Предпринятый социологический анализ позволил сделать вывод о том, что абсолютное большинство (93%) опрошенных выпускников, независимо от года окончания колледжа, довольны качеством образования. Причем таковых на 11 % больше, чем в 2010 г. Подтверждением тому – оценки выпускников уровня сформированных компетенций: большинству из них пригодились как основные профессиональные, так и дополнительные профессиональные компетенции, направленные на организацию предпринимательской деятельности: умение разработать бизнес план (56%), умение анализировать потребности и спрос потребителей (58%), умение оценивать риски предпринимательской деятельности, проводить мероприятия по их снижению (59%). Квалификации ремесленников – предпринимателей помогают им взаимодействовать в профессиональном сообществе и в обществе, в принципе выгодно отличают их от строителей - неремесленников, имеющих узкоспециализированную подготовку. Выпускники-ремесленники сегодня оценивают престиж своей специальности в обществе выше, чем в 2010 г.

Увеличилось число выпускников-ремесленников, трудоустраивающихся по специальности (по ответам опрошенных: 58% в 2010 г. и 69 % в 2015 г.). Востребованность выпускников колледжа у работодателей высока: практически все выпускники имеют предложения по трудоустройству еще до защиты дипломной работы, а независимая оценка работодателями качества подготовки по ремесленным профессиям подтвердила ее высокий уровень. Однако, как показывает практика, работодатель с удовольствием берет на работу выпускников колледжа в первую очередь потому, что они имеют подготовку, прежде всего по строительной, а не по ремесленной специальности. В таких случаях выпускники попадают в ситуацию невостребованности полученной в колледже высокой квалификации ремесленника, когда важный аспект полученного образования и специальности теряет свою функциональность подвергаются серьезной опасности постепенной потери своей квалификации из – за неадекватного содержания труда.

Сравнительный анализ оценок выпускников проблем организационной адаптации подтвердил выявленную тенденцию: наиболее актуальными остаются проблемы, связанные не столько с процессом организации производственной деятельности, сколько с условиями вознаграждения за труд (заниженные тарифы, расценки, несоответствие размера заработной платы уровню выполняемой работы, завышенные требования руководителей производства). В процессе социально-психологической адаптации, освоения системы взаимоотношений на предприятии прослеживается тенденция увеличения недовольных молодых специалистов (24% в 2010 г. и 36% в 2015 г.) тем, что руководство к ним не всегда внимательно, редко справляется о положении дел, о нуждах и т.д.

Примечательны тенденции в оценках проблем производственной адаптации: сокращение доли тех, кто неудовлетворен отсутствием возможностей карьерного роста, повышения квалификации; и увеличение доли тех, кому недостает полученных необходимых профессионально-важных качеств (с 11% до 26%); современных технологий и умения применять их на практике (с 26% до 30%). Подтверждением тому - увеличение доли ориентированных на получение высшего образования, а также на профессиональное образование по новым специальностям, не связанным со специальностями, полученными в колледже.

Причинами всех перечисленных проблем социально-профессиональной адаптации, как показывают результаты исследования, являются не столько отсутствие умений, навыков или профессионально важных качеств у выпускников, сколько те условия, которые предоставляются работодателями; прежде всего условия труда и содержания работы.

В силу неопределенности методологической, организационной ситуации в системе ремесленного образования, обезличенного, коллективного характера обучения в ремесленных образовательных учреждениях, будущие специалисты не способны пока в полной мере осуществлять свою профессиональную деятельность в социальной роли ремесленника - предпринимателя. Нельзя не учитывать и того, что специфика данного этапа социализации выпускников ремесленных специальностей может быть обоснована своеобразием бифуркационной траектории развития нашего современного общества. В такой бифуркационной среде, где господствуют разрывные, непредвиденные, хаотические, разноплановые, нелинейные процессы, адаптивная нагрузка на молодежь может быть экстремальной, и даже превышать адаптивный порог. Причем адаптация в этих условиях должна происходить применительно к новой системе социальных, так называемых, динамических норм, социальных ценностей, которые либо попросту отсутствуют, либо еще не институционализированы. По сути дела, возникает своего рода «адаптивный вакуум», в определенной степени способствующий различным отклонениям в социализации, которые проявляются в виде преждевременного или запаздывающего освоения молодыми

специалистами социальных норм, обретения ими социальных ролей. При этом нравственная перестройка личности, ее внутреннее духовное обогащение идет намного медленнее, чем приобретение профессиональных навыков.

Насколько адекватно ориентируются на рынке труда в условиях бифуркации выпускники таких учебных заведений? Какие существуют различия в сроках, путях и способах их профессионального становления? Для представителей каких групп вероятность адаптивной неудачи, адаптивные риски в таких условиях для более реальны? Какие социально- профессиональные траектории они выбирают? - эти и другие острые вопросы требуют дальнейшего теоретического и практического разрешения.

Предметное поле социологического анализа этих проблем на основе междисциплинарного комплексного подхода включает также изучение вопросов, связанных с анализом рынка образовательных услуг для будущих ремесленников; анализом спроса на выпускников учреждения профессионального ремесленного образования; с оценкой способности выпускников к активной социально - инновационной деятельности; с оценкой уровня социально-профессиональной адаптивности выпускников.

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА

Ракутина Н.М.

Волгоградский государственный университет, г.Волгоград

Мы легко отказываемся от своего прошлого, переписываем историю, исходя из идеологических и политических предпочтений, сносим исторические сооружения и памятники, уничтожаем все, что нам кажется не современным или не модным, забывая и не думая о том, что в памяти прошлого, в памятниках и зданиях, связующее звено поколений - частички жизни, профессиональный труд наших предков, наших родителей. Предлагая альтернативные пути экономической и хозяйственной трансформации, модели и технологии их реализации в Российской Федерации и, в частности, в Волгоградском регионе в XXI веке, следует сформировать и оценить социальный портрет тех людей, которые в эпоху преобразований в советском обществе в 60-е годы XX века, сыграли наиболее активную роль в региональном развитии.

Шестидесятые годы XX столетия в Советском Союзе остались в истории как время формирования гражданского самосознания, реабилитации ценности человеческой жизни, лежащих в основе взаимоотношений порядочности, уважения к человеку, к свободе. Это были годы, разрешившие многолетние мировоззренческие противоречия между ленинской и сталинской идеологией, между патриотизмом «по-советски» и любовью к Родине «по-настоящему». Последовавшая за XX съездом КПСС в 1956 году либерализация общественной жизни, известная как эпоха «оттепели», стала контекстом активной творческой деятельности наиболее прогрессивной части советского общества. Так называемые «шестидесятники» - как субкультура советской интеллигенции, захватившая поколение родившихся примерно между 1925 - 1940 г.г., сформировали свои взгляды на окружающий их мир в годы сталинских репрессий, Великой отечественной войны и последующих лет восстановления народного хозяйства СССР, либерализации государственного и общественного устройства. Период «оттепели» пришелся на их наиболее активные молодые годы жизни, и в это же время в СССР было время демократических преобразований. Социальные идеи равенства в обществе конца 50-х начала 60-х г.г., вырабатывали общественное сознание, формирующее определенные этические взаимоотношения между людьми, которые были привлекательны как на государственном, так и на личностном уровне.

Один из поэтов того времени Юрий Галансков наиболее выразительно охарактеризовал эпоху начала 60-х годов XX века Советского Союза в «Человеческом манифесте» (1960) [1]:

«Это – я,
Призывающий к правде и бунту,
Не желающий больше служить,
Рву ваши черные пути,
Сотканные из лжи!»

Когда говорят о шестидесятниках, обычно имеют в виду людей искусства - писателей, поэтов, режиссеров, художников, в какой-то мере журналистов, философов, реже политиков. Культовыми фигурами в культуре и политике были Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Александр Галич, Владимир Высоцкий, Эвальд Ильенков, Мераб Мамардашвили, Александр Зиновьев, Эрнест Хэмингуэй, Эрнесто Че Гевара, Фидель Кастро и многие другие.

Но были и другие шестидесятники, о них знают и пишут значительно меньше. Так называемый «поколенческий пласт» первой советской интеллигенции, большинство из которых вышло из среды крестьянства и рабочего класса через образование к саморазвитию и самореализации. Думающая, мыслящая, делающая, старающаяся провинциальная интеллигенция – прослойка общества, поднимающая и развивающая регионы, провинцию как основу стабильности государственного устройства. Талантливые, творчески и профессионально востребованные молодые люди, их основной целью было сделать лучше свою Родину и общество. Они не были ярко выраженными оппозиционерами или диссидентами к существовавшему тогда государственному строю. Это были советские люди, родившиеся, воспитывающиеся и жившие при Советской власти в рамках коммунистической идеологии, но их отличительными качествами являлись профессиональный интерес и преданность делу, которым они занимаются, любовь к земле и стране, в которой они живут. Проявление творческого потенциала в профессиях, возможность реализовывать себя, энтузиазм с которым они относились к своему делу, дает возможность отнести их, к так называемому, «креативному классу» советского общества.

В то время я росла в среде таких людей. Не знаю, говорят ли их фамилии что-либо современному поколению в Волгоградском регионе, но для меня именно они были и до сих пор остаются наиболее яркими выразителями духа и смысла поколения шестидесятников – Шабунины, Гайдуковы, Мезенцевы, Магомедовы, Ракутины, Тупиковы, Ковыряловы, Бердниковы, Куценко, Коробейниковы и многие другие замечательные люди нашей области, оставившие по себе память в сердцах тех, с кем им пришлось жить, учиться и работать. Всё же они были поколением начавшейся «оттепели», а не периода «застоя» и окончательного крушения советской системы. Тогда было много талантливых и порядочных людей во всех сферах общественной и хозяйственной жизни и те, о ком идет речь являлись цветом, точнее, элитой той России, с присущей им индивидуальностью, они были, выражаясь современным языком - лидерами регионального и корпоративного уровня.

«Лучшие люди» обнаруживаются повсеместно, во всех областях человеческой практики, хотя и не везде принят критерий «элитарности». Классическим объектом изучения элитологии является политическая элита, часто говорят об экономической, научной, военной элите, об элитарном образовании, искусстве и т. д. Но нет необходимости обращаться ко всем элитным группам. Достаточно включить в галерею социальных ликов три элитных образа: экономическую элиту, политическую элиту и интеллектуально-этическую элиту [3]. Для этих людей приоритетными ценностями были бескорыстный альтруизм, забота об общественном благополучии, самосознание, достоинство, благоговение перед культурой, наукой и образованием. Врачи и учителя, преподаватели высшей школы и научные работники, инженеры, юристы и журналисты, агрономы и экономисты, представляющие обширный слой советской интеллигенции, способные отсеивать здравый смысл от идеологических «измов» - они были социальной элитой общества, носителями новых идей, переосмысливали недалёковидные, а иногда просто уничтожающие перспективные направления деятельности в региональном развитии, постановления и приказы из центра власти.

Что было их целью? Как они работали? Понимали ли общие проблемы развития страны и Волгоградского региона? Сложно сейчас ответить на эти вопросы, но можно с уверенностью сказать, что их отличала широта взглядов и глубина мысли, уважение к близкому и далекому человеку, к профессии, к делу, которому они служили всю свою жизнь. Все то, что смело можно отнести к категории патриотизм, любви к своей земле, к своей Родине. Даже в рамках так называемого «железного занавеса», они привносили свежую струю нового, интересного, творческого в окружающий их мир.

Тот период 60-х годов XX столетия в Советском Союзе были годами реформирования национального хозяйства, отмеченные в экономической истории внедрением организационных и экономических методов управления, расширением хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений и организаций, широким использованием приёмов материального стимулирования во всех областях хозяйственной жизни. Необходимость более полно использовать интенсивные факторы экономического роста для достижения повышения производительности труда через улучшение его культуры, управления и организации, эффективного использования имеющихся ресурсов, вовлекало молодое поколение в активную деятельность по преобразованию экономической и хозяйственной жизни Волгоградского региона.

Чтобы лучше понять о чем думалось и мечталось молодым шестидесятникам в 1960-е годы на этапе своего духовного и профессионального формирования, можно обратиться к анкетному опросу, проведенному в начале 1961 г. Институтом общественного мнения при газете «Комсомольская правда», который возглавлял молодой социолог Б.А. Грушин, на тему «Что Вы думаете о своем поколении?».

Более 95% опрошенных заявили, что имеют определенную жизненную цель. На вопрос «В чем состоит цель Вашей жизни?» было получено следующее распределение ответов:

служить народу, приносить пользу Родине – 33,5%;

стать первоклассным специалистом, в совершенстве овладеть профессией – 33,2%;

стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком – 15,6;

стать деятелем литературы и искусства – 5,9;

создать хорошую семью, воспитать достойных детей – 4,2;

совершить открытие, сделать что-либо выдающееся – 2,6;

выгодно вступить в брак – 2,3;

стать знаменитым спортсменом – 1,3;

иметь много денег, проводить жизнь в развлечениях и удовольствиях – 0,1,

т. е. один человек на 1000 опрошенных.

На вопрос «Что Вы должны сделать для достижения своей цели?» были получены ответы:

продолжать образование – 63,4;

упорно, творчески трудиться – 29,0;

совершенствовать свои личные качества – 21,6;

копить деньги – 0,4.

Целеустремленность, гражданская и идеологическая выдержанность, энтузиазм и чувство патриотизма сочетались с высокой самооценкой молодежи того времени.

Яркими представителями поколения «шестидесятников» в Волгоградском регионе были чета Шабуниных – Иван Петрович и Иветта Михайловна. Высокообразованные, с разносторонними интересами, увлеченные и способные увлекать других – они всегда выделялись своими лидерскими качествами, эрудицией, жизнелюбием, человеческим обаянием, способностью оказывать влияние на каждого, кто оказывался рядом с ними. Не удивительно, что Иван Петрович впоследствии стал известным государственным деятелем, первым Губернатором Волгоградской области, Иветта Михайловна профессором, доктором экономических наук, основателем направления научной экологической школы.

Он – крестьянский сын из Новоаннинского района Волгоградской области, она – дочь Новочеркасской казачки из Ростовской области и потомка армянина княжеского рода из Тбилиси. Семью Шабуниных и моих родителей объединяли не только профессиональные интересы – агропромышленное производство и научно-преподавательская деятельность, но и общий круг друзей, сложившийся не столько по профессии, сколько именно по качеству мировосприятия и образу мышления, которое характеризует советское молодое поколение 60-х годов, так называемые «физики-лирики». Впоследствии Иветта Михайловна говорила, что это было время «государственных людей» – молодые люди с разнообразными интересами, увлеченные не только своей работой, но и общественной деятельностью, желающие и умеющие весело и интересно проводить свободное время. В то время они не занимали высоких должностей в иерархии хозяйственной и государственной жизни, а государственными людьми они были по свойственному им мышлению, по тому, что личные интересы особенно не расходились с понятием польза для города, региона, страны. С годами, свойственная им целеустремленность, стремление со знанием дела принести пользу обществу, превратила их в управленцев и организаторов региональных предприятий – директоров, главных специалистов, известных журналистов и врачей, доцентов и профессоров, а также дипломатов, руководителей регионов и крупных отраслевых ведомств и т.д. и т.п.

Чета Шабуниных уже тогда обладали личностными качествами в дальнейшем реализовавшимися в профессиональной деятельности. У Ивана Петровича была феноменальная память, он наизусть читал рассказы А.П.Чехова и М.Зощенко, достаточно артистично представляя персонажи. Иветта Михайловна, со свойственной ей природной иронией, сочиняла стихи и дружеские эпиграммы, и как говорят ее однокурсники, этот талант у нее проявился со студенческой скамьи. Соколов А.В. отмечает, что ирония шестидесятников является скорее юмористической интеллигентской иронией, зачастую добродушной, но не лишенной скрытой насмешки против «педантов, честолюбцев, гордецов». Не зря символами «иронического шестидесятничества» служат Аркадий Райкин и жизнерадостный «Клуб веселых и находчивых», придуманный остроумными студентами 1960-х годов [3]. Иветте Михайловне была присуща именно такая ирония – не обидеть, не отстегать, а живо и умно пошутить, отмечая самые интересные и сложные стороны жизни и человеческой личности.

Запомнились родители Иветты Михайловны. Тогда я не знала, что ее отец провел много лет в лагерях как политзаключенный, но по его внешнему виду, манере общаться, тактичному, внимательному и доброжелательному отношению к людям, передававшемуся по наследству дочери, конечно же, об этом догадаться было нельзя. Наиболее полно эти черты проявились в конце жизни Иветты Михайловны – уставшая от серьезной болезни и жизненных невзгод, но несмотря ни на что, оставшаяся удивительно гостеприимной и радушной, она продолжала создавать вокруг себя атмосферу теплоты и доброжелательности и находила в себе силы поддерживать людей.

О семье Шабуниных, их жизненном пути и профессиональной деятельности, их роли в городе Волгограде и Волгоградской области еще при жизни было сказано много достойных слов, написано интересных статей и снято фильмов. В силу их личностных и профессиональных качеств они со временем останутся в памяти одними из ярких представителей региональной элиты второй половины XX века.

В настоящее время позиции Волгоградской области как национального центра патриотизма современной России во многом определены многогранной деятельностью по выявлению, изучению и охране памятников истории и культуры [2]. Но все-таки, не стоит отбрасывать наиболее существенное в формировании современного российского патриотизма и самосознания, а именно роль поколения и их представителей, которые во всех областях жизнедеятельности показали, что значит быть истинным патриотом, создающим эту самую российскую историю и культуру и играющим в ней наиболее активную роль. «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть», - гениальные строки А.А. Ахматовой. Может быть, вдумываясь в смысл этих строк, следует не только прославлять живущих, но и начать выявлять, изучать и охранять память о тех, кто участвовал в строительстве этой ИСТОРИИ, в нашем случае, истории Волгоградского региона.

Таким образом, оценивая роль представителей поколения «шестидесятников», выбирая наиболее существенные черты их социального портрета, хотелось бы напомнить, что мы имеем тот окружающий мир, ту социальную среду, которую осознанно и ответственно формируем и выстраиваем сами через свое отношение к профессии, делу, к земле и стране, в которой мы живем.

Список литературы

1. Площадь Маяковского: 1958-1965. - Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/diss/books/mayak/part3-08.htm> - Загл. с экрана.
2. Рекламно-информационная и маркетинговая деятельность. - Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://givc.ru/projects/passportculturalregions/218/item3888/> - Загл. с экрана.
3. Соколов А.В. Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. 2007. Т. 16. № 3. С. 74-111.

СЕКЦИЯ №17.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Винник И.В., Корженко О.М.

Белгородский государственный институт искусств и культуры, г.Белгород

В наше время существует огромное множество молодежных неформальных движений, субкультур. Почему и для чего они возникают? По каким причинам часть молодежи и подростков примыкает к ним? Именно эти вопросы, а также – их актуальность и побудили нас к данному исследованию.

Прежде всего, уточним, что же следует понимать под словом «субкультура». Как правило, так называют часть целостной культуры общества, отличающуюся от основной (доминирующей в данное время и в данном месте) культуры своей системой ценностей, установок, способами поведения и жизненным стилем, часто - языком, одеждой, ритуалами и некоторыми другими аспектами. Это – некая социальная общность, группа, которая в большей или меньшей степени обособлена - как пространственно, так и социально – от социума в целом. В то же время надо подчеркнуть тот факт, что хотя субкультура и обособляется от господствующей культуры, но, одновременно, связана с ней, более того – ею во многом и порождается (какое время, такие и субкультуры). Также следует сказать, что субкультуры принято различать по тем основам, на которых они формируются: например, национальная, демографическая, профессиональная, основа и так далее.

Представителей различных субкультур часто называют «неформалами». В этом понятии подчеркивается отличие данных людей от общей социальной массы, их яркость, необычность, незаурядность. За

принадлежностью к сообществу неформалов, за принадлежностью к той или иной субкультуре, как правило, стоит психологическая подоплека: стремление к самовыражению, демонстрации своей индивидуальности, внутреннего мира, а также – некий вызов повседневной рутинности, однообразию, серости. Кроме того, представители субкультур часто стремятся за счет ухода в «неформальный» мир решить ряд социальных противоречий, назревших в данное время.

Продemonстрируем сказанное выше некоторыми примерами.

Одной из первых музыкально-молодёжных субкультур современности, которая на сегодня имеет многолетние традиции, являются хиппи - молодежное движение пацифистов и поклонников рок-музыки. Эта организация (а хиппи объединяются в Систему) отличается своими устоявшимися правилами поведения и собственной философией (которая, кстати, довольно значительно повлияла на взгляды и жизненный выбор молодого поколения 1960-80-х годов).

Основная идея хиппи: человек непременно должен быть свободен, и прежде всего это – внутренняя свобода и независимость от социальных условностей. Развивая данную идею, они утверждают и свободу в любви (по их мысли, такая свобода служит задаче объединения людей всего мира). Также хиппи проповедуют ненасилие и пацифизм (в частности, выступают против службы в армии). Им присущи романтизм, вера в некую высшую реальность (утверждается, что приобщиться к ней возможно через изменение своего сознания с помощью искусства), большой интерес к творческой деятельности и различным религиям и философским системам (в частности – восточным), ко всему креативному, яркому и оригинальному. Стремление к свободе и естественности выражается, в частности, в бытовой неприязательности хиппи, их умении переносить невзгоды и необустроенность жизни, в желании не изменять того, что происходит естественным образом (отсюда – и отказ стричь волосы), во многом фактически бездействовать.

Во многом движение хиппи можно рассматривать как ответ на социальные и политические проблемы породившего их времени: гонку вооружений и военные конфликты (не даром их наиболее известный лозунг звучит так: «Занимайтесь любовью, а не войной!»), засилье идеологии (особенно – в СССР), пуританскую мораль.

Надо отметить, что многое из мировоззрения и имиджа хиппи (в частности, мода на длинные волосы) перешло в другие субкультуры.

Еще одна оригинальная субкультура появилась в 1970-е годы. Ее вдохновляющей силой стала музыка в стиле металл, а потому и сама субкультура получила название «металлисты». Она довольно широко распространилась в странах Северной Европы, в США, в тогдашнем СССР и т.д. Основным отличием данной субкультуры является то, что она не имеет оригинальной и вообще четко выраженной идеологии, а сосредоточена вокруг музыки в стиле «тяжелый металл».

Если все-таки говорить о взглядах металлистов, то надо отметить здесь культ независимости, внутренней силы и уверенности в себе; идеалом является сильная личность. Можно сделать вывод о том, что и в обществе того времени данный идеал постепенно становится все более популярным. Кроме того, субкультура металлистов во многом является формой молодёжного протеста, попыткой выхода из серой, будничной реальности, попыткой раскрепощения и применения интеллектуальных и творческих сил (недаром в ряде научных исследований утверждается, что интеллектуальный и творческий уровень металлистов, как правило, довольно высок).

Надо упомянуть здесь и психотерапевтический аспект данной субкультуры. Психологи выяснили, что тяжёлая агрессивная музыка, которую слушают металлисты, во многом помогает им не копить в себе, а выплескивать негативные эмоции, избавляться от агрессии и депрессивного настроения. Иначе говоря, металлисты нашли для себя средство от стрессов, которыми буквально переполнена жизнь современного человека.

Наконец, техногенную цивилизацию также можно назвать одной из основ возникновения данной субкультуры. Дело в том, что одежда и аксессуары металлистов во многом пересекаются с байкерскими. Так, и у байкеров, и у металлистов основным атрибутом стиля является кожаная куртка-косуха. В костюме металлистов входят и краги - мотоциклетные кожаные перчатки без пальцев. Кожаные браслеты-напульсники с шипами и заклёпками, такие же проклёпанные ремни, цепи – все это также является частью атрибутики металлистов. Хотя металлисты и байкеры – это различные субкультуры, но, в то же время, многие байкеры являются металлистами и наоборот.

В конце 1960-х-начале 1970-х годов в таких странах, как Великобритания, Канада, Австралия возникла молодёжная субкультура, называемая панки (в переводе – «дрянной», «нехороший»). Она тоже явилась порождением социальных и политических проблем общества, а ее характерными особенностями являются критическое отношение к обществу и политике. У панков часто наблюдается ярко выраженная аполитичность, или политический негативизм; один из их девизов - идеализированная анархия.

В идеологии данной субкультуры отмечаются: стремление к свободе и полной независимости личности (крайняя степень индивидуализма), нонконформизм, противостояние авторитарности, милитаризму, национализму, капитализму и т.д. Основные принципы панков таковы: «полагаться только на самого себя» «не продаваться», «действуй напрямик».

Это движение тесно связано с таким музыкальным направлением, как панк-рок, во многом придерживается эпатажного стиля (окраска волос в неестественно яркие цвета, причёска «ирокез», татуировки, рваные джинсы, изображения черепов на одежде). Таким образом, эту субкультуру во многом можно рассматривать как ответ на вызовы агрессивного и тоталитарного общества.

Таким образом, рассмотрев отдельные примеры субкультур и их идеологии, мы можем говорить о том, что именно молодежь является наиболее чуткой и восприимчивой к тенденциям и противоречиям общественного развития социальной группой. В связи с этим она раньше любых других групп откликается на все то новое, что возникает в социальной, политической и культурной жизни, в сфере досуга, философии, музыки и т.д. – независимо от того, позитивными или же негативными будут эти новшества.

Кроме того, молодежь не может довольствоваться уже давно существующими и общепринятыми идеями, нормами, развлечениями. Она ощущает потребность в творчестве, изменениях, личностном самопознании и самоутверждении. Следовательно, молодое поколение изобретает нечто свое, нередко – идущее вразрез с общепринятым, устоявшимся, то есть выходит за рамки обычного.

Находя себе подобных, молодые люди стремятся к объединению в самые разные, отвечающие их интересам и потребностям группы, движения, формируя в них коллективное сознание и общие понятия о социально-культурных ценностях. В итоге данных процессов и появляются молодежные субкультуры.

Входя в ту или иную субкультуру, человек как бы становится с ней единым целым: принимает ее мировоззрение, ценности, порядки, законы и прочее. В результате он и сам во многом меняется. Хотя часто встречаются и такие ситуации, когда принадлежность к субкультуре – лишь поверхностная: привлекают только внешние проявления субкультуры. В этом случае человек может часто менять свою принадлежность к тем или иным субкультурам, не вникая особенно в их духовную суть.

Все это еще не составляет особой проблемы. Последняя возникает, если неокрепшая личность входит в одну из субкультур, которые являются опасными даже для взрослых. Опасности, как известно, могут быть разными. Часть субкультур связана с наркотиками, часть проповедует культ смерти, националистические и расистские идеи и т.д., особенно опасны криминальные субкультуры. В то же время обидно и несправедливо, если у части людей по недостатку знания о конкретных субкультурах ко всем ним формируется резко отрицательное отношение. Возможно, здесь играет свою негативную роль и обычный страх перед чем-то непонятным и необычным. Выход один: как можно лучше информировать общество о существующих в мире субкультурах и их сущности. Именно это во многом может предупредить попадание подростков и молодых людей в деструктивные группы – с одной стороны, а с другой – может дать истинное представление о многообразии, самобытности и актуальности субкультур в целом.

ТЕХНОЛОГИЯ КАРТИРОВАНИЯ В КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Никифорова С.В.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г.Якутск

Советский опыт культурного строительства в регионах составлял культуру промышленных городов, традиционную народную культуру (подразумевалась культура деревни) и художественную культуру (как правило, элитарные формы), но сегодня он несправедливо забыт и огульно порицается. В культурной практике того времени имели широкое хождение репертуарные сборники для работников клубов, сборники календарных дат для библиотекарей и прочее. В подобного плана методических пособиях, выполненных профессионалами, реализовывалась необходимая функция тиражирования, стереотипизации и актуализации эффективного опыта работы в области прикладной культуры.

Пять лет назад, в пору активной деятельности Института культурной политики В.Ю. Дукельский отметил: «она (речь о прикладной культуре) работает на социальный климат, на атмосферу в обществе, на построение особых отношений в локальном сообществе, влияет на его самооценку. В конечном счете, это культура, интегрированная в общество или имеющая подобную интеграцию в качестве ближайшей перспективы. Перечень социальных проблем, решению которых может содействовать культура, достаточно велик – от обеспечения

занятности до преодоления изоляции и формирования локальной идентичности. Теперь о внутренних барьерах, которые для работников культуры не менее значимы и уж точно более заметны, чем внешние границы. Если клубник возможно еще прислушается к разговору о театре, то музейщик и библиотекарь скорее всего пропустят его мимо ушей. Все трепетно блюдут свои профессиональные межи и порой готовы стоять на них насмерть, боясь утратить пресловутую специфику» [2]. Предельно четко и достаточно образно выделены сильные и слабые стороны сложившейся ситуации в прикладной культуре.

Первоочередная задача в области культурного строительства сегодня - проанализировать особенности социокультурной системы региона в изменившихся условиях жизни. Разработка социокультурных практик предполагает необходимость ревизии наличного арсенала культурной политики. Такой анализ необходим в целях создания современной научно обоснованной базы для разработки проектов и моделей модернизации культуры региона, с учетом особенностей реального функционирования в рамках своего культурного поля. Современная национальная культура региона представляет сложный синтез черт локальной национальной специфики с общероссийскими и общемировыми. По сути, это культура массового человека, легко внушаемого, падкого на сенсации, но одновременно с более высоким, чем в прежние времена, уровнем образования, достатка и свободного времени. Мы все живем в реалиях массовой культуры и являемся ее производными. Прошли времена, когда о «массовой культуре» судили в оценочных категориях и, как правило, только в отрицательных или пренебрежительных. Продуктивным признается подход Д. Белла, согласно которому «массовая культура - это организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания» [1, с. 96]. Она выступает как связующее звено между постиндустриальным обществом высокой специализации и человеком, который интегрирован в него лишь как «частичный» человек. Коммуникация же между «частичными» людьми, узкими специалистами осуществляется на уровне «массового человека», то есть на среднем общедоступном языке, которым и является массовая культура.

Сферы проявления массовой культуры классифицированы А.Я. Флиером, который выделяет следующие направления массовой культуры: индустрию «субкультуры детства»; массовую общеобразовательную школу; систему национальной (государственной) идеологии; массовые политические движения; массовую социальную мифологию, упрощающую сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных дуалистичных оппозиций; индустрию развлечений и досуга, которая включает в себя массовую художественную культуру (кроме архитектуры), массовые постановочно-зрелищные представления, профессиональный спорт, структуры по проведению организованного развлекательного досуга, различные шоу; индустрию оздоровительного досуга; систему организации, стимулирования и управления потребительским спросом на вещи, услуги, идеи как индивидуального, так и коллективного пользования (реклама, имиджмейкерство, политехнология); разного рода игровые комплексы от механических игр, электронных приставок, компьютерных игр и т.д. до систем виртуальной реальности [4].

Позволим себе «перевести» некоторые положения А.Я. Флиера в «индустриальный» дискурс:

- индустрия политехнологий: массовые политические движения и партии, которые используются политиками для достижения своих целей за счет нагнетания политического, националистического или религиозного психоза;

- индустрия социального мифотворчества: повсеместное стихийное возникновение квазирелигиозных течений и сект, лженаучные учения, сотворение кумиров, формирование сплетен и слухов, которые предлагают простые объяснения сложных проблем, например, мифы о мировом заговоре;

- индустрия развлекательного досуга: поп-культура (все виды литературы и искусства), развлекательные представления, профессиональный спорт как зрелище, клубы, дискотеки, то есть выполнение рекреационной или релаксационной функции культуры; игровые комплексы, приучающие человека к современному темпу и ритму жизни;

- индустрия оздоровительного досуга: курорты, спортивный туризм, массовая физкультура, фитнес-клубы, косметические фирмы и услуги;

- индустрия интеллектуального и эстетического досуга: «культурный» туризм, художественная самодеятельность, коллекционирование, кружки и общества по интересам, научно-просветительские учреждения, в том числе и посредством сети Интернет; сюда же мы относим индустрию популяризации доступного знания (помимо образовательной системы): электронные банки информации, библиотеки в сети;

- индустрия моды и рекламы, которые формируют в общественном сознании стандарты престижного (гламурного) образа жизни, стимулируют и управляют потребительским спросом на одежду, аксессуары, услуги, идеи.

«Культурные индустрии - это производство непосредственно культурных или в существенной мере культурно отрегулированных феноменов, которое является более или менее массовым по своим объемам и высоко стандартизированным по большинству своих характеристик. Это системная совокупность культурных практик, осуществляемых не в новационно-поисковом (творческом) режиме, а по стандартам, реализующим наиболее актуальные в имеющихся условиях технологии социального производства и параметры создаваемых при этом продуктов. Именно эти признаки - массовость и стандартизованность - отличают культурные индустрии от другого режима культурного производства - культурного творчества, имеющего характерные черты новационности, штучности, авторской оригинальности и, как правило, отличающегося еще и высоким качеством. Это производство чаще всего бывает либо непосредственно художественным, либо каким-либо другим (утилитарным или символическим с иными функциями), но практически всегда обладающим существенной эстетической значимостью» [5]. То, что А.Я. Флиер определяет термином «культурное творчество», распространено также под названием творческие (креативные) индустрии.

«Творческие (креативные) индустрии - это отрасли культурных индустрий: архитектура, мода, изобразительное искусство, кинематограф, издательское дело и т.д.) имеют разные возможности зарабатывать деньги, разную экономическую логику и динамику развития. С точки зрения форм бизнеса, творческие индустрии основаны на приоритете малых и средних предприятий, производящих творческие продукты и услуги. В то же время, это местные производства, ориентированные на поиск выхода на глобальные рынки в условиях постиндустриальной экономики. ... в которой главной ценностью и движущей силой выступает творчество (Джон Хоукинс «Креативная экономика» - Howkins, 2001)» [3, с.199].

В данной работе не принципиально определение границы между творческими и культурными индустриями (автор видит разницу, но здесь проблема рассматривается в другой плоскости). Посмотрим на них с позиции функционера от культуры. Одна из ключевых проблем эффективное распределение бюджетного финансирования и привлечение внебюджетных средств, то есть оптимизация: как при минимальных затратах получить максимальный результат. Чтобы понять, как распределить и кого привлечь, необходимо зримо представить наличные объекты: клубы, музыкальные и художественные школы, базы, площадки, социокультурные центры (СКЦ), промысловые и ремесленные центры и ИП, места проживания народных мастеров и т.п. «Построение модели существующих связей и стоимостных цепочек, основанное на статистике и социологических исследованиях, легло в основу технологии, которая применяется теперь повсеместно для оценки потенциала культурных индустрий и формирования стратегий их развития и поддержки. Эта технология называется картированием (mapping)» [3, с. 200].

В республике несмотря на огромные территории, при количестве населения меньше, чем в один миллион, а постоянно проживающих еще меньше, картирование - «составление карты культурных и творческих ресурсов территории для оценки потенциала творческого сектора, определения его возможностей и потребностей» [там же], не является невыполнимой задачей. Начать с крупных официальных и общеизвестных явлений региональной культуры, затем постоянно уточнять, делая карту все более подробной.

На основе картирования «формируются стратегия развития творческих индустрий и культурная политика на данной территории. Картирование может осуществляться как для индустрий в целом, так и для отдельных секторов (например, только музыка и музыкальное продюсирование и т.д.).

Проведение такого типа исследований важно по трем причинам:

1. Различные субсекторы культурных индустрий: музыка, исполнительские искусства, изобразительные искусства, телевидение и т.д. интегрированы в местную экономику, социальную жизнь и политические системы. Они работают как «кластеры» (cluster – англ. «кисть, гроздь, пучок, куст») и обладают кумулятивным эффектом, который существенно влияет на развитие.

2. Кластеры сосредоточены главным образом в крупных метрополиях, работающих как локусы городских сетей и сервисные хабы для более дисперсных сервисов (таких как ремесла или фабричные производства). Таким образом, собственно город и уровень урбанизации выступают базовыми факторами для развития сектора культурных индустрий. Определение уровня «творческой кластеризации» территории становится важным показателем этого развития.

3. Взаимосвязь между коммерческим и некоммерческим секторами, между искусством и экономическим ростом может быть наиболее четко проявлена на местном уровне» [3, с. 200].

Опираясь на результаты проделанной на основе картирования диагностики, проще определить культурные доминанты (соответственно, финансирование), разумеется, при этом должна учитываться национальная специфика. В частности, для городов нашей республики характерно и немаловажно то обстоятельство, что большинство населения в них – горожане в первом поколении, их вкусы и пристрастия более близки народным и популярным формам культуры, чем элитарным и массовым. Культурная политика должна выстраиваться как

часть политики развития территорий. Определение бренда данного пространства культуры, например, музей космонавтики или музей народной педагогики, - и выстраивание вокруг него и на его ресурсах СКЦ, по принципу многофункционального центра (В.Ю. Дукельский называет это «принципом единого окна») [2].

Актуальность организации СКЦ в селах обусловлена сложившимся противоречием между существующим творческим потенциалом населения и невозможностью его реализации в сложившихся условиях. Тогда как, если грамотно использовать имеющийся потенциал: индивидуальное творческое начало жителей сел (поле для творческих индустрий и, частично, обеспечение рабочих мест) и местные культурные ресурсы (под последними мы имеем в виду действующие институты, такие как школа, музей, библиотека, спортивный зал и др.), можно способствовать, если не решению, то смягчению острых социальных проблем, развитию коммуникации и стимулированию креативности, привлечь инвестиции и повысить социокультурную привлекательность и конкурентоспособность региона. Учет групповых досуговых интересов (безработные, молодежь, пенсионеры), решение проблем инкультурации молодежи и вовлечение в активную социальную жизнь пенсионеров позволит проследить процессы формирования социальной структуры современного села и будет способствовать созданию позитивного социального климата.

Кроме того она обусловлена объективной необходимостью координации и совершенствования работы создаваемых СКЦ. На наш взгляд, сегодня работа учреждений досуга не связана с решением проблем сложившегося досугового неравенства, ограничения доступа к некоторым видам досуговой активности, реализации инициатив и интересов особенно молодежи и пенсионеров, не обеспечена современными технологиями (не имеются в виду дорогостоящие современные технические средства, речь идет об эффективных методиках, продуктивных приемах работы). Это приводит к депрессивности, появлению асоциальных форм досуга и, как следствие, к росту социальной напряженности.

Использование результатов картирования в проектной деятельности управленческих звеньев культуры (министерство, департаменты, отделы), на наш взгляд, позволят более продуктивно выстроить тактику и стратегию культурной политики региона. В работе СКЦ на индивидуальном уровне возможно формирование активной части населения (особенно, молодежи), выделение общественных лидеров, организаторов общественной работы. В данном случае - это своего рода инструмент формирования кадрового резерва для сферы государственного и политического управления. Организация сети СКЦ на базе существующих институтов культуры при должной реструктуризации, без особенных финансовых затрат позволит создать условия для самореализации всех слоев населения, поощрения их инициатив, при использовании потенциала социальных сетей, волонтерского движения и культурных ресурсов региона.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1993.
2. Дукельский В.Ю. Культура возвращается домой. [Э/р] / URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics> (дата обращения: 12.09.2015).
3. Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований /под ред. И.М. Быховской. – М., 2010.
4. Флиер А.Я. Массовая культура и ее социальные функции. //ОНС: Общественные науки и современность. – М., 1998. - №6. [Э/р] URL: <http://bibliofond.ru> (дата обращения: 12.09.2015).
5. Флиер А.Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии [Э/р] //Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 3 (май - июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 12.09.2015).

СЕКЦИЯ №19. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПРИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Сидорова Д.С.

Тюменский государственный нефтегазовый университет, г.Тюмень

Складывающиеся на сегодня перспективы динамики валового внутреннего продукта гораздо более пессимистичны, нежели прогнозировалось министерством экономического развития РФ. Так, если предполагаемое правительством падение ВВП составляет 3% в номинальном выражении, то скептики ожидают значений на уровне 5-6%. При этом снижение реального ВВП составит еще более высокую величину – до 9%. Такое замедление экономического роста имеет непосредственное влияние на инвестиции в основной капитал, динамика роста которых замедлится, в том числе на фоне роста инфляции, величина которой ожидается на уровне 15-17%.

По мнению ряда аналитиков, возврат к однозначным значениям инфляции – менее 10% – вряд ли произойдет в ближайшие 2-3 года. Это обстоятельство будет оказывать давление на эффективный обменный курс российского рубля, девальвация которого будет следовать за ценами на нефть и инфляционными ожиданиями, а также подстегиваться санкционным давлением, отрицательным сальдо счета операций с капиталом и снижающимися объемами чистого экспорта.

Для населения экономические процессы в первую очередь выразились в росте потребительских цен. На рис. приведена динамика потребительских цен в России в сравнении с другими странами.

Для России 2015 год охарактеризовался серьезным ростом потребительских цен. В июне 2015 года по отношению к июню 2014 года их рост составил 15,3%. Из числа стран с максимальными значениями можно отметить Бразилию, где рост за аналогичный период составил 8,9%.

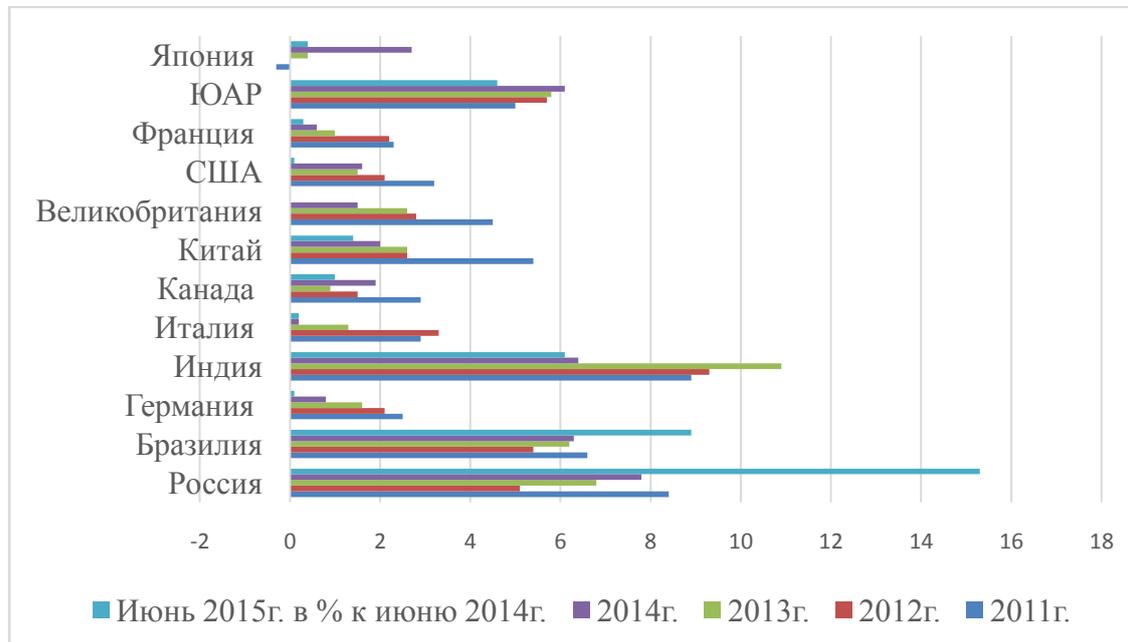

Рис.1. Динамика потребительских цен, в % к предыдущему периоду

Изначально основания полагать, что высокие цены на нефть сохранятся в длительной перспективе, были весьма сомнительными, в связи с чем дискуссия о целесообразности существенных, а не косметических, изменений в экономике имела глубинный смысл. А.Г. Полякова подчеркивает необходимость формирования новой модели развития, в меньшей степени зависимой от нефтегазовой ренты и основанной на кластерном подходе как одном из приоритетов государственного управления. В ее работе сформулирован тезис о том, что современная политика должна представлять в своей основе составлять стратегии создания инновационно-

промышленных кластеров, ядрами которых являются устойчивые сети с инновационными точками роста» [7, С.419]. Следуя этой логике можно согласиться с тезисами В.В. Колмакова и И.С. Симаровой в том, что развитие социально-экономического пространства должно происходить через увеличение его связанности, а последнее необходимо рассматривать не только «через призму удаленности объектов друг от друга, сколько с позиций наличия институциональных предпосылок к взаимодействию» [2, С.88]. Необходимо отметить, что российская социальная доктрина должна исходить из оптимального сочетания либерализма и социальных гарантий, подкрепленных стабильными доходными источниками.

Трудно предположить, какими были бы текущие показатели, если бы декларированные еще в середине 2000-х годов цели модернизации и диверсификации экономики были подкреплены реальными достижениями в экономике. Вероятно, статистические данные первой половины 2015 года рисовали бы более благополучную картину: был бы меньший спад ВВП (по факту 4,6 %), не наблюдалось бы такого спада объемов розничной торговли, такое существенное снижение реальной заработной платы (на 8,6 %) вряд ли имело бы место. В сокращении розничного товарооборота есть лишь одно относительное преимущество – оно несколько ослабляет инфляционное давление из-за сокращения платежеспособного спроса, однако за этим следует сокращение реального производства, объемов работ и оказанных услуг.

Относительным фактором стабильности является то, что в целом государство в условиях кризиса выполняет принятые на себя социальные обязательства. При этом в условиях кризиса социальная сфера претерпевает изменения, которые затрагивают образование, здравоохранение, пенсионную систему и пр. А.Г. Полякова отмечает, что в сфере образования, например, происходит изменение государственной политики, «сопровожаемое пересмотром философии образования и формированием новых концептуальных основ развития высшей школы... на фоне глобализации наблюдается ярко выраженное стремление к международной унификации образовательных систем, приведение систем образования национальных уровней к единым стандартам» [8, С.188]. Т.М. Малева акцентирует внимание на пересмотре параметров пенсионной системы [6; 7]. Очень серьезно звучат вопросы в отношении индексации социальных выплат, особенно пенсий. В силу отсутствия способа сокращения расходов федерального бюджета, расширилась дискуссия о сокращении расходов пенсионной системы. Органы власти рассматривают два варианта – минимальная индексация пенсий или же индексация пенсий исходя из прогнозной инфляции и заморозка пенсионных накоплений еще на один год.

Вариант ограниченной индексации социальных трансфертов имеет своих сторонников в правительстве, однако есть основания полагать, что будет достигнут некий компромиссный вариант между законодательно установленным требованием об индексации на величину фактической инфляции с одной стороны (12 %) и предлагаемой величиной на уровне 4,5 %. При этом становится очевидной недостаточность имеющихся в распоряжении правительства ресурсов даже для такой ограниченной индексации, что означает возврат к обсуждению вопроса о заморозке пенсионных накоплений и использования их для покрытия дефицита бюджета Пенсионного фонда РФ, чья операционная неэффективность отмечена в качестве одной из худших среди экономически развитых стран.

Рассмотрение вопроса индексации заработной платы состоялось в августе 2015 года. Правительство РФ не поддержало законопроект, обязывающий всех работодателей индексировать зарплату как минимум один раз в год в силу отсутствия источников финансирования (только на обеспечение индексации в социальной сфере и науке потребуется ежегодно более 40 млрд руб.). В настоящее время согласно действующему законодательству, индексацию зарплат должны проводить только бюджетные организации, а коммерческие компании не обязаны. В условиях сокращения доходов принуждение коммерческих компаний к индексации заработной платы повлечет за собой сокращение кадров и повышение уровня безработицы. Таким образом, государство гарантирует работникам минимальный размер оплаты труда, но при этом транслировать госрегулирования на частный сектор в этом вопросе считает неоправданным.

Список литературы

1. Колмаков В.В., Полякова А.Г. Управление собственностью как экономической основой пространственного развития: сущность, концептуальные основы, механизм. Тюмень, 2006. – 196с.
2. Колмаков В.В., Симарова И.С. Отношения собственности как основание для дифференциации территорий. Глобальный научный потенциал. 2014. № 6 (39). С. 91-93.
3. Лиман И.А., Колмаков В.В., Майстер И.В., Полякова А.Г. Теория и методология организации и управления экономическими системами. Тюмень, 2010. – 182с.
4. Малева Т. Политика на рынке труда на этапе экономического роста. Человек и труд. 2008. № 1. С. 18-25.
5. Малева Т. Россия в поисках среднего класса. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 3. С. 64.

6. Малева Т., Синявская О. Пенсионная реформа в России: о политической экономии популизма. Отечественные записки. 2005. № 3.
7. Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra. Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8 (8). С. 117-137.
8. Полякова А.Г. Инновационная деятельность как фактор модернизации экономического пространства региона. Научные труды Вольного экономического общества России. 2010. Т. 137. С. 419-427.
9. Полякова А.Г. Сценарное моделирование спроса на высшее профессиональное образование в регионе. Академический вестник. 2010. № 3. С. 188-192.
10. Тарасова О.В. Личностное самоуправление: социально-философский аспект (на материале предпринимательской деятельности): диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень, 2006

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)

СЕКЦИЯ №21.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД Б. ЛОНЕРГАНА И ГЕРМЕНЕВТИКА

К.ф.н. Ковревская В.Е.

Московский физико-технический институт, г.Москва
Православный Свято - Тихоновский гуманитарный университет, г.Москва

Творчество канадского неотомиста Б. Лонергана еще довольно мало известно в нашей стране. Бернард Лонерган (1904-1984) – философ, теолог, иезуит, а также математик и экономист, весьма популярен в западном научном мире, удостоен многих научных наград. Существует научно-богословский институт Лонергана в Торонто. Малая известность творчества Лонергана в России объясняется, в первую очередь, отсутствием до недавнего времени переводов его произведений на русский язык и переводов работ, посвященных исследованию его трудов.³² Однако сравнительно недавно была переведена на русский язык и опубликована одна из двух главных работ³³ Лонергана «Метод в теологии» (1972)³⁴, к которой мы и обратимся в этой статье.

Труд «Метод в теологии», судя по названию, посвящен весьма специальной теме – разработке богословского метода. Однако значение этой работы гораздо шире заявленной в названии темы. Речь идет о разработке и обосновании не столько теологического метода, но общего метода, лежащего в основе всего гуманитарного познания, и о роли теологии в культуре. В своем вступительном слове Лонерган ясно дает понять, что в этой книге речь пойдет не собственно о теологии. «Я не пишу теологию, а выстраиваю метод в теологии. Я озабочен не предметами, о которых рассуждают теологи, а операциями, которые теологи выполняют»³⁵.

Как и в другой главной работе «Инсайт», Лонерган начинает с феноменологического обзора деятельности ума. Он выделяет основные познавательные структуры, общие для всех наук: ощущение, постановку вопроса, воображение, понимание, формулирование, рефлексия, суждение, оценку, принятие решений и пр. Затем он располагает их в определенном ряду, различая разные уровни сознания и интенциональности. Существует

³² См., например, следующие публикации: Критика религиозной антропологии Б.Лонергана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1986. № 1; Лонерган // Современная западная философия. Словарь. М., 1991; Красников А.Н. Методология современного неотомизма. М., 1993; Бернард Лонерган: Программа обновления католической теологии // Религиоведение. 2003. № 1; Вдовина Г.В. Бернард Лонерган: метод в теологии и гуманитарные науки. // Философский журнал, 2013 (2).

³³ Lonergan B. Insight. A Study of Human Understanding. L., 1957; Lonergan B. Method in Theology. N.Y., 1972.

³⁴ Лонерган Б. Метод в теологии. М., 2010.

³⁵ Там же, С. 12-13.

эмпирический уровень, на котором мы ощущаем, воспринимаем, представляем, наблюдаем, воображаем, переживаем и т.д. Существует интеллектуальный уровень, на котором мы спрашиваем, приходим к пониманию, выражаем то, что мы поняли, выясняем предпосылки и выводим следствия. Существует рациональный уровень, на котором мы размышляем, доказываем, судим об истинности и ложности, определенности и вероятности сформулированных положений. Существует также уровень ответственности, на котором мы имеем дело с собой, с нашими собственными операциями, с нашими целями, обдумываем возможный курс действий, оцениваем его и принимаем решение, а затем выполняем наши решения³⁶.

Все операции на всех четырех уровнях осознаны и взаимосвязаны, но они различаются степенью осознанности и интенциональности. При этом особая ценность принадлежит уровню ответственности, на котором субъект принимает решения и действует, и, следовательно, может пережить религиозное и нравственное обращение и встречу с Богом.

Весь процесс познания направляется сквозными вопросами: Что? Как? Почему? Зачем? Задавая эти вопросы, интеллект может вывести познающего субъекта за рамки опыта. Лонерган вводит априорные трансцендентальные понятия, которые по сути являются предельными вопросами человеческого познания. Трансценденталии объединяют в единое целое все познавательные операции на всех уровнях сознания и обеспечивают целостное представление о мире. Единство всех перечисленных моментов составляет, по Лонергану, трансцендентальный метод. Это метод трансцендентальный, так как он универсален для любой области человеческого познания, в том числе и для теологии, где он становится богословским трансцендентальным методом.

Лонерган стремится предельно рационализировать теологию, используя методологию рационализма для решения своих богословских задач и предлагая «свою трактовку метода в теологии по аналогии с критической историей»³⁷. В связи с этим он исследует связь между теологией и гуманитарными науками и ту роль, которую играет теология в культуре. «Теология выступает посредницей между культурной матрицей и значением и ролью религии в этой матрице»³⁸, пишет Лонерган. Он вводит понятие функциональной специализации теологии и кратко перечисляет восемь таких специализаций: разыскание, интерпретация, история, диалектика, основания, систематика, коммуникация.

Теология, связанная с усвоением и осмыслением традиции, необходимо требует таких специализированных операций, как разыскание исторических данных, связанных с традицией, интерпретация этих данных, восстановление исторических контекстов, в которых были созданы богословские учения прошлого, и осмысление внутренних конфликтов при столкновении различных богословских позиций. Все эти функции теологии представляют собой не что иное, как типичные операции и методы частных гуманитарных наук исторического профиля. «Если разыскание делает доступным написанное, то интерпретация позволяет понять его смысл. Она схватывает этот смысл в его собственном историческом контексте, в соответствии с его собственным способом и уровнем мышления и выражения, в свете обстоятельств и намерений его автора»³⁹.

Существуют три базовые герменевтические операции: понимание текста, суждение о правильности понимания текста, и, наконец, установление того, что считается правильным пониманием текста, пишет Лонерган. Он различает несколько уровней понимания и рассматривает отдельно каждый из них: понимание предмета текста, понимание слов, используемых автором, понимание автора текста и понимание самого себя⁴⁰.

Разбирая проблемы каждого уровня понимания, Лонерган останавливается на проблеме герменевтического круга⁴¹. «Смысл текста есть... единство, которое разворачивается в виде частей, разделов, глав, параграфов, предложений и слов. Мы можем схватить единство, целое только через его части. В то же время смысл частей определяется целым, которое частично выявляется каждой частью. Таков герменевтический круг»⁴². С точки зрения логики это именно круг; но приход к пониманию – это не только логический процесс, это «самокорректирующийся процесс научения». Он по спирали углубляется в смысл целого, используя каждую новую часть для того, чтобы скорректировать понимание, достигнутое при чтении предыдущих частей. Такое понимание, которое основывается на определенных правилах герменевтики, преодолевает пределы герменевтического круга, считает Лонерган. Это анализ композиции текста, определение цели автора, знание его

³⁶ Лонерган Б. Метод в теологии. С.23.

³⁷ Красников А.Н. Методология современного неотолизма. М., 1993. С.66.

³⁸ Лонерган Б. Метод в теологии. С. 11.

³⁹ Там же, С.146.

⁴⁰ Лонерган Б. Метод в теологии. С.174.

⁴¹ См., напр., Гадамер Г.Г. О круге понимания. // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991

⁴² Там же, С.178.

аудитории, повода, по которому он пишет, природы используемых им лексических и стилистических средств и пр.

Еще большую сложность Лонерган видит в понимании самого автора текста, его языка, времени, культуры, образа жизни и склада мышления и в суждении о правильности интерпретации. Здесь ведущую роль играет самокорректирующий процесс обучения, который Лонерган понимает не только как способ, каким мы приобретаем нам здравый смысл, но и способ, каким мы приобретаем понимание чужого здравого смысла. И тут от накопления фактов мы переходим к столкновению с личностями и ценностями.

Исследователь начинает изучение текста, вооруженный своими интересами и ценностями. В процессе изучения текста, он открывает все новые вопросы, волновавшие автора, задачи, перед ним стоявшие, проблемы, которые он пытался решить, материалы и ресурсы, находившиеся в его распоряжении. Тогда исследователь откладывает в сторону собственные интересы и заботы, чтобы разделить интересы и заботы автора, реконструировать контекст его мысли и речи. Лонерган понимает здесь контекст как «гнездо переплетенных, сотканых между собой вопросов и ответов»⁴³. Контекст ограничен, постольку все вопросы и ответы прямо или косвенно относятся к одной теме. Эта единая тема должна обнаружиться по ходу исследования. Она подчас разворачивается в безмерно сложный комплекс взаимосвязанных вопросов и ответов. Но наступает момент, когда уже не встает никаких релевантных вопросов, и тогда открывается возможность суждения. Исследователь достигает точки, когда возникает целостное видение, где все компоненты выстраиваются в единую картину, он чувствует, что задача выполнена, он может предложить вероятную и, возможно, достоверную, но никогда не окончательную интерпретацию.

Таким образом, в «Метод в теологии» существует явный акцент на герменевтике. Понимание текстов присутствует и в остальных семи функциональных специализациях. Лонерган показывает, что именно понимание оказывается ключевым моментом теологического, исторического и любого другого гуманитарного исследования, поскольку оно нацелено на разыскание смысла, а смысл никогда не является исходной данностью.

Теология, по Лонергану, «представляет собой рефлексии над религией. Она служит опосредующим звеном между религией и культурой»⁴⁴. Ее функция состоит в том, чтобы прояснять смыслы и ценность религии в рамках любой существующей культуры. Но будучи связана с усвоением и осмыслением традиции, теология опирается на массив гуманитарного-философского знания и оперирует теми же инструментами, имеет ту же структуру познания, что и другие гуманитарные науки. Поэтому она испытывает необходимость сотрудничать с философией и другими науками гуманитарного профиля. И в силу этой общности и необходимости сотрудничать между теологией и гуманитарным знанием не может быть противоречия.

СЕКЦИЯ №22. ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

МОЛЧАЛИВАЯ ЖЕСТОКОСТЬ ПОСТМОДЕРНА

Афанасенко Я.А.

Пермский государственный институт культуры, г.Пермь

Сущностная особенность современной культуры в отличие от культуры традиционной – табу на тему смерти. Табу принимает следующие формы.

Игнорирование как способ отстраниться от того, что непонятно, неприятно, никак не вписывается в представление о личном благе. Таков, например, культ «вечной молодости и здоровья» в массмедийном сегменте.

Заигрывание со смертью как другой способ, когда человек хочет вырваться к пределам чувствования жизни и себя в различных видах досугового экстрима. Противоположностью стремления к ярким эмоциональным переживаниям является отказ чувствовать вообще что-либо по разным причинам, но ведущий к желанности смерти, с которой заканчиваются жизненная пустота, боль и скука. Эстетика самоубийства,

⁴³ Лонерган Б. Метод в теологии. С.183.

⁴⁴ Lonergan B. Philosophy of god and Theology. London, 1973. P.22.

раскрывающая все технические аспекты того, как максимально безболезненно и не безобразно уйти из жизни, столь популярная на соответствующих тематических сайтах, иллюстрирует утилитарное отношение к смерти, которая лишена символического смысла, как и жизнь.

И, наконец, отношение к смерти как к развлечению, еще один способ обращения с ней, который стирает грань между смертью и игрой в нее, между реальностью и искусством трешевой направленности, удовлетворяя любопытство и потребность в переживаниях копрофильского толка. Шоковым с точки зрения классической эстетики, но обычным в постнеклассике произведением такого типа является «Многоножка -2». Любопытство и жестокость оказываются здесь всего лишь пузырями на поверхности бездны, которая уже давно всматривается в современного человека, пустившегося во все тяжкие именно в 20 в., веке двух мировых войн, веке расцвета тоталитарных идеологий, веке, подготовившем легитимацию жестокости в искусстве и повседневной реальности уже в 21 веке. И теперь, когда Тень коллективного бессознательного, подчинив себе так называемого человека просвещенного и гуманного, ширится и ползет, захватывая все большие социальные пространства, у меня возникает вопрос. Если перестать молчать о смерти, о жестокости, которая ее сопровождает, если начать говорить на эту тему, хотя бы в научном дискурсе, к каким ценностным основаниям данных явлений можно выйти, какими они будут?

Понятно, что человек современной культуры, лишенный в отличие от человека традиционного инициатического измерения, уже не имеет знаний и навыков отношения к смерти, которые давала ритуальная практика, родильная ли, посвящения в мужской союз или погребальная. Я разделяю убеждение Юнга о том, что путь современного человека – это путь, прежде всего, индивидуации, путь обретения себя через открытие личной символики, и что путь этот связан так или иначе со снами, поэзией и философией. Если допустить, что современная эстетическая реальность – это реальность поэтизированного сна, рождающего чудовищ, необходимость хотя бы минимальной рефлексии на эту тему очевидна.

Когда Ницше утверждает, что видеть страдания – приятно, причинять страдания – еще приятнее и что это человеческое-слишком-человеческое, - единственное, с чем соглашусь, что жестокость – явление исключительно человеческое и вне культуры не существует. Определяя жестокость как социально-этическую категорию, как современную социальную норму, связанную с гедонистическим мироощущением, с получением удовольствия от причинения страданий, я подчеркиваю ее этический характер, потому что вне ценностных оснований невозможно поставить вопрос об ответственности человека, творящего жестокость.

На мой взгляд, независимо от того, является человек с точки зрения медицинской вменяемым или нет, он выбирает и несет ответственность за свой выбор быть жестоким или нет уже по факту своей человеческой, то есть окультуренной природы. Недетерминированный характер природы человека в данном случае связан с тем, что в жестокости нет необходимости в отличие, например, от агрессии, которая помогает выжить, защитить себя, выстроить границы, или в отличие от насилия, главная цель которого – власть, контроль, но никак не удовольствие само по себе. Насилие, как и агрессия, не всегда жестоко, но жестокость, как правило, агрессивна и насильственна и связана с властным самоотверждением. Если в отношении насилия в международном дискурсе существует установка на его нравственное ограничение, то применительно к жестокости такой вопрос не может быть поставлен. Творящий жестокость в лучшем случае рассматривается как юридический субъект, но не субъект моральный. Не пора ли исправить положение?

Подземная автостоянка. Воздух взрывается матом. Парень орет на девушку. Неожиданно его взгляд останавливается. Перед ним толстый потный коротышка с выпученными застывшими глазками. Это охранник автостоянки. Он же главный герой фильма. Коротышка пускает слюну, тянется пухлым влажным пальцем к девушке, невозмутимо пропускает мат в свой адрес, поднимает железный прут и начинает молча, как хорошо отлаженный механизм, колотить обоих: по спине, по голове, снова по голове. Потом утрамбовывает парочку в фургоне с другими телами. Так начинается «Человеческая многоножка 2» Тома Сикса, самый скандальный фильм 2011 г., фильм о молчаливом маньяке, который реализует свою мечту, сшивая людей друг с другом и превращая их в многоножку, которую затем насилует и убивает. «Это еще хуже, чем за гранью добра и зла», - одна из оценок фильма, отсылающая к известному произведению Ницше.

Я отношу «Человеческую многоножку 2» к текстам культуры Постмодерна, к текстам молчащим, пластичным, визуальным. Интерпретация фильма напрямую связана с ответом на вопрос, о чем молчит культура Постмодерна в лице Мартина, так звали главного героя, и есть ли смысл в ее молчании. Чтобы ответить на него, необходимо осветить три аспекта темы: 1. что такое культура Постмодерна? 2. какую роль в культуре Постмодерна играет молчание? 3. имеет ли постмодернистское молчание хоть какое-то отношение к «конечным истинам»?

Я развожу понятия Постмодерн и Постмодернизм. Постмодерн - это общество радикальной плюральности, которое приходит на смену Модерну, отвергая его основные принципы (принятые представления о времени и

пространстве, человеке и обществе, религии и политике, гендерным и семейным стратегиям) и научно-рационалистическую картину мира, а Постмодернизм – это концепция общества Постмодерна, восходящая к его философским, эстетическим и социологическим интерпретациям.

В радикальной плюральности Постмодерна есть место сетевому сегменту, киберкультуре (Харвей, Негри и Хардт) и культуре маргиналов разных мастей, например, фриков (Парфри). Однако Постмодерн еще не случился. Движение к нему только осуществляется, поэтому говорить о некоторых тенденциях, свойственных его культуре, можно лишь предположительно. Об этих тенденциях я буду говорить на языке неклассической эстетики (Арно, Нитч), философии (Фуко, Барт) и социологии (Шюц, Маффесоли).

Одно из определений, которое дал своему творчеству Том Сикс, режиссер скандальных «Многоножек» – это то, что его фильмы – пыточная порнуха, приправленная европейским арт-соусом. Европейский арт-соус - за этим утверждением стоит вполне определенная эстетическая реальность, сформированная во второй половине 20 в. Эта реальность имеет богатую эстетическую и философскую традицию и главной ее особенностью является преодоление классики, оппозиций прекрасного и безобразного, добра и зла, лжи и истины. В сфере искусства преодоление неклассики связано с актуализацией таких, несвойственных классической эстетике категории, как

1. жестокость, выражающая эстетику безобразного, которая, по Жану Кокто, придает «новой красоте прекрасное безобразию Медузы Горгоны»; она преодолевает милосердие, потому ни о каком сострадании, сочувствии, сопереживании как эталоне отношения к скорбящему, страдающему речи не идет,

2. телесность, демонстрирующая мощь анально-генитального сознания, та самая постмодернистская чувственность, которая граничит с бесчувственностью, асексуальностью, замкнутой на эстетическом переживании сентиментальности; такая телесность преодолевает духовность в метафизическом ее понимании,

3. повседневность, эстетизированная, обращенная к индивидуальной человеческой жизни как более интересной и важной; она преодолевает значимость религиозного, философского и эстетического опыта элитарной культуры, те самые просторы, которые неочевидны обывателю, ограниченному однозначностью и уплощенностью повседневных реалий,

4. вещь как материализация и конкретизация телесности и культивация вещного отношения к действительности; преодолевает человека, в ценностном отношении меняя вектор с быть на иметь, с бытия на обладание, с экзистенции на санкции,

5. молчание как проявление энергетичности, соединенное с жестом, движением; молчание преодолевает установку на приоритетное положение слова, утрачивает позитивные ценностные коннотации, сводится к негативно-оценочному содержанию.

Все эти категории взаимосвязаны, и обращение к одной из них для интерпретации какого-либо явления неизбежно побуждает использовать другие. Так, садо-мазохистская жестокость молчаливого героя «Человеческой многоножки 2» не просто интегрирована в повседневность, являясь для него рутинной, привычным стилем жизни, она связана с вещным, функциональным, отношением к людям, которое вряд ли бы стало возможным, если бы не инцест с отцом и эмоциональное насилие матери. Сразу отмечу, что фрейдистская интерпретация данного контекста жестокости имеет значение лишь в бихевиористской парадигме, исключающей этическое основание действия, поэтому я его учитываю, но не руководствуюсь им. Мне ближе юнгианский подход, рассматривающий человека в культуре, поэтому несколько слов о культурном контексте жестокости.

Сикс знает, что многие не могут вынести то, что видят в его фильмах, о чем говорит в различных интервью, но при этом добавляет, что это не унижение, что это все для «развлекухи», что актерам на съемках было весело и что все это «понарошку». Итак, унижение, насилие, смерть здесь действительно – «понарошку». Это же искусство, развлечение, игра. Но почему тогда многие зрители с трудом выносят увиденное, какова грань между игрой и неприятием увиденного как игры? Не только эстетическим неприятием.

Напомним, что в первой половине 20в. сцены жестокости, терзания тел человека или животных в искусстве были направлены или на пробуждение в человеке человечности, или использовались как художественные средства выражения (экспрессионизм, сюрреализм, театр абсурда), то есть, по большей части, имели моральные коннотации и традиционный для искусства характер. Однако со второй половины 20 в. наиболее значимым становится собственно эстетический аспект репрезентации актов жестокости, который утверждает ее самоценность и равноправие наряду с другими способами художественной презентации.

Что такое собственно эстетический аспект актов жестокости? Это когда вы переживаете катарсис, созерцая жестокость и изживая ее, или ищете утраченную духовность, мистериально убивая жертву и поедая ее тело, или испытываете сексуальное наслаждение, родственное садистскому, пребывая в пространстве чувственных развлечений, или же получаете наслаждение тактильно-визуальное, участвуя в разделке еще не остывших тел животных.

В любом случае, особенностью этих актов является то, что они утрачивают символичность, т.е. трансформируются в искусство напрямую, стирая грань между реальностью и подражанием ей. Это и арт-практики, тяготеющие к архаическим сакральным культам, и фильмы типа *argo to snuff* (убиения), в которых без слов демонстрируется расчленение женщин, смакование эротической значимости каждого члена женского тела, и, конечно, «Оргийно-мистериальный театр» Нитча, призывающего «интенсивно переживать эстетические феномены по ту сторону добра и зла», наслаждаясь теплыми, благоухающими, розовыми студенистыми кишками только что забитого быка. Тема смерти, выхваченная в данном случае из сакрального контекста, вульгаризируется и уплощается, сохраняя исключительно одномерный, буквальный смысл, в результате чего переживание зрителя лишается эстетического характера, окрашиваясь обычными эмоциями.

Любопытно, что подобные акты сопровождаются авторской иронией, как в случае с Нитчем, когда безобразное описывается поэтически в лучших традициях классической эстетики, или же подаются как черный юмор в ситуации с Сиксом и его «Человеческой многоножкой-2». Таким образом, сострадание уступает сначала место иронии, а затем юмору, стебу, причем, над кем-то, а не над собой. Возможно, подобная неукорененность сознания в себе, его вброшенность в социум и спонтанность, ничем и никем не контролируемая и не регулируемая иррациональность проявлений и вызывает то самое зрительское отторжение, неприятие зрителя, пока еще бытующего по привычке в традиционной для эстетики парадигме?

Отчего же Сиксу и остальным так весело? И какова роль молчания в культуре Постмодерна? Харви Лоуренс, исполнитель главной роли вслед за режиссером, который намеренно убрал у него все реплики, подошел, по его словам, к своей роли как к беззвучной комедии, но невозмутимо, словно, Бастер Китон, полагая, что его игра вызовет симпатию к персонажу. Удивительно, но то, что зритель воспринимает как жанр, относящийся к ужасам, актер и режиссер подают в качестве молчаливой комедии, ссылаясь на историю кинематографа. Такая игра со смыслами истории типична для постмодернизма, и она отражает эклектическую суть творческого процесса, радикальную разницу контекстов тех, кто играет и тех, кто является зрителями.

Если обратиться к философскому дискурсу, в нем, как и в дискурсе эстетическом, постмодернистская культура - это культура постнеклассики. Именно в этой культуре особое значение приобретает молчание как отсутствие слова. Такая позиция связана, с одной стороны, с обесцениванием приоритета слова, какое было в эпоху классики, с другой, - с потребностью так организовать речь, чтобы приблизиться к невыразимому, к сущему, попытаться его истолковать. В этом контексте роль молчания сводится к изображению того, что невыразимо словом, но что, тем не менее, существует. Согласно М.В. Логиновой, молчание берет на себя функциональную нагрузку, позволяя в чередовании молчания и речи, тишины и звука проследить процесс выразительности «вне знака», причем, не только в философии, но и в искусстве. Однако одной функциональной нагрузки, на мой взгляд, недостаточно, есть еще экзистенция, которая придает собственно человеческое измерение этой выразительности. Какое сущее являет в этом случае молчание?

Фуко, например, связывает молчание с безумием. Безумие – это язык без слов, на котором безумие само говорит о себе, потому что разум отказывает ему в слове, а если не отказывает, то рассматривает как разновидность заболевания или заблуждение. Фуко показывает, как сформированный рассудочной культурой образ психической болезни (к ней относится все, что не соответствует норме в обществе Модерна) обретает экзистенциальное измерение. Болезнь понимается им как проявление скрытой сущности человека и в то же время как отчуждение его от самого себя, от своей человеческой сущности, которая в этой своей ипостаси связана с бездной, скрывающей морду Зверя, но в то же время таящей «упрямое обетование возврата».

С этой точки зрения роль молчания в культуре Постмодерна сводится к указанию на появление иных нормативных образцов, относящихся ранее к сфере безумия. Дозволенность эмоционального и физического насилия, убийства, если обратиться к «Человеческой многоножке», – одна из таких норм. Новая ли это этическая система или заострение этической проблематики – пока неясно. Свидетельствует ли это о сужении пространства трагического в современной культуре (Мамардашвили), а значит, и о нетрагичности смерти, анекдотичного к ней отношения - тоже вопрос.

Кто в культуре Постмодерна говорит на языке безумия, кто транслирует подобные нормы? Ответ следует искать в «Культуре Апокалипсиса». Этот обобщающий различные явления, не укладывающиеся в рамки большого стиля, концепт принадлежит А.Парффри. Именно Парффри составил сборник социологических зарисовок под одноименным названием, в котором он каталогизировал все социально атипичное, маргинальное, абсурдное для американского общества. Носители безумия/молчания в культуре Апокалипсиса, ее центральные персонажи – фрики (уроды, извращенцы), люди с физическими и психическими отклонениями. В новой культуре именно фрики определяют стандарты моды, стиля, искусства. Таким оказывается и Мартин из «Человеческой многоножки 2».

Имеет ли молчание таких персонажей отношение к «конечным истинам»? Здесь, на мой взгляд, как минимум, возможны две перспективы.

Негативная перспектива. С точки зрения Хасана, одного из теоретиков Постмодернизма, постмодернистские произведения в искусстве, обнаруживая тенденцию к молчанию, ничего не способны сказать о «конечных истинах» с метафизической точки зрения. Конечно, с этим утверждением можно согласиться, если идентифицировать себя с «культурным идиотом» (по Гарфинкелю) или фриком типа Мартина, а также если разделять концепцию Маффесоли о том, что тайным содержанием постсовременного общества становится отказ от трансцендентального императива (нежелание быть ни небом, ни адом на земле) и стремление экстазировать банальное, то есть выражать только само себя через структуру строго имманентных ценностей. В этом же ряду находится Том Сикс, чья идея создания фильма сводилась буквально к тому, чтобы пришить людей друг к другу в анально-генитальной стилистике и чтобы это сделал маньяк. Все. Никаких метасмыслов.

Что касается другой перспективы (гуманистической, когда смерть автора оборачивается рождением не потребителя, а читателя, который ищет и создает новые смыслы текста), лично мне ближе позиция Фуко относительно бездны и морды Зверя. В этом контексте «Человеческая многоножка-2» имеет прямое отношение к «конечным» истинам, и молчит она о том, что нормой в постмодернистской реальности становится все, что в Модерне считалось безумием: замороженность жестокостью, легкость убийства на уровне обывателя. Если развивать этот смысл дальше, то безумие, явленное в молчании Другого, открывает человеку самого себя, когда в этом безумии он видит свое отражение: и жестокость, ставшую повседневной, и вещное отношение к Другому, который хорош, пока приносит пользу. Такова тень Диониса, которую отбрасывает каждый, зачастую не признавая это. Результатом игнорирования Тени, по Юнгу, становится одержимость ей и жгучий интерес к разного рода отклонениям как искушению, уводящее человека от себя.

Вряд ли было бы интересно обращаться к «Человеческой многоножке», если бы она была однозначна в жанровом отношении, эстетическом исполнении и обращении к Иному. Если бы отказ от стыда и отсутствие грани между виртуальной и повседневной реальностью для главного героя не стали в ней абсолютными. И если не было бы преемственности в жестокости между доктором Хейтером, немецким врачом из «Человеческой многоножки 1», ставившем опыты на близнецах во время Второй Мировой войны, и Мартином, который сделал из него кумира. И Сикс, к слову, тоже считает свои фильмы неоднозначными.

Станет ли молчаливый жестокий язык безумия общим в современной культуре? Культура Апокалипсиса, по определению, уже говорит на этом языке, как, впрочем, и «Человеческая многоножка 2». Этот фильм манифестирует игру, игровое отношение к смерти, к безумию, к жестокости, лишенное рефлексии, поэтому стирающее грань между вымыслом и правдой. Художественное пространство, в котором люди играют со смертью, оказывается пространством будничным, повседневным, бытовым, отлично знакомым каждому из нас. И эта пронзительная незащищенность обывателя, и социальная, и экзистенциальная, тот факт, что он может быть подвержен насилию в любой момент неизвестно кем, эта анонимность социального насилия, его беспредельность и тотальность, вызывает, конечно, чувство уязвимости и безнадежности. Для Сикса то, что он делает, - развлечение, пока еще ограниченное художественными рамками. Для определенной части маргинального и элитарного населения планеты – будни. Когда Постмодерн, безвозвратно увязший в настоящем, в бесчувственной телесности, бытующей вне социализации и индивидуации, наступит, эта грань, возможно, сотрется.

СЕКЦИЯ №23.

ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)

СЕКЦИЯ №24.

ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)

**РЕЛЯТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИНОМИЙ ПРИНЦИПА СИММЕТРИИ
В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ**

Бурлакова Л.Г.

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Введение

Сегодня дальнейшее движение общества определяют преимущественно науки, формирующие наше мировоззрение. Прежде всего, это относится к математике, и к наукам философским. Однако также стали актуальными и активно развиваются вопросы методологии науки.

Концепции бесконечности и непрерывности активно обсуждались в конце XIX – начале XX вв. [8] Появляется необходимость дополнить аналитические методы методами дискретными. В трудах Московской Философско-математической школы во главе с Н.В.Бугаевым была предпринята попытка построения такой методологии, соединяющей дискретное - непрерывное по принципу дополнительности. Гениально предвосхитив принцип дополнительности Н. Бора, открытый в 1927г., Н.Бугаев на рубеже веков предлагает целую систему, основанную на дополнительности дискретных и непрерывных методов, включающую также и социальную сферу[4; 5; 6; 7;15].

Междисциплинарный синтез как процесс, противоположный формализованному анализу и дифференциации знаний, уже в начале XX века стал актуальным в методологии науки. Профессор П.Некрасов вместе с В.Алексеевым добивались включения в курс гимназии теории вероятностей, которая трактовалась как метод противостояния материалистическому мировоззрению у школьников [14, с. 136].

В недавнее время как инструмент разрешения методологических проблем в отечественной науке успешно пользовалась синергетика. Однако на сегодняшний день она не разрешила проблем целостности и целеполагания в науке, возникших в связи с новой сменой парадигмы постнеклассической науки. В наше время наиболее востребованными оказываются теории перформативного общества, где абсолютизируется движение любой ценой, а личность становится «актором». [9]. Предупреждение о таком развитии европейской и отечественной науки были ещё в начале XX в.

На наш взгляд, наиболее подходящим сегодня является дополнение классических и неклассических методов науки, в частности, применение обобщённого принципа дополнительности и применение принципа симметрии.

Противоположность и противоречие в антиномиях.

Оба принципа, принцип дополнительности и принцип симметрии содержат антиномии. Однако можно рассматривать антиномии как противоречия и как дополнительность. В рамках диалектики принято было рассматривать антиномии как противоречия, которые всегда находятся в борьбе, и при несовместимости приводят к точке их исчезновения. Таким образом, развитие представлялось как существование некоторых систем (структур) в динамике до определённого момента, где они преобразуются в новую форму (структуру). Такая точка зрения продолжала традицию, выдвинутую просветителями рационалистической теории непрерывного общественного прогресса.

Действительно, некоторые антиномии, как белое и чёрное, несовместимы, противоположны, противоречивы и находятся в борьбе, исчезая и подавляя друг друга. Однако большинство противоположных антиномий находятся в отношении дополнительности. В недавно возникшей, в 70 – 80-е годы прошлого столетия, новой науке соционике такие фундаментальные соционические характеристики человека, как экстравертность – интровертность, логика – этика, интуиция – сенсорика, рациональность – иррациональность, являются антагонистами в том смысле, что доминирование в структуре личности одной из них подавляет проявление другой. Однако они соединены по принципу дополнительности.

Многие представители русской философской традиции (А.С.Хомяков, И.В. Кириевский, К.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.А. Флоренский, С.Л. Франк, И.А. Ильин) отрицательно относились к теории непрерывного общественного прогресса. Они осознали катастрофичность изменения общества на основе заранее сконструированного проекта и стремились к цельному знанию, понимая необходимость дополнения рационального познания иррациональным, сверхрациональным.

Поскольку, по определению, принцип дополнительности тесно связан с квантовой физикой, наверное, было бы более уместным пользоваться термином «комплементарность», используемым в философии. Однако в современной философии физики уже достаточно широко пользуются обобщениями принципа дополнительности в области макромира [12; 13]. Принцип дополнительности и комплементарность в философии указывают на то, что различающиеся, противоположные теории и концепции, модели и точки зрения, отражающие различные взгляды на действительность, совместно создают более полное представление, чем каждая по отдельности. Примером может служить антиномия механических и холистических позиций в философии и науке по проблеме соотношения части и целого.

Взаимоотношения принципов симметрии и дополнительности с диалектикой.

Для советской науки характерно было рассматривать и дополнительность в рамках диалектики. Но, несмотря на то, что даже сам Н. Бор назвал свои антиномии диалектическими, всё же мы можем сказать, что противоречия в них не усматриваются. Вопрос связи принципов симметрии с диалектикой широко рассматривался в философской литературе [1]. Здесь необходимо упомянуть исследования Овчинникова Н.Ф., Алексеева Б.Т., и др. Однако, уже в то время исследователи заметили, что если сделать акцент на изменении более, нежели на сохранении, то принцип симметрии можно рассматривать не в диалектическом, а в релятивистском плане. «Устойчивость и изменчивость – не нечто по существу противоположное, а просто различные моменты или стороны единой сущности – движения». [16, с. 41]. Преувеличение роли изменчивости и относительности, ведущее к релятивизму, тесно связано с развитием теории систем. Отход от диалектического толкования этих принципов намечился в трудах Г. Вейля, В.Гейзенберга, П. Дирака, А. Эдингтона, А.Н. Уайтхеда, М. Борна и др.

Наиболее интересные соображения по поводу соотношения этих принципов выражено в теории катастроф Р. Тома. Теория формообразования, начало которой было положено Р. Томом, предполагает, что в некоторых моментах динамической системы возникают структуры, называемые аттракторами. В смысле взаимодействия динамических и статических элементов системы возможно рассмотрение принципа симметрии как взаимодействие сохранения и изменения в процессе формообразования.

В современном мире в связи с развитием теории динамических систем, вероятностной интерпретацией некоторых основных методологических принципов, а также новой парадигмой науки, включающей иррациональное как дополнительность рационального, необходимо рассмотреть принцип симметрии и принцип дополнительности в их взаимосвязи в релятивистском понимании. Контакт с реальным сегодня требует познания, которое получается благодаря объединению по принципу дополнительности познающего субъекта и его объекта в единую сущность. По отдельности они абстрактны, а в реальных процессах неразрывно связаны. Именно поэтому современное состояние философии науки все больше связано с проблемами целеполагания, свободой выбора, проблемами этики. В связи со сменой парадигмы науки в начале XX в. и далее, в конце XX в., научная теория пытается всё более охватить весь мир. Поэтому необходимо возникают метафизические проблемы.

Динамика современных процессов настолько высока, что изменения системы доминируют над сохранением формы, и структура практически не сохраняется. Таким образом, можно говорить только о сохранении некоторых признаков формы. В этом случае даже теория саморазвивающихся систем (синергетика) не в силах описать процесс или явление. Поскольку именно принцип дополнительности предлагает нам дополнить классическое описание мира вероятностным, а принцип симметрии может описать сохраняющиеся и изменяющиеся элементы системы, оба принципа необходимо взаимосвязаны в истолковании современных процессов.

Релятивистские аспекты антиномий принципа симметрии

Исследуя принцип симметрии в языкознании, исследователи давно заметили, что всё многообразие асимметрии в языке не достаточно для описания всей динамики языка. Асимметричность языка есть «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающем одну из особенностей строения и функционирования языка» [2, с. 355]. Динамических элементов в языке настолько много, что можно говорить о дополнительности в принципе симметрии. В. А. Карпов считает асимметрию необходимым дополнением и противоположностью симметрии и в функционировании языка должны с необходимостью проявляться как симметрия, так и асимметрия. «Асимметрия существует лишь как другая сторона явления и предполагает соответствующую ей симметрию и наоборот, равно как и то, что упорядоченность/неупорядоченность и повторяемость/неповторяемость не представимы одна без другой» [11, с. 299]. В языке, как и в других областях знания, термину асимметрия соответствует понятие асистемности. В структуре языка встречаются явления, связанные между собой отношениями полной и неполной симметрии. Симметрия часто уступает асимметрии: несмотря на то, что симметричные формы легче воспринимаются и чаще употребляются, в каждом живом языке существуют

средства для компенсации отсутствующих симметричных форм. Симметричная языковая структура впитывает в себя те или иные черты асимметрии, что способствует динамической устойчивости языковой системы.

Подобные исследования в других областях знания показывают, что целостность и динамическая устойчивость системы сохраняется, если рассматривать сохранение и изменение в принципе симметрии как противоположные и взаимодополнительные, но не противоречивые. Появление элементов нового качества приводит к асимметричности системы, к изменениям в структуре системы и к ее перестройке, что приводит к зарождению асистемных и антисистемных явлений. Устойчивость системы – это определенное единство симметрии и асимметрии. Принцип дополнительности подразумевает не одновременность проявления его сторон внутри целого и их не противоречивость.

Мы не считаем, что всевозможные отношения дополнительности, развитые диалектикой, подходят под наше отношение дополнительности, так как антиномии противостояния объектов и явлений не всегда связаны по принципу дополнительности. Принцип дополнительности Н.Бора подразумевает непротиворечивое отношение объектов или явлений, которые составляют одно целое, хотя и являются взаимоисключающими по своей сути. Н. Бор в свое время также заметил применение дополнительности к симметрии: «Этот принцип (дополнительности – прим. автора) символизирует, так сказать, своеобразное взаимное симметрическое соотношение между пространственно – временным описанием и законами сохранения энергии и импульса, плодотворность которых уже в классической физике обуславливалось тем, что эти законы могли применяться независимо от пространственно – временного рассмотрения явлений»[3, с. 57]. Такое исследование взаимоотношений симметрии и асимметрии в методологическом плане как отношение по принципу дополнительности практически не проводилось. И поэтому оно требует дальнейшего развития.

На наш взгляд, антиномии принципа дополнительности можно рассматривать как релятивистские и взаимодополнительные для сохранения устойчивости и целостности системы. Все примеры симметрии и асимметрии в любой области знания – это только примеры более общей закономерности проявления принципа симметрии.

Антиномии в дополнительности бесконечного

Открытие анализа И.Ньютоном, а одновременно с ним и Г.Лейбницем, положило начало ещё одной линии дополнительности: дополнительности, которую не замечали, пока не появились противоречия, связанные с бесконечностью. Понимание бесконечно малой у И.Ньютона и Г.Лейбница значительно отличались: у И.Ньютона – это текучая величина «флюента», а у Г. Лейбница – это бесконечное деление единицы «монады» (в общепринятой терминологии Лейбница — дифференциал). Сама идея бесконечности пришла в европейскую науку через христианское богословие[9]. Античная математика, столкнувшись с апориями бесконечности, отказалась от существования бесконечности: «бесконечности нет ни в Космосе, ни в уме» - учил Аристотель. Когда концепция И.Ньютона победила в научном мировоззрении, то с открытием бесконечно малых в XVII в. появилась и идея непрерывности. Но на рубеже XIX – XX вв. снова возникла проблема бесконечности: теория множеств Кантора к началу XX в. столкнулась с фундаментальными противоречиями: проблема континуума, парадоксы Бурали-Форти, Рассела и проблемы выбора не поддавались решению.

Здесь нечто новое внесли религиозные математики – имяславцы, считавшие, что с наименованием новых математических объектов (в частности, множеств) рождается новая математическая сущность, которая спасает от детерминистического способа анализа. Идея творения новых математических объектов, которые являются мысленными человеческими конструкциями, перешло и в другие науки, в частности в квантовую механику. Сегодня вновь созданные новые множества суперсимметрий помогают наиболее точно описать воображаемую модель Вселенной.

Кажущаяся победа непрерывности и бесконечности в науке, однако, снова становится проблемой. На сегодняшний день это связано с презентативностью и апрезентативностью языка. Спор между двумя великими философами, Л. Витгенштейном и К.Поппером, названный британскими журналистами Д. Эдмондсом и Дж. Айдиноу «кочергой Витгенштейна»[19], иллюстрирует противостояние двух методов: репрезентативности языка и его апрезентацией, передачей информации без изменения и созданием новой реальности. Научный факт отрывается от своих создателей, от физической реальности и начинает самостоятельную жизнь, возможно, воплощаясь в конкретных вещах или институтах, превращаясь в очевидную для всех реальность. Создание новой реальности необходимо должно быть связано с самой физической реальностью, а оба метода должны быть дополнительными.

Именно поэтому Н. Бугаев и другие русские философы начала XX в. обращались к монадологии Г. Лейбница. Это связано с иным пониманием бесконечно малой, а, следовательно, построения всего общества и отношением к личности человека в контексте всей методологии[17]. Монадология Г.Лейбница предполагает

дополнительность непрерывного и прерывного в духе методологии Н. Бугаева, при этом личность не становится «актером».

Заключение

Русская философия, преимущественно конца XIX – начала XX вв., не сводится ни к течениям запада, ни к философии Востока. Она выработала синтез различных традиций, выработала двуединство разума и жизни, органическую связь человека с остальным миром. Методология школы Н.Бугаева разработала обобщённое понимание дополнительности, на вершине этой методологии находились философия и математика, далее она предусматривала развитие гуманитарных наук, в частности социологии.

Указанные антиномии, противоположные, но не противоречивые, рассмотренные как дополнительность в составе целостности, могли бы способствовать другому развитию в обществе. Гуманитарные исследования приводят к острой необходимости усилить акцент в методологии на динамических процессах. Это привело к нетрадиционному рассмотрению принципа симметрии в рамках принципа дополнительности. Дополнение классических и неклассических методов, а также рационального и иррационального в принципах дополнительности и симметрии требует отдельного исследования, что и предполагается автором в более фундаментальных работах.

Список литературы

1. Алексеев И.С. Деятельностная концепция познания и реальности. – Избранные труды по методологии и истории физики. М., 1995. – 527с.
2. Большая Российская энциклопедия. / Научно-ред. совет: Ю. С. Осипов, Е. Н. Аврорин, С. И. Адян и др. – М., 2005. – 766с.
3. Бор Н. Квант действия и описание природы. //Избранные труды. М., 1971. – т. 2. – с. 56 - 62.
4. Бугаев Н. В. Математика и научно-философское мирозерцание. // Вопросы философии и психологии. – 1898. – кн. 45. – с. 697 – 717.
5. Бугаев Н.В. Математика как орудие научное и педагогическое. 2-е изд. – М., 1875. (Цит. По Половинкин С.М. П.А.Флоренский: Логос против хаоса. – с. 2, http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/38_polov.pdf)
6. Бугаев Н. В. О свободе воли. // Труды Московского Психологического Общества. Вып. 3. – 1889. – с. 195 – 218.
7. Бугаев Н. В. Основные начала эволюционной монадологии. // Вопросы философии и психологии. 1893. – кн. 2(17). – с. 26 – 44.
8. Грехэм Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. – Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 230с.
9. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности.//Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15 №3 (62). С. 35 – 50.
10. Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. М. Изд-во ПСТГУ, 2005. – 345с.
11. Карпов В.А. Язык как система. Изд. 2-е, испр. М., 2003. – 304с.
12. Климец А.П. Наука и иррационализм или обобщенный принцип дополнительности Бора. 2004, <http://quantmagic.narod.ru/volumes/VOL132004/p3220.pdf>
13. Климец А.П. О непрерывном логическом мышлении. // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика, Киев, 2001, № 3, с. 8-19.
14. Костин В.А., Сапронов Ю.И., Удоденко. Н.Н. Виссарион Григорьевич Алексеев – забытое имя в математике (1866 – 1943).// Вестник ВГУ. Серия физика, математика. – 2003. - №1. – с. 132 – 151.
15. Лопатин Л. М. Философское мировоззрение Н. В. Бугаева. // Математический сборник. 1904 – 1905. Т. 25, вып. 1. – с. 270 – 292.
16. Овчинников Н.Ф. Принципы сохранения. М., 1966. – 332с.
17. Половинкин С.М. Монадология Лейбница и Н.В. Бугаева: сходство и различие. // София. Альманах. Вып. 1. Уфа: 2005. – с.183 – 192.
18. Терехович В.Э. Обобщение экстремальных принципов физики // Альманах современной науки и образования. 2012.№11. с. 184 – 192
19. Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между великими философами. М.: Новое литературное обозрение. – 2004. – 352с.

СЕКЦИЯ №26. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Василовская Е.А., Вергалец Н.В.

Красноярский государственный аграрный университет, г.Красноярск

С тех пор, как западное сообщество признало право женщины на образование, голосование, выбор семейной модели, рода занятий и прочие социальные блага, так возникает новая проблема у маркетологов, продавцов, и капиталистов. Задача состояла в том, чтобы направить покупательную способность женщин на бесконечное потребление ненужных товаров, а цель создать новую идеологическую базу для потребления товаров широкого назначения. Общеизвестно, что большая часть услуг и товаров массового потребления потребляется женщинами, на современном рынке происходит гендерная дифференциация товаров, общих для мужчин и для женщин, сформировалось направление «гендерного маркетинга» [4, с. 90]. Товары для детей и часть товаров для мужчин также реализуется через рекламу и торговые сети, рассчитанные на женщин. Иначе говоря, женщина в качестве потребителя является подлинным столпом общества потребления.

Э. Тоффлер отмечает ошибочное отождествление мужчин с производством, а женщин – с потреблением в связи со стереотипами об их сексуальных ролях [См. 5, с. 91], однако потребительская активность женщин, очевидно, имеет глубокие социальные корни. Цель данного исследования – проанализировать зависимость женщин как потребителей от идеологических конструктов и социальных стереотипов общества потребления.

До сих пор женщины в большинстве стран мира имеют подчиненный статус по сравнению с мужчинами, что создает определенную предпосылку для их активного вовлечения в систему потребления. Неспособность занять более высокий социальный статус, обусловленная ограничением вертикальной социальной мобильности женщин, вызывает желание добиться успеха в более доступной сфере – сфере потребления. Так конкуренция за реальные жизненные блага подменяется конкуренцией в символическом пространстве. Британский социолог З. Бауман отмечает, что «потребительский рынок стал такой формой контроля, которую контролируемые принимают добровольно» и который «предлагает свободу тем, кто в других сферах своей жизни находит только ограничения» [1, с. 83]. В таких условиях погоня за модой становится реальной альтернативой конкуренции за власть и деньги, что учитывают маркетологи, рекламщики и брендменеджеры в своей работе, связывая желанный образ-симулякр «успеха» с теми или иными женскими товарами и услугами.

Система потребления прямо заинтересована в формировании потребительских качеств у женщин, что наиболее ярко проявляется в рекламе. Любая реклама содержит в себе два дискурса: первичный (рассказывает о преимуществах товара) и вторичный (адресован тому, кто покупает эти вещи). Смысл большинства рекламных сообщений не очевиден с первого взгляда, для того, чтобы их понять необходимо, прибегнуть к расшифровке (или пресуппозиции). Под пресуппозицией понимается высказывание, воспринимающееся автором, как само собой разумеющееся. Пресуппозиция всегда интертекстуальна, т.е. взаимодействует с другими смыслами, которые представлены как естественные и общепринятые.

В качестве примера приведем результаты контент-анализа рекламных роликов российского телевидения, проведенного в сентябре 2015 г. в прайм-тайм при просмотре двух телеканалов, в качестве которых были выбраны центральный телеканал «Россия 2» и телеканал, ориентированный на женщин - «Домашний». Всего был просмотрен 101 видеоролик. В качестве смысловых единиц были выбраны социальные роли мужчин и женщин, а также закадровый голос. Суггестивный закадровый голос, предлагающий товары и услуги, на наш взгляд, имеет значение, поскольку он ориентируется на доверие покупателя и в какой-то степени отражает социальный заказ на потребление. Согласно данным проведенного контент-анализа, женский закадровый голос присутствует в 39,6% рекламных роликов, мужской – в 44,5%, и мужской, и женский – в 8,9%, отсутствует закадровый голос (говорят только персонажи рекламы) – 7,0% роликов. Данные показывают, что почти в половине случаев социальный заказ на потребление идет от лиц мужского пола, однако процент женщин-«заказчиков» также довольно высок. Можно предположить, что женщины больше доверяют образу женщины-советчицы, чем мужчин, поэтому чаще используется именно женский голос.

Гендерный анализ социальных ролей в рекламе выявил постепенный отход от традиционных ролей заботливой матери, домохозяйки и женщины как сексуального объекта: образ матери фигурировал в 14,8% роликов, привлекательной женщины – в 13,9%, больная, требующая ухода/лечения – 21,8%, домохозяйка – 3,0%,

эксперт – 2,0% , спортсменка/героиня – 1,0%. Доминирование образа больной, очевидно, вызвано сезонным спросом на рекламу средств от простуды, однако женщины в рекламе лекарств предлагают самые различные медикаменты, не связанные с сезонным фактором. Отметим также появление нетрадиционных гендерных ролей, таких как спортсменка (героиня) и эксперт. Под ролью эксперта мы понимаем образ осведомленного авторитета, специалиста, предлагающего товары и услуги с позиций «науки», аргументирующего необходимость покупки «объективными» данными. Образ «эксперта» традиционно преобладает в ролях мужчин (16,8% просмотренных роликов), среди других выявленных ролей – спортсмен/герой (3,0%), больной, требующих ухода/лечения (3,0%), заботливый отец/молодой человек (3,0%), домохозяин (1,0%). Очевидно, что социальный заказ потребления исходит от мужчин-экспертов и направлен на женщин-потребителей. Среди рекламируемых женщинами товаров преобладают «несерьезные» вещи (лекарства, чай, йогурты, косметика, одежда, сладости), в то время как мужчины рекламируют более высокостатусные вещи, связанные с интеллектуальным и физическим трудом – технику, строительные материалы, спортивные принадлежности (также предлагают лекарства, чай и сладости, но более известных брендов). Какой-либо гендерной специфики рекламы каждого из телеканалов в отдельности контент-анализ не выявил.

Наиболее примечательным, на наш взгляд, оказался выявленный популярный образ больной женщины, нуждающейся в заботе. Образ женщины-жертвы, попавшей в беду, является традиционным архетипом, однако он получает дополнительное значение в системе общества потребления. Женщина выставляется в рекламе как существо изначально «неполноценное», которое может усовершенствоваться («вылечиться») за счет потребления товаров и их брендов, посредством получения символического «лекарства» из рук мужчины. Подобная «неполноценность», как правило, опирается на реальное положение женщины в социальной иерархии и создает ей иллюзию социальной мобильности за счет потребления. Как отмечает Г.Л. Тульчинский, бренд всегда содержит волшебную историю об уникальных качествах некоего товара, выступающего в качестве магического артефакта, обладание которым способно реализовать ожидание потребителя и открыть ему дверь в царство мечты [См. 6, с. 37].

Мифодизайн в современном обществе предполагает, что мифы создаются, потребляются и становятся образцом для подражания. Для женщины это означает, что путь к красоте, любви, семейному счастью, высокому статусу лежит через бренды посредством покупки товаров и приобретения услуг. Женщины начала XX в. покупали не сигареты, а миф об эмансипации, так же как сейчас они приобретают не одежду, а «успех», не продукты, а «здоровый образ жизни». Но здесь можно увидеть и другое: женщина создает себя в соответствии с образом бренда для того, чтобы самой реализовать себя как бренд на «рынке личностей» (термин Э. Фромма). Проектирование мифов, лежащих в основе брендов, приводит к тому, что маркетинг косвенно производит совершенно новые, искусственные стили жизни. Нельзя не согласиться с Г.Л. Тульчинским, что современный бизнес «производит собственно потребителей, определенные типы личности и их образ жизни, культуру и ее носителей» [6, с. 27]. Сама идея Женственности в современной культуре и в обществе, иначе говоря, конструируется маркетологами и рекламщиками-профессионалами.

Проследим эволюцию ориентированного на женщин мифодизайна на примере истории мифа о красоте. Образ женщины, как гостеприимной домохозяйки, популярный в 1970-е гг., сегодня уже не столь популярен в идеологии потребления. В результате эмансипации женщины приобрели больше независимости и материальных средств, но утратили желание тратить заработанные деньги на домашнюю утварь. Для решения этой проблемы была провозглашена новая идеология, базирующаяся на чувстве неуверенности в своей красоте миллионов женщин по всему миру. Как отмечает Н. Вульф, «миф о красоте в его современном виде появился, чтобы, заняв место предыдущего мифа – «тайны женственности», спасти капиталистов от экономического краха в результате женской революции. Миф о красоте просто взял на себя те функции, которые выполняла «религия» домашней семейной жизни. Терминология изменилась, но эффект остался прежним» [2, с.98]. Идеал домохозяйки сменился идеалом красивой женщины, домашняя эксплуатация женщины сменилась работой над симулятивной «красотой». Новоявленная идеология потребления выстроила новый женский мир с визуальными идеализированными образами.

Реклама в рамках мифа о красоте направлена на подавление чувства удовлетворенности своим внешним видом. Как пишет психолог И.В. Грошев, «рекламные образы очень сильно упрощены и стереотипизированы, но именно в таком виде они воздействуют на людей, заставляя их не только приобретать товар, но и переносить репрезентируемые рекламой стили полоролевого поведения в реальную жизнь» [3, с.331]. От символического образа будет напрямую зависеть успех товара на рынке, поскольку люди покупают не вещи, а образ жизни, связанный с успехом, сексуальностью, счастьем и т.п. Рекламный образ, включающий лингвистические, визуальные, семиотические и идеологические конструкты, формирует понятие гендерных ролей, отношений,

«естественных» мужских и женских занятий, обязанностей, желаний, понимания успеха, желанного внешнего вида.

Таким образом, женщина в системе потребления в прямом смысле конструируется посредством технологий мифодизайна; в современном обществе наиболее ярко выражено формирование мировоззрения женщин в соответствии с «мифом о красоте», благодаря которому могут стабильно существовать целые индустрии массового производства, такие как пресса, телевидение, косметическая, химическая, текстильная промышленность, реклама и многие другие. Можно сказать, что женщина в обществе потребления соответствует выявленному нами в рекламе образу «жертвы», которая «спасается» за счет потребления, принимаемого из рук мужчин-экспертов (маркетологов, рекламщиков, брендменеджеров), при этом участвуя в воспроизведении все новых типов личности-потребителя и образа жизни женщин в целом.

Список литературы

1. Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
2. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 445 с.
3. Грошев И. В. Образ женщины в рекламе // Женщина. Гендер. Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 331-343.
4. Мамаева В.Ю. Гендерные особенности поведения потребителей. – Вестник ТГЭУ. - №3. – 2012. – С. 87-97.
5. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
6. Тульчинский Г.Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 280 с.

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КРИЗИСОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Чуприна А.А.

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г.Ставрополь

Начало XXI века для России характеризуется становлением новой общественной действительности на фоне цивилизационных кризисов. Данный процесс сопровождается изменением логики социального поведения, что требует переосмысления привычных способов выработки алгоритма социокультурного взаимодействия. Современная цивилизация оказывается перед лицом глобальных вызовов, которые обуславливают цивилизационные кризисы.

Проблема функционирования семьи в кардинально изменившихся условиях социального бытия России актуализируется тем, что семья оказывается в эпицентре всех сложнейших противоречий и недоразумений современного социума и при этом совершенно лишена поддержки государства. Разнообразие социальных проблем, сопровождающихся трансформациями в обществе, в большей степени затрагивает семью, дестабилизируя её основные функции. Это во многом затрудняет её адаптивные возможности к новым условиям социальной реальности.

Для осмысления сути происходящего с российской семьей, уточним содержательный аспект понятия «цивилизационный кризис». Так, философской наукой «цивилизация» трактуется как «собственно социальная организация общества, характеризующаяся всеобщей связью охватываемых ею индивидов и социальных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства» [3]. Согласно одной из современных трактовок, под цивилизационным кризисом понимается «культурная общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей». О. Шпенглер противопоставляя цивилизацию и культуру, убедительно доказал, что пик расцвета цивилизации есть пик упадка культуры: «Упадок культуры наступает в период её заката на стадии цивилизации. Именно тогда в обществе начинают господствовать рациональность, прагматизм, утилитаризм, территориальная экспансия, власть денег во всех сторонах человеческого бытия... наступает время «мировых городов», которые эксплуатируют обширную провинцию, служащую, своего рода, питательной средой для их роста, а политика становится определяющим видом деятельности» [6]. Для сравнения возьмем и такое определение: «под цивилизационным кризисом понимается системный кризис общества во всех сфера его жизнедеятельности (власти, военной доктрины, экономики, религии и нравственности). Это кризис смысла существования человечества в жестко заданных парадигмах деструктивной реальности определению» [1].

Социокультурный аспект рассмотрения проблемы функционирования российской семьи в условиях современности опирается на цивилизационный подход к анализу общественной жизни. Приоритетная роль в этом отводится, прежде всего, характеристике преобладающего типа человека в совокупности социально-личностных качеств. Это находит выражение в умонастроении личности как типичного представителя конкретной цивилизации. В социально-философской литературе актуальна мысль Шпенглера относительно общего вектора социальной активности личности, сложившейся и проявляющей себя на ранней и поздней стадиях бытия культуры: «у культурного человека энергия обращена во внутрь, у цивилизованного – во вне» [2]. Если исходить из такого положения, можно сделать вывод о том, что современный человек по главным своим параметрам жизни во многом уступает прежнему типу личности.

Философ В. Самохвалова дает такую характеристику особенностей цивилизационного кризиса: «Это новая реальность бытия, обеспеченная и поддерживаемая сосредоточенной в центре мощью современных политико-экономических средств и новейших информационных технологий» [4]. М. Чешков отмечает: «Мы имеем дело... с фундаментальным сбоем универсальной эволюции, сбоем, угрожающим бытию человечества как целого» [4]. Основными признаками реального вызова отмечается «бесконечная пародизация всего, что наиболее значимо, или «знаково», или дорого в культуре. Пронизывающий культуру дух пародии говорит не только об утрате чувства меры или вкуса, но и о дефиците творческого начала; будучи не в состоянии создать нечто свое, новое, человек начинает пародировать известное, созданное другими, вуалируя насмешкой собственное творческое бессилие, недостаток подлинной оригинальности мышления» [5].

Исходя из обозначенных трактовок цивилизационного кризиса можно констатировать факт исчерпанности традиционных ценностных установок во всех сферах социального бытия российского общества. Очевидно, что сегодня требуются принципиально иные подходы к выработке социально и культурно приемлемых способов и форм взаимодействия в системе социальных связей.

Нравственные связи, выступающие онтологическим основанием создания и созидания семьи в её традиционном светском варианте в создавшихся условиях всё более подменяются социальными связями. Можно сказать, что и семья и общество переживают период некоего небытия, или сурового бытия при улучшенных и усовершенствованных условиях быта. Казалось бы, улучшение условий жизни должно способствовать совершенствованию личности, однако парадокс ситуации в том и заключается, что семья и общество не вырабатывают способы взаимодействия, а наоборот, переживают процесс отчуждения. Семья как культурное социальное образование, оказавшись на новом витке исторического развития российского общества, не готова к адаптации в этих условиях, поскольку сами условия не определены, размыты и постоянно изменчивы. Семья вынуждена самостоятельно вырабатывать способы функционирования на локальном уровне, порой возвращаясь к примитивным формам своего существования, или погружаясь в небытие.

Сегодня, когда глобализация становится фактом современной жизни, как следствие, возрастает интеграция всех сфер жизни общества. Современными исследователями фиксируется такой феномен как псевдоморфное развитие общества и культуры. Применительно к России это означает, что псевдоморфоза представляет развитие культуры русской автохтонной в рамках культуры европейской, по О. Шпенглеру «фаустовской».

Социальную динамику в современном обществе характеризует инверсионными процессами, которые позволяют понять механизм «псевдоморфного развития общества» [1]. Своеобразие и уникальность каждой страны, народа, нации, семьи существовали всегда, но именно сейчас, в условиях нарастающей интеграции и нивелирования базовых традиционных ценностей, они осознаются, и выделяются как особые характеристики бытия. И семья, независимо от степени выполнения ею своих социально значимых функций, оказывается в ситуации ответственности за это бытие. Более того, она и определяет степень бытия человека и общества. Во многом это процесс объективный, но диалектика взаимоотношений семьи и государства в России требует понимания семьи как метаценностного основания общества.

Взаимообусловленность цивилизационных и социально-культурных вызовов выдвигает на первый план проблему поиска семьёй способов адаптации к реалиям социальных трансформаций России. Дисбаланс между потребностью семьи в реальной культурно-педагогической помощи и реальными возможностями её обеспечения порождает проблемы социального порядка. Попытки решить эти проблемы пока сводятся, преимущественно, к тактическому уровню. Но, поскольку фундаментальная наука обладает стратегическим приоритетом перед наукой прикладной, думается, что исследовательский интерес должен сосредотачиваться на глубинных детерминантах в интегральном взаимодействии онтологического, антропологического и культурологического подходов.

Таким образом, состояние российской семьи на фоне цивилизационных кризисов вызывает тревогу и требует выработки приемлемых для российской ментальности способов адаптации семьи к новым условиям бытия. Дисфункциональные отношения в системе социальных связей и ценностей выступают фактором,

определяющим уровни модификации традиционной модели российской семьи. Изменение логики социального поведения и алгоритма традиционных ценностей фамилизма есть объективный процесс, в результате которого осуществляется критическая выборка базовых ментальных ценностей.

Список литературы

1. Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. – № 6. – С. 72 - 85.
2. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004 / Сайт:http://sbiblio.com/biblio/archive/nasaretjan_civilisacionnie/02.aspx. Дата обращения: 17 августа 2015.
3. Словарь по философии. Интернет-ресурс: <http://vslovare.ru/slovo/filosofskij-slovar/tzivilizatziya>. Дата обращения: 17 августа 2015.
4. См.: Русский мир и нусогенный кризис. Интернет-ресурс: <http://politiko.ua/blogpost19496>. Дата обращения: 24 августа 2015.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Интернет-ресурс: http://modernlib.ru/books/hantington_samyuel/stolknovenie_civilizacij/read. Дата обращения: 18 августа 2015.
6. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1998. – С.192.

СЕКЦИЯ №27.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)

КУЛЬТУРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Шубина М.М.

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал ДГТУ), г.Шахты

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» - это первая фраза Всеобщей декларации прав человека, ставшая всемирно известной. 60 лет назад эта фраза заложила основу международного права в области прав человека. Однако по сей день миллионы людей по всему миру борются с дискриминацией [3].

Борьба с различными формами дискриминации была, есть и будет одной из наиболее сложных и важных задач современного общества. Равноправное сосуществование различных слоев и групп населения, взаимоуважение, наличие равных возможностей является залогом гармоничного развития всего человечества.

Под дискриминацией принято понимать такое отношение к отдельной личности или социальным группам, которое предполагает ущемление их прав. Но ключевым для понимания дискриминации является то, что негативное и неравноправное отношение основывается на характеристиках, не являющихся приемлемыми в условиях цивилизованного общества. Другими словами, в отсутствие разумных и объективных оснований для отрицательного отношения к определенной социальной группе или отдельному его представителю за основу берутся признаки, не являющиеся реально значимыми для такого отношения.

Дискриминация как социально-психологический феномен сопровождает человека в разных формах и проявлениях с момента формирования первых общинных сообществ. Дискриминация может проявляться как на уровне отдельных социальных групп, так и на уровне политики целого государства. С развитием общества, когда стала возрастать ценность человека как личности, с развитием демократии, гуманизма и экзистенциальных ценностей масштабы борьбы с дискриминацией кардинально изменились.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящий момент, в условиях нарастания интенсивности международных коммуникаций, развития средств массовой информации и роста миграций современное общество является крайне разнородным в этнокультурном отношении и характеризуется этнокультурной «мозаичностью». Это обуславливает усиление межэтнической напряженности и возрастание роли этнических факторов в поведении человека, как на социальном, так и на личностном уровнях. В трансформирующемся поликультурном обществе одним из самых важных предикторов межэтнических

отношений является этническая идентичность. В связи с этим актуальным является изучение формирования этнической идентичности, т.к. ее несформированность может являться фактором риска возникновения напряженности между различными этническими группами, что проявляется в возникновении национальной розни, межэтнических конфликтов.

Культура начала зарождаться еще в античное время, однако все знания, которые выработаны человеком с течением времени и накоплены наукой, все растут и растут, и служат огромной опорой для дальнейшего бесконечного развития наших познавательных способностей. Однако на настоящий момент многие могут не согласиться с огромным значением культуры для человека, сославшись на развитие научно-технического прогресса, в котором нет места культуре. Но вопросы культуры являются актуальными во все времена и данные вопросы настолько серьезны, что они решаются не только в сознании определенного человека, но и на государственном и мировом уровне. Говоря о государственном уровне, вопросы, касающиеся культуры, нашли свое отражение в Основном законе Российской Федерации. Так, в статье 44 Конституции РФ говорится: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. 2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [1]. Вопросы культуры настолько важны, что они решаются и на межгосударственном уровне. Так, например, в статье 27 Всеобщей Декларации прав человека от 10.12.1948 г. говорится: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами», а статья 22 декларирует, что «Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства» [2]. Таким образом, стоит отметить, что как основы законодательства Российской Федерации, так и различные международные акты о культуре определяют, что культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого человека, что каждый имеет право на приобщение к культурным ценностям. В соответствии с этим правом каждому гарантируется: личная культурная самобытность, то есть право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей; право создавать культурные объединения культурно-просветительского профиля; право на свободу творчества, в данном случае речь идет о недопустимости вмешательства органов государственной власти и органов местного самоуправления в творческую деятельность граждан и их объединений, за исключением случаев пропаганды войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной, классовой и иной исключительности или нетерпимости [4].

Однако очень часто наши права нарушаются. Иногда на право свободного осуществления культурной деятельности, участвовать в культурной жизни общества влияет достаточно сложная политическая обстановка, которая на протяжении долгого времени охватила многие государства, в том числе и нашу страну.

Дискриминация может осуществляться открыто как прямая дискриминация, характеризующаяся преднамеренной дискриминацией против лица или группы. Примерами прямой дискриминации могут служить отказ принять в школу ребенка определенной этнической принадлежности или отказ жилищного кооператива в аренде квартир иммигрантам. Косвенная дискриминация связана с воздействием политического курса или меры, которые могут показаться нейтральными, но на самом деле систематически ставят людей, принадлежащих к определенному меньшинству, в невыгодное положение по сравнению с другими. Для борьбы с дискриминацией, особенно с косвенной и скрытой, некоторые страны приняли меры положительной дискриминации, также известной как аффирмативное (позитивное) действие. В некоторых ситуациях положительная дискриминация означает преднамеренное предпочтение определенной группы или групп, переживших историческую и всеобъемлющую дискриминацию. Намеченный результат – компенсировать скрытую дискриминацию, а также обеспечить более сбалансированное социальное представительство. В других ситуациях положительная дискриминация означает создание условий для людей с определенными проблемами (например, физической недееспособностью) с целью осуществления таких же прав и возможностей. Другая форма положительной дискриминации направлена на исправление прежней несправедливости. Все эти меры и практики нацелены на поддержание равенства «посредством неравенства». Каждый раз, когда мы разделяем людей и предоставляем разным людям и группам разные права и обязательства, мы должны задать себе вопрос, почему мы это делаем. Действительно ли это нужно? Выгодно ли это для всех? Если нет, положительная дискриминация сама по себе может стать проявлением предрассудка и дискриминации.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека ООН: Консультант Плюс.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)// Доступ из справ.- прав. системы «КонсультантПлюс»
3. Королькова А.А. Где границы у культуры? // Сборник материалов Всероссийского конкурса эссе «Права человека и дискриминация: Культура». Вып. 6. – Пермь. – 2014. – 116 с.
4. Серебрякова А.В. Дискриминация прав человека в сфере культуры. Сексизм // Сборник материалов Всероссийского конкурса эссе «Права человека и дискриминация: Культура». Вып. 6. – Пермь. – 2014. – 116 с.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СВОБОДЫ В УЧЕНИИ ЭРИХА ФРОММА

Волохова Е.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт) имени М.И. Платова, г.Новочеркасск

В условиях современного российского и западноевропейского общества не теряют своей актуальности идеи выдающегося немецко-американского философа Эриха Фромма (1900 – 1980), впервые сформулированные им в работе «Бегство от свободы» уже более полувека назад. Однако данные идеи в свете современных социокультурных реалий являются не только актуальными, но и приобретают новую остроту и значимость в решении важных общественных проблем современности.

Не секрет, что человек, в отличие от животного, имеет не только биологическую природу, но и социокультурную сущность. Как верно отмечает Э. Фромм, «человеческая природа, ее страсти и тревоги – все это продукт культурного развития общества...» [2, С. 27]. Человек становится человеком благодаря усвоению социокультурного опыта как системы внегенетической передачи информации. При этом «...индивидуум может быть на сто процентов убежден в спонтанности своих мыслительных операций, в то время, как они возникают под воздействием другого физического лица, при определенных условиях» [2, С. 237]. Процесс формирования личности культурой осуществляется также за счет того, что сознание человека впитывает нормативные и ценностно-смысловые коды культуры. Она формирует убеждения, идеалы, ценности и верования. Она устанавливает, что есть норма, а что – отклонение от нее, что есть здоровье, а что – болезнь, что добро, а что – зло. При этом стоит отметить, что «каждая из усвоенных культур не только наделяет человека... жизненной компетентностью, но и определяет личность...» [1, С. 20]. Но если человеческая личность всецело есть результат социокультурного влияния, то вряд ли можно считать ее свободной. Она постоянно вынуждена реализовывать программы, интралированные образованием (обучением и воспитанием) как важнейшим ретранслятором культуры. В качестве примера можно привести феномен совести, которая «заставляет человека действовать в соответствии с желаниями и целями, которые он сам считает своими, в то время как на самом деле они являются интериоризацией внешних социальных требований» [2, С. 121]. В этом и состоит социокультурный и правовой парадокс: человека называют свободным в условиях, постоянно сковывающих его свободу, но в то же время неизменно вменяя ответственность за его поведение. Разрешить его возможно за счет осознания идеи свободы, которое становится возможным при достижении определенного уровня личностного развития. Он в свою очередь достижим только при создании соответствующих социокультурных условий. Понимаемая в таком контексте личностная свобода является ничем иным, как эпифеноменом социокультурного пространства.

Последнее в свою очередь дает основание утверждать, что качественный характер проявления свободы личности определяется спецификой формирующего его общества и особенно тем, насколько оно способствует или, наоборот, сдерживает развитие индивидуально-личностного начала. «Разные общества, – подчеркивает Э. Фромм, – отличаются разной степенью, до которой они способствуют развитию индивидуума, но в каждом их них существует разрыв между задачами нормальной жизнедеятельности общества и полного развития каждой личности» [2, С. 172]. Таким образом, в условиях авторитарного общества человек, поступающий свободно, будет восприниматься как невротик или девиантная личность, в то время как хорошо адаптирующийся к особенностям такого общества человек, утративший свободу, будет считаться полноценным. Не случайно существует поддержанная данными аргументами позиция, согласно которой «в основе любого невроза, как впрочем и нормального развития, лежит в первую очередь борьба индивидуума за свою свободу и независимость» [2, С. 223]. Понимаемый в таком ключе невроз есть неудачная попытка разрешения противоречия между стремлением к свободе и наличием непреодолимой внутренней зависимости от чего-то, что все-таки

одерживает верх в данной борьбе, приводя к личностной деструкции. Но причины неудачи в этой борьбе имеют всё же не только внутрличностные, но и социокультурные детерминанты.

Как верно отмечает Э. Фромм, В условиях современных капиталистических отношений человек служит внешним по отношению к себе целям, являясь лишь звеном большой цепи, т.е. не ради собственного блага, а ради внеличных целей, что усилило в нем ощущение беспомощности. Ценности же данного общества стали определять господствующие в нем группы, получившие под контроль все социальные институты, в том числе воспитание, школу, церковь, средства массовой коммуникации. С другой стороны, обладая авторитетом в глазах низших классов, она стали объектом подражания для них. Поэтому когда и в условиях современности человек считает, что поступает в соответствии с собственными интересами и ценностями, то это в большинстве случаев далеко не так: «Именно абстрактное социальное «я» является той самой «личностью», в интересах которой действует современный человек...» [2, С. 146]. Целостность современной личности в современных условиях подорвана, она стала орудием, которое служит выполнению целей машины, сотворенной самым же человеком.

Нивелирование личности в условиях общества потребления хорошо иллюстрируется изменением отношения к потребителю в условиях новых реалий: если с покупателем в небольших торговых пунктах считаются, уговаривают, изучают его вкусы, то в гигантских супермаркетах внутренний мир покупателя, изначально чувствующего себя менее значимым уже в силу размеров самого здания, никому не интересен, что усиливает ощущение его незначительности. Технологии современной рекламы направлены не столько на рациональные, сколько на эмоциональные стороны сознания человека; применяются методы, притупляющие критические способности потребителя и не имеющие ничего общего с качеством самого товара. В этом отношении нельзя не согласиться с Э. Фроммом в том, что подобные методы «...представляют гораздо большую опасность для нашей демократии, нежели прямые выпады в ее сторону...» [2, С. 161]. Что же касается самой демократии, то в условиях мощного влияния политической пропаганды с помощью средств массовой коммуникации также вряд ли можно говорить о какой бы то ни было свободе выбора. Причем такая ситуация наблюдается практически во всех странах, декларирующих себя в качестве демократических.

Социокультурная детерминация обретения свободы тесно связан с личностной. Для того чтобы быть носителем свободы, человек должен стать личностью. Но в то же время личностью человек может стать только в атмосфере свободы. Не случайно Э. Фромм пишет о том, что «...когда человек найдет пути реализации собственной личности, только тогда человек станет по-настоящему свободным» [2, С. 232]. Осознание данной несколько парадоксальной ситуации приводит к мысли о том, что проблема свободы имеет реальное содержательное наполнение не для человека массы, для которого свобода лишь иллюзорна, а для человека элиты. Причем элитарность в данном случае не изменяется статусными, социально-политическими или экономическими критериями. Она синонимична яркости, полноте и уникальности сугубо личностного измерения человека, проявленного в его самостоятельности, оригинальности, творческой продуктивности, непосредственности, независимости и автономности. С этой позиции, как верно отмечает Э. Фромм, «из общей массы можно выделить несколько подлинных личностей, но в основе своей человек – безликое существо, и... вера в неповторимость каждого – всего лишь пустая иллюзия, и причем иллюзия опасная, так как она мешает устранить те причины, которые и привели к подобному убеждению» [2, С. 232]. Не трудно заметить, что Э. Фромм, говоря о бегстве человека о свободы, прежде всего, и описывает того самого массового человека, который испытывает перед ней страх. Массы всегда внутренне предпочитают диктатора и «...внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благоденствия либеральной свободы...» [2, С. 274]. И действительно, любая идея, в том числе и идея свободы, может стать реальной силой лишь тогда, когда отвечает личным потребностям представителей конкретного социального характера. Но тогда возникает вопрос: если свобода не нужна массовому человеку как носителю не собственных, а навязанных мыслей, идей, чувств и убеждений, то, возможно, то, что сдерживает его свободу и есть непоколебимое условие его жизнестойкости, что обеспечивается из века в век государственными и социальными институтами? Иными словами, стоит ли распространять ценности, присущие человеку элиты, на человека массы? Ответ неоднозначен: одни считают, что это не имеет никакого смысла, другие выступают за то, что всякий человек должен обладать равными возможностями. Поэтому если не отказываться от свободы как общественного блага, то тогда требуется создание таких условий, которые бы приводили к формированию личностной элитарности в условиях массовости, что в принципе, на первый взгляд, представляется довольно утопическим намерением. Речь в данном случае и идет о личностных детерминантах человека как носителя свободы. Каковы они? Э. Фромм называл в качестве основного условия позитивной свободы личности спонтанную активность, проявляемую в творческом труде и во взаимной любви. В качестве дополнения к данному условию он прямо или косвенно относит: критичность и независимость мышления, его оригинальность и креативность, а также относительную автономность чувств и желаний личности.

Список литературы

1. Тульчинский Г.Л. О природе свободы // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 17 – 31.
2. Фромм Э. Бегство от свободы // Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д.Н. Дудинского; Худ. Обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2000. – С. 3 – 366.

ЦЕЛЬ И ЦЕННОСТЬ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Шестаков Ю.А.

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г.Шахты

Проблема определения цели истории в современной культурфилософской ситуации, характеризующейся кризисом ценностных оснований социума, является одной из самых актуальных, поскольку её решение позволит выявить ту аксиологическую матрицу современности, которая послужит ключом к обретению идеального будущего. Ответ на этот вопрос, данный в рамках философии постмодерна, отличается в этом смысле наибольшим своеобразием, сравнительно с трактовкой цели истории, характерной для классической историософии, а потому представляет интерес в качестве альтернативного видения путей решения духовных проблем нашего времени.

Философия истории модерна предполагала, что направленность истории задаётся её разумной и научно обоснованной целью. Цель истории локализовалась либо в настоящем (Г.Ф.В. Гегель), либо в будущем (И.Кант, И.Г. Фихте), либо мыслилась как вектор развития, указывающий направление движения в бесконечное будущее, неопределённо отдалённое от настоящего (Ф.В.Й. Шеллинг). Претендовавшая на рациональное познание законов фундирующих бытие человечества в мире классическая историософия с логической неумолимостью вела к мысли о том, что человечество должно реализовать направленность своего развития неким финалом. Наиболее системно эта мысль проявилась у Г.Ф.В. Гегеля и его интерпретаторов-неогегельянцев. Пришествие тотальности, построение той социальной структуры, которая устранил «частичность, неполноту человеческого присутствия в мире» [5, с. 44] означали для них цель и конец истории.

Философия истории постмодерна напротив, категорически отрицала телеологичность и финализм исторического процесса. Исследование способов порождения новых дискурсивных объектов, приводящих к смене эпистем (темпорально ограниченных способов постижения мира) привело одного из видных философов истории-постмодернистов Мишеля Фуко к выводу о том, что представление о цели истории исторически конкретно и является частью одного из архивов (совокупности теорий, определяющих эпистему), обусловленного правилами задаваемыми «позитивностью» (размеренностью материала познания во времени и пространстве) и «историческим априори» (условием проявления позитивности). По словам комментаторов философа «дискурсивная формация у Фуко способна маркировать науку, идеологию, медицину и пр. – но взятых в качестве данности, категорически вне предположений об их преемственности и единой цели» [2, с. 121]. В своем фундаментальном труде «Ницше, генеалогия, история» сам Фуко усматривал отличие своей генеалогии от традиционной философии истории в том, что его учение не предполагало в качестве основания объективности истории «необходимую веру в провидение, в конечные причины, в телеологию» [2, с. 188]. Взамен целесообразности истории, необходимо детерминированной настоящим, М. Фуко предпочитал видеть в развитии человечества имманентно самоорганизующуюся творческую среду событийности. Он категорически отрицал историческую закономерность настоящего, утверждая, что «помещая настоящее в происхождение, метафизика заставляет поверить в тайную работу предназначения, которое стремилось бы прорваться наружу с самого начала» [4, с. 189 – 190]. Из этого вытекала принципиальная аксиологическая «антистратегичность» в отношении к современности. Философ, опираясь на исторический анализ, считал аморальным выдвигание перед обществом какой-либо единой цели. В силу своей исторически ограниченной псевдорациональности такая цель могла, на его взгляд, реализовываться лишь насильственно, путём внешней мобилизации социума, исходящей от политических институтов. По мнению Фуко ценность истории состоит в том, что она обосновывает борьбу против любой опасности нивелировки своеобразия со стороны власти.

В констатации исторической ограниченности и репрессивности телеологизма истории с Фуко солидаризировался и Жан Бодрийяр, предполагавший существование в процессе развития человечества фактически двух «историй» – истории как объективного процесса развертывания противоборства между ценностями культуры и имплозией масс и истории как рационального ценностного конструкта одного из этапов

этой борьбы, приходящейся на эпоху «социального» [7, с. 137]. Именно этот конструкт предусматривал телеологизм истории. Унификацию, на которой были основаны социальные связи на Западе последних двух веков, Бодрийяр связывает с «централизованным пространством перспективы» [1, с. 66]. Такая перспектива поддерживается историей как проектом, построенным на телеологии. Бодрийяр постулировал неадекватность подобной установки реалиям современности и говорил о кризисе телеологии.

Постмодернист Макс Мюллер так же называл историей «такую взаимосвязь действий, которая ведёт к возникновению созданного мира, соответствующего ограниченной во времени группе людей» [6, с. 246], что разумеется опровергает саму мысль о возможности увидеть какую-либо общую цель в истории. Поэтому и по его мнению представление о цели истории всегда было и будет носить подчинённый власти, детерминированный ей, ущемляющий свободу индивида, характер апологетики.

Жак Деррида, считавший тупиковой установку западного философско-исторического мышления на «телеоцентризм», выражавшуюся в признании целесообразности исторических событий и конкретно-исторических условий их возникновения, парадоксально полагал, что целью истории является её конец, наступление которого неизбежно. Однако этот конец он мыслил именно в виде прекращения существования «репрессивной», «имперской» западной философии, в рамках которой история осмысливается как рационально обоснованный мегапроект, предполагающий целесообразность. В будущем он отрицал саму возможность возникновения исторически перспективного рационализма и построения на его базе очередного телеоцентристского конструкта. Для Дерриды его деконструкция является, по словам исследователей его творчества, «изучением открытости будущему», «неистребимым движением исторического открытия будущего» [3, с. 32]. Мессианизм Дерриды означал призыв к разрушению традиционных культурфилософских структур, определяющих порядок дискурса и стремление таким способом «вновь изобрести будущее» [3, с. 27], которое будет парадигмально иным и только возможным.

Таким образом телеологичность истории признается постмодернистами исторически ограниченным и репрессивным конструктом. Взамен предсказуемой истории постмодернистский дискурс предлагает творческую непредсказуемость. Такая трактовка закономерно приводит к экспликации ценности истории как обоснования возможности и необходимости критики современности, обоснования возможных альтернативных путей развития нынешнего бытия, каждый из которых может рассматриваться как равноценный способ решения проблем современности.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы: пер. с французского. – М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
2. Грицанов А. А., Абушенко В.Л. Мишель Фуко / А. А. Грицанов, В.Л. Абушенко. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
3. Грицанов А. А., Гурко Е. Н. Жак Деррида / А. А. Грицанов, Е. Н. Гурко. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 256 с.
4. Современная мировая философия: учеб. для вузов / под ред. А.С. Колесникова. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2013. – 563 с.
5. Стрелков В.И. Антигегельянство и постгегельянство: дилемма французской классической мысли // Вестник российского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 36-45.
6. Философия истории: учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999. – 432 с.
7. Шестаков Ю.А. Ценность и история в работах Ж. Бодрийяра // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: сборник материалов II международной научно-практической конференции (Новосибирск, 10 сентября 2015 г.) / Под общ. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – 188 с. С. 134-137.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

СЕКЦИЯ №28.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных общественных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных общественных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития общественных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы общественных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки: вопросы и тенденции развития**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

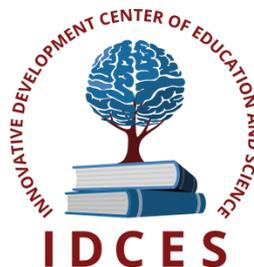
II Международная научно-практическая конференция «**Перспективы развития современных общественных наук**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Основные проблемы общественных наук

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 октября 2015г.)**

**г. Волгоград
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 11.10.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,9.
Тираж 250 экз. Заказ № 374.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58